

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2016

№ 1 (33)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 19 ноября 2007 г.

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Суровцев В.А. (Томск, Россия) –
главный редактор
Ладов В.А. (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Агафонова Е.В. (Томск, Россия) –
ответственный секретарь
Борисов Е.В. (Томск, Россия)
Сыров В.Н. (Томск, Россия)
Черникова И.В. (Томск, Россия)

EDITORIAL BOARD

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
Ladov V.A. (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Agafonova E.V. (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
Borisov E.V. (Tomsk, Russia)
Syrov V.N. (Tomsk, Russia)
Chernikova I.V. (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Химма Кеннет Э. (Вашингтонский университет, Сизтл, США)
Ренч Томас (Технический университет, Дрезден, ФРГ)
Вяткина Н.Б. (Институт философии НАНУ, Киев, Украина)
Васильев В.В. (Московский государственный университет, Москва, Россия)
Микиртумов И.Б. (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)
Целищев В.В. (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия)
Диев В.С. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия)

EDITORIAL COUNCIL

Himma Kenneth E. (University of Washington, Seattle, USA)
Rentsch T. (Technical University, Dresden, FRG)
Viatkina N.B. (Institute of Philosophy of NASU, Kiev, Ukraine)
Vasilyev V.V. (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Mikirtumov I.B. (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia)
Tselishcev V.V. (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Diev V.S. (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Аверина Е.А., Попова А.В. Оценка доступности среды для людей с ограниченными возможностями здоровья (на примере г. Новосибирска).....	5
Банных Г.А. Использование интернет-технологий в университетском образовании: информационная компетентность и возможности ее формирования у студентов и преподавателей.....	15
Васильева Е.А. К вопросу о мотивации государственных служащих: социологический анализ.....	25
Губайдуллина А.Н. Роль отца в современной детской прозе.....	34
Жапарова А.К. Мужественность в танце, или «Настоящие мужики не танцуют!?».....	39
Жидкевич Н.Н. Социально-экономические типы современных российских отходников.....	44
Зернов Д.В. Армия в структуре жизненных интересов старшеклассников.....	53
Малый В.И., Гусев В.В. Российские системообразующие компании под действием экономических санкций: социальные вызовы и новые возможности (на примере ПАО «Газпром»).....	63
Никонова А.А. Государственная программа «Доступная среда на 2011–2015 годы» как фактор ликвидации барьеров инвалидности в России.....	76
Погодаев Н.П. Риски «колонизации будущего»: русский авось и таджикский таваккалан в университетском пространстве Томска.....	89
Подкладова Т.Д. Мужчина-отец в семье и обществе: вовлеченность vs. исключенность.....	107
Сингизов Т.Р. Динамика этнического состава исламской уммы в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре.....	113
Скрипник А.В. Маркетинговые и культурологические составляющие имиджа города (на материале г. Томска).....	124
Чилипенко Ю.Ю. Профсоюзы, ассоциации промышленников и предпринимателей, службы занятости и кадровые агентства: отношения с малым и средним бизнесом.....	134

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

Антонюк А.М. Виртуальная публичная сфера: потенциал демократизации.....	144
Балуев Д.Г., Каминченко Д.И. Сравнительный анализ «новых СМИ» и социальных медиа в контексте социально-политического и исторического факторов.....	153
Быков А.А. Реформация и трансформация благотворительной деятельности в начале Нового времени.....	162
Вялых Н.А. Потребление медицинской помощи в современной России: многомерный методологический конструкт социологического исследования.....	170
Удальцова М.В., Абрамова Е.А. Социальное благополучие в транзитивном обществе: проблемы и возможности.....	182
Щетинина Е.В. Миссионерский проект как продукт человека экономического в условиях кризиса постсекулярной культуры.....	188

МОНОЛОГИ. ДИАЛОГИ. ДИСКУССИИ.

Мешерякова Н.Н., Карпова А.Ю. Гуманистические перспективы социологии в современном обществе (Рецензия на книгу: Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота).....	195
--	-----

CONTENTS

SOCIAL INSTITUTIONS AND SERVICES

Averina E.A., Popova A.V. Evaluation of environment accessibility for people with disabilities in Novosibirsk	5
Bannykh G.A. The use of internet technologies in university education: information competence and the possibility of it's formation among students and teachers	15
Vasilieva E.A. To the question on motivation of civil servants: a sociological analysis	25
Gubaydullina A.N. The image of the father in contemporary prose for children.....	34
Zhapparova A.K. «Masculinity in dance or» real men do not dance !?.....	39
Zhidkevich N.N. Socioeconomic Types of Contemporary Russian Otkhodniks (Domestic Temporary Labour Migrants).....	44
Zernov D.V. Army as a part of life values of senior pupils	53
Maliy V.I., Gusev V.V. Russian strategic companies under the influence of economic sanctions: social challenges and opportunities (on basis PJSC «Gazprom»)	63
Nikonova A.A. The state program «Accessible Environment» as condition of dissolution of disability barriers in Russia.....	76
Pogodaev N.P. The risks of 'colonizing the future': the russian avos' and tajiik tavakalan in the university space of Tomsk	89
Podkladova T.D. The man- father in the family and in society: involvement vs. exclusion	107
Singizov T.R. The Dynamics of the Composition of the Muslim Ummah in the Khanty-Mansiysk Autonomous Region – Yugra	113
Skripnik A.V. Marketing and cultural components of the image of the city (on the basis of Tomsk).....	124
Chilipenok U.Yu. Trade unions, the Association of industrialists and entrepreneurs, employment services and recruitment agencies: relations with small and medium-sized businesses	134

SOCIAL THEORY

Antonyuk A.M. Virtual public sphere: the potential of democratization	144
Baluev D.G., Kaminchenko D.I. Comparative analysis of «new» and social media in the context of socio-political and historical factors	153
Bykov A.A. Reformation and transformation of charity work at the beginning of the New time	162
Vyalykh N.A. Medical care consumption in modern Russia: multidimensional methodological construct of sociological research	170
Udaltsova M.V., Abramova E.A. Culture and education technology as social welfare	182
Schetinina E.V. Missionary project as a product of economic human in the crisis of post-secular culture	188

MONOLOGUES. DIALOGUES. DISCUSSIONS

Meshcheryakova N.N., Karpova A.Yu. Sociology humanistic prospects in modern society	195
--	-----

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

УДК 364

DOI: 10.17223/1998863X/33/1

Е.А. Аверина, А.В. Попова

ОЦЕНКА ДОСТУПНОСТИ СРЕДЫ ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ (НА ПРИМЕРЕ г. НОВОСИБИРСКА)

Осуществлено социальное картографирование городских маршрутов с точки зрения их доступности для людей с ограниченными возможностями здоровья, передвигающихся на колясках. Рассматриваются нормативно-правовые основы формирования доступной среды в России.

Ключевые слова: люди с ограниченными возможностями здоровья, доступная среда.

Проблема доступности и комфортности городской среды для лиц с ограниченными возможностями жизнедеятельности в российском обществе начала обсуждаться сравнительно недавно – с конца 90-х гг. XX века.

Важнейшим условием и средством обеспечения людей с ограниченными возможностями здоровья равными с другими гражданами возможностями для участия в жизни общества является формирование безбарьерной среды жизнедеятельности. Данный процесс предусматривает: беспрепятственный доступ к объектам социальной инфраструктуры, транспорта и транспортным коммуникациям, к средствам связи и информации, к получению социальных услуг, формирование «безбарьерной» психологической среды в обществе.

Термин «доступная» среда содержательно определяется в законодательных актах Российской Федерации. Например, в Своде правил по проектированию и строительству зданий и сооружений с учетом доступности для маломобильных групп населения, доступность определяется как свойство здания, помещения, места обслуживания, позволяющее беспрепятственно достичь места и воспользоваться услугой [1].

В соответствии с нормативными документами РФ к маломобильным группам населения относятся: инвалиды, люди с временным нарушением здоровья, беременные женщины, люди старших возрастов, люди с детскими колясками.

Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» обязывает власти всех уровней формировать и реализовывать адресные районные и городские программы по обеспечению доступности объектов городской инфраструктуры. Создание доступной среды жизнедеятельности инвалидов также является важным направлением в рамках социальной интеграции. В настоящее время на федеральном уровне продолжается реализация государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2020 гг. Она определяет об-

шие мероприятия по созданию доступной среды на всей территории Российской Федерации. Механизмы реализации общих мероприятий с учетом региональной специфики разрабатываются в рамках региональных целевых программ.

Подобную программу имеет каждый регион, однако ресурсы, которыми располагают разные субъекты Федерации, различны. Авторы статьи доступность городской среды рассматривают на примере г. Новосибирска.

Новосибирск является одним из крупнейших городов России. Численность его населения на начало 2015 г. составляет 1 567 087 человек [2]. В Новосибирской области, согласно данным Пенсионного фонда Российской Федерации, проживает почти 200 тыс. человек, имеющих инвалидность и получающих соответствующие пенсионные выплаты [3].

Формирование условий для обеспечения беспрепятственного доступа инвалидов и других маломобильных групп населения к приоритетным объектам и услугам задают следующие документы:

- государственная программа Новосибирской области «Развитие системы социальной поддержки населения и улучшение социального положения семей с детьми в Новосибирской области на 2014–2019 годы»;

- долгосрочная целевая программа Новосибирской области «Доступная среда для инвалидов в Новосибирской области на 2012–2015 годы».

Из общей характеристики реализации государственной программы «Развитие системы социальной поддержки населения и улучшение социального положения семей с детьми в Новосибирской области на 2014–2019 годы» следует, что за счет средств этой программы в настоящее время:

- обустроены входные зоны для 55 приоритетных объектов в городах Бердске, Искитиме, р.п. Кольцово, Барабинском и Куйбышевском муниципальных районах Новосибирской области. Из средств местных бюджетов и внебюджетных источников удалось обустроить входные зоны 66 приоритетных объектов в муниципальных районах и городских округах Новосибирской области;

- оказаны реабилитационные услуги 95 инвалидам с нарушением опорно-двигательного аппарата в ООО «Реабилитационный центр «ОртоС»;

- обучено 158 инвалидов работе с информационными ресурсами в информационно-телекоммуникационной сети Интернет;

- предоставлены услуги социального такси 2 502 инвалидам, проживающим в муниципальных районах и городских округах Новосибирской области;

- обучено чтению и письму рельефно-точечным шрифтом 74 инвалида, впервые получивших инвалидность по зрению [4].

Целью программы «Доступная среда для инвалидов в Новосибирской области на 2012–2015 годы» является формирование условий для обеспечения беспрепятственного доступа инвалидов и других маломобильных групп населения к приоритетным для них объектам и услугам. В ней подробно описаны проблемные моменты состояния доступной среды Новосибирской области, предложены мероприятия для устранения барьеров, которые не позволяют интегрироваться большинству людей с инвалидностью в жизнь общества.

Для оценки результативности данной программы была проведена визуальная оценка доступности городской среды для инвалидов, передвигающихся на колясках. Выбор данной категории обусловлен тем, что именно они сталкиваются с наибольшим числом сложностей при передвижении по городу. Авторами статьи в начале (март) и в конце (май) весны 2015 г. проводился анализ состояния городской среды с целью оценки уровня её доступности для инвалидов-колясочников.

Для того чтобы оценить доступность зданий и сооружений с учетом доступа инвалидов-колясочников, необходимо знать:

- габариты кресла-коляски;
- параметры инвалида в кресле-коляске.

Для доступа в здания и сооружения, кроме габаритов инвалидной коляски, необходимо учитывать наличие следующих средств:

- пандус для заезда (обычно под углом до 7° или 10° при наличии перил);
- специальный лифт для колясочников или подъемник;
- приспособление городской инфраструктуры – условия, при которых инвалид беспрепятственно может передвигаться по улице (пандусы и съезды с тротуара, ровный асфальт).

Сегодня в России есть электронные ресурсы, с помощью которых можно определить доступность конкретных объектов, рассмотрим некоторые из них.

2ГИС (ДваГИС, ДубльГИС) — российская картографическая компания, выпускающая одноименные электронные справочники с картами городов. На карте Новосибирска действовал слой «Доступный город» [5]. Это небольшое дополнение к электронному справочнику наносит на карту информацию о доступности городской инфраструктуры для маломобильных граждан. Установив слой, пользователи 2ГИС Новосибирска могли увидеть, например, городские маршруты, на которых есть низкопольные автобусы. Выбрав из списка интересующий маршрут, можно узнать, сколько машин с низким полом на нем работает. Среди объектов присутствуют все учреждения социального обеспечения – отделы социальной поддержки населения, общественные организации, оказывающие услуги инвалидам. Каждый объект выделен на карте города специальным значком и снабжен информацией о наличии или отсутствии элементов, которые упрощают доступ к нему, – пандусов, поручней, лифтов. В отдельную группу выделены объекты, оснащенные пандусами. Среди них – школы, библиотеки, поликлиники, больницы, театры и другие учреждения культуры, спортивные сооружения.

Проект «Карта доступности» призван помочь людям с инвалидностью найти места, где они смогут заниматься параолимпийскими видами спорта, а также предоставить им информацию о находящихся неподалеку доступных объектах городской инфраструктуры. Уникальность проекта «Карта доступности» состоит в том, что карта доступных объектов составлена на основании данных, поступивших от жителей российских городов [6]. В рамках этого проекта есть карта Новосибирской области, но на данный момент на ней обозначены лишь 38 объектов, доступных инвалидам. Если сравнить информацию о доступных объектах с картой 2ГИС, то становится очевидной недоработанность «Карты доступности».

Информационный портал «Доступная среда» создан в рамках государственной программы «Доступная среда» [7]. На портале представлена карта доступности объектов по субъектам РФ. Данная карта очень информативна, можно выбирать не только категории интересующих объектов, но и категории инвалидности и, соответственно, узнавать доступность объектов для людей с определенными трудностями передвижения. К сожалению, на данном портале отсутствует карта для Новосибирской области.

Для анализа доступности среды г. Новосибирска были выбраны 8 организаций, которые обозначены на карте 2ГИС как доступные для инвалидов-колясочников. Среди них Муниципальное бюджетное учреждение «Комплексный центр социального обслуживания населения» Заельцовского района, Отдел социальной поддержки населения администрации Центрального округа по Железнодорожному, Заельцовскому и Центральному районам, Муниципальное бюджетное учреждение г. Новосибирска Центр реабилитации детей и подростков с ограниченными возможностями «Олеся» и городская поликлиника № 9. А также городская инфекционная клиническая больница № 1, средняя общеобразовательная школа «Перспектива», Новосибирский театр музыкальной комедии и Новосибирский музыкальный колледж им. А.Ф. Мурова.

Методом визуального наблюдения авторами оценивалось состояние ближайшей к организации остановки общественного транспорта (наличие пандусов и съездов на тротуаре, их угол наклона, общее состояние); наличие маршрутов общественного транспорта с низкопольными автомобилями на данной остановке; присутствие преград на пути от остановки до организации (отсутствие пандусов на тротуаре, неровности тротуара, обледенения); возможность приблизиться к пандусу возле входа в организацию и его угол наклона.

Всего в Новосибирске 69 автобусных маршрутов (это 833 автобуса) [8], из них 15 маршрутов общественного транспорта, на которых имеются низкопольные транспортные средства, в общей сложности 49 низкопольных автобусов [11]. Троллейбусных маршрутов в Новосибирске 14 (это 224 троллейбуса), из них 2 маршрута с низкопольными троллейбусами (16 троллейбусов). Также есть 10 трамвайных маршрутов, из них у одного маршрута есть трамваи с откидывающейся аппарелью (точное количество оборудованных трамваев на данном маршруте узнать не удалось). Еще есть 57 маршрутных такси, среди них нет ни одного маршрута с оборудованным транспортом.

Изучалось восемь организаций, добраться на низкопольных транспортных средствах и выйти на ближайшей остановке от здания можно у пяти из них, у остальных трех такой возможности нет. Конечно, есть и другие способы добраться до нужного объекта: доехать до другой остановки, которая находится дальше, или, например, воспользоваться услугами социального такси. Но в таком случае необходимо приложить дополнительные усилия, потратить время на поиск подходящего варианта маршрута, что не отвечает условиям комфортной среды. Получается, что в трех из восьми случаев человеку нельзя просто сесть в автобус и доехать до нужного места. Наличие низкопольных автобусов в Новосибирске благоприятно влияет на организацию доступной среды, но их слишком мало.

Так, ближайшей остановкой к отделу социальной поддержки населения администрации Центрального округа по Железнодорожному, Заельцовскому

и Центральному районам является остановка «Вокзал-Главный». Здесь проходят 33 маршрута, из них лишь 3 имеют низкопольные автобусы, в общей сложности 6 машин.

К МБУ г. Новосибирска Центр реабилитации детей и подростков с ограниченными возможностями «Олеся» ближе всего остановка «ЦУМ». Здесь проходит 27 маршрутов, из них также лишь 3 имеют низкопольные автобусы.

К СОШ «Перспектива» и Новосибирскому театру музыкальной комедии ближе всего остановка «Стадион Спартак», здесь проходит 5 маршрутов, из них только маршрут трамвая имеет оборудованный транспорт.

А к Новосибирскому музыкальному колледжу им. А.Ф. Муро́ва ближе всего остановка «Площадь Ленина», здесь проходит 10 маршрутов, из которых лишь 2 имеют низкопольные троллейбусы.

В целом видно, что количества имеющегося низкопольного транспорта недостаточно для обеспечения комфортного передвижения по городу инвалидов-колясочников.

Попавшие в поле нашего интереса остановки общественного транспорта, в том числе для маршрутов, оборудованных специализированными машинами, не приспособлены под нужды инвалидов-колясочников.

Почти на каждой остановке присутствуют бордюры, спусков с которых нет. Даже если место, где останавливается транспорт, доступно для въезда и выезда из автобуса, то выбраться с самой остановки все равно затруднительно, часто встречаются подъемы, бордюры, преодолеть которые самостоятельно инвалид не сможет (фото 1).

В марте часть дороги возле остановок находилась в очень плохом состоянии, во многих местах были большие лужи, обледенения. В мае состояние остановок улучшилось, так как уже нет льда и лужи в местах выхода пассажиров встречаются значительно реже, но новых бордюрных спусков не появилось, многие из осмотренных остановок все также не доступны для человека на инвалидной коляске. А неровности асфальта на тротуаре проявились еще больше.

Фото 1

Фото 2

Фото 3

Исследование пути от остановки до интересующей организации в марте выявило следующие факты: пандусы и спуски с тротуара на дорогу (в местах пешеходных переходов) практически везде присутствовали, многие находились в хорошем состоянии, с допустимым углом наклона и подходящей шириной для проезда инвалидной коляски. Местами встречались уже непригодные пандусы с разбитым асфальтом, вследствие чего в них образовались лужи. Также были пандусы, заваленные снегом, что увеличивает угол наклона спуска (фото 2). Неубранный снег и лед были везде. Часто встречалась ситуация, когда организации, которые расположены по пути следования, убирали снег на тротуаре от своего входа до проезжей части, на нашем пути получался вырез с прямыми углами, спуск в который и въезд обратно не был оснащен временным снежным проходом.

В мае исследуемые участки улицы стали выглядеть более доступно, так как уже отсутствовал тающий снег, стало меньше больших луж, обледенений. Однако заметно ухудшилось состояние тротуара, в том числе некоторых бордюрных пандусов, некоторые спуски разбиты, в них лужи, встречались спуски, в которых находились отколотые куски асфальтовой плитки, что может привести к повреждению колес инвалидной коляски (фото 3).

Также был проанализирован маршрут по центральным улицам г. Новосибирска: ст. метро «Площадь Ленина» – ул. Красный проспект – ул. Фрунзе – ул. Мичурина – ул. Гоголя – ул. Красный проспект – ст. метро «Площадь Ленина». Следуя по данному маршруту, изучалась возможность беспрепятственного передвижения на инвалидной коляске по улице и доступность объектов социальной среды по пути следования (фото 4).

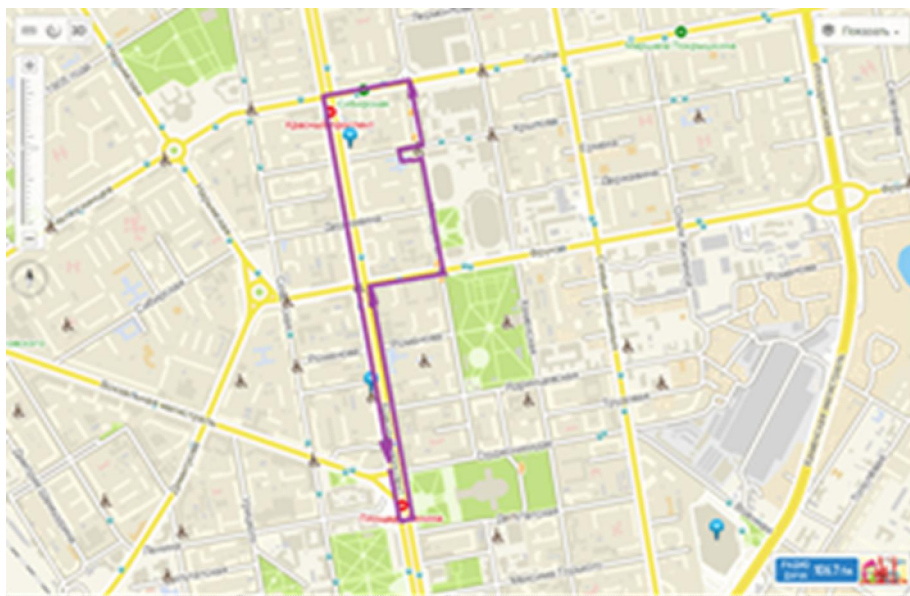

Фото 4

Маршрут начался с перехода ул. Красный проспект через подземный переход ст. метро «Площадь Ленина». Подобные переходы на карте 2ГИС не обозначены как доступные для инвалида. В подземном переходе есть аппара-

ли под большим углом наклона и присутствуют перила, что делает возможным переход улицы, но только с посторонней помощью, причем человек, который будет помогать, должен обладать большой физической силой. Далее осмотрен путь по ул. Красный проспект до ул. Фрунзе, на этом отрезке пути почти отсутствуют преграды для передвижения на инвалидной коляске, везде есть спуски с тротуара, уже в марте здесь был убран снег, но местами из-за неровностей асфальта образовались лужи. По пути был осмотрен вход в здание Новосибирского государственного медицинского университета, у входа в университет нет подъемов, т.е. зайти на первый этаж здания можно без проблем. В рамках университета есть Медицинский консультативный центр, с отдельным входом, оборудованный пандусом, но нет перил.

Небольшой отрезок пути пролегал по ул. Фрунзе, там пандусы на бордюрах есть не везде, в марте снег на тротуаре не был убран, на дороге в местах перехода лужи. Такая же ситуация была и на ул. Мичурина, по которой шли далее. Здесь была стоматология, не оборудованная пандусом. По пути еще встретились средняя общеобразовательная школа № 54, вход в которую абсолютно недоступен инвалиду-колясочнику. И в целом в марте пройденный отрезок пути по ул. Мичурина показал полное отсутствие возможности передвигаться по нему на инвалидной коляске, здесь очень узкий, заваленный снегом тротуар, резкие подъемы и спуски в местах перехода дороги. В мае данный отрезок пути также оказался недоступен, нет бордюрных пандусов, очень плохое состояние тротуара, он неровный, с широкими трещинами (фото 5).

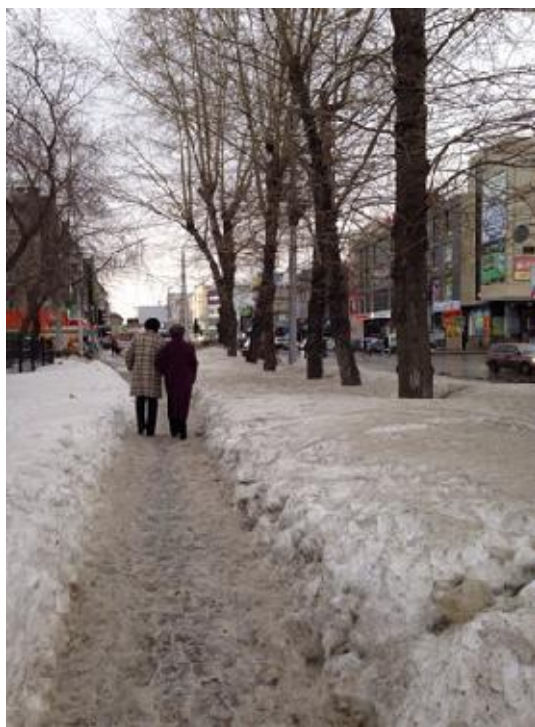

Фото 5

На ул. Гоголя были осмотрены вход в Центральный рынок и в ТРЦ «Галерея», оба доступны для проезда на инвалидной коляске. Сам же отрезок пути по ул. Гоголя доступным не является, в месте перехода дороги нет пандуса, и на пути есть фрагмент тротуара с пятью ступеньками, пандус есть, но под большим углом наклона, без перил.

Дальше путь снова пролегал по ул. Красный проспект, но уже на противоположной стороне. Спуски с тротуара есть, хотя некоторые в очень плохом состоянии, в марте местами по тротуару были разбросаны объемные куски отколотого льда, которые могли стать причиной затруднительного проезда на инвалидной коляске. Еще был осмотрен вход в специализированный

магазин «Медтехника для дома», присутствует аппарель, но у нее большой угол наклона. И осмотрены входы в две аптеки, обе не приспособлены для входа инвалида-колясочника. В мае ситуация не изменилась, также было отмечено, что на ул. Красный проспект существует большое количество водоотводов из асфальтной плитки, т.е. это постоянно встречающиеся углубления в тротуаре, они не прикрыты специальной металлической сеткой, что создает большое неудобство для передвижения по улице на инвалидной коляске.

Итак, доступность среды в г. Новосибирске присутствует точечно, есть немало объектов, доступных для инвалида, информацию о них легко найти на картах доступности, появляется оборудованный транспорт, но на данный момент эти элементы не взаимосвязаны. Остановки, где проезжает оборудованный транспорт, не приспособлены под нужды инвалида, а возле доступных организаций не всегда есть необходимый транспорт. Пешие прогулки даже по центральным улицам трудно назвать комфортными для инвалида на коляске.

В целом в настоящее время можно говорить о наличии только отдельных элементов доступности среды для инвалидов. Однако нельзя не признать и тот факт, что впервые за долгое время в данной области происходят положительные сдвиги. Работа по созданию в России доступной среды еще далека от завершения, а существующая законодательная база требует уточнения и дополнения. При создании доступной среды необходимо также учитывать и мнение самих инвалидов, которое требует отдельного изучения.

Литература

1. *Свод правил по проектированию и строительству. Проектирование зданий и сооружений с учетом доступности для маломобильных групп населения* [Электронный ресурс]: Система нормативных документов в строительстве. URL: <https://docs.google.com/document/d/1oawRcYUSPia816P1SCgh8HMPALLFNyZ0ILQEhUkFlP8/edit> (дата обращения: 11.09.2015).
2. *Численность населения по муниципальным районам и городским округам Новосибирской области на 1 января 2015 года и в среднем за 2014 год* [Электронный ресурс]: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. URL: http://novo-sibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 15.02.2016).
3. *В Новосибирской области проживает более 200 тысяч инвалидов.* [Электронный ресурс]: Важные новости Новосибирска и Новосибирской области InfoPro54.ru // URL: <http://infopro54.ru/news/3934/> (дата обращения: 18.02.2016)
4. *Об утверждении государственной программы «Новосибирской области «Развитие системы социальной поддержки населения Новосибирской области» на 2014–2019 годы»* [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Новосибирской области от 31.07.2013 N 322-п URL: <http://www.ngonb.ru> (дата обращения: 03.05.2015).
5. 2GIS [Электронный ресурс]: сайт. URL: <http://info.2gis.ru/novosibirsk> (дата обращения: 28.05.2015).
6. *Проект «Карта доступности»* [Электронный ресурс]: сайт. URL: <http://kartadostupnosti.ru/about/> (дата обращения: 24.03.2015).
7. *Доступная среда. Учимся жить вместе* [Электронный ресурс]: информационный портал. URL: <http://zhit-vmeste.ru/> (дата обращения: 25.03.2015).
8. *Реестр маршрутов регулярного сообщения муниципальной маршрутной сети г. Новосибирска, утвержденный приказом ДтиДБК мэрии от 26.06.2014 №100-од, с изменениями на 01.04.2015.* [Электронный ресурс]: URL: <http://novo-sibirsk.ru/dep/transport/passengers/registry/> (дата обращения: 26.05.2015)

Averina Elena A. the senior lecturer of department of social work of Tomsk state university.

Popova Anna V. graduate of department of social work of Tomsk state university

E-mail: ea-averina@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/33/1

EVALUATION OF ENVIRONMENT ACCESSIBILITY FOR PEOPLE WITH DISABILITIES IN NOVOSIBIRSK

Keywords: people with disabilities, accessible environment.

A level of accessibility of the environment indicates the integration of people with disabilities into the society. Since the UN Convention on the Rights of persons with disabilities was ratified by Russia, building of accessible environment has got a special attention. Currently, this process has being implemented by the federal and regional target programs. Each subject of the Federation develops its own position that is based of an available resources.

The authors analyzed the level of accessibility of the urban environment in one of the largest Russian cities - Novosibirsk. People with paraplegia who use wheelchairs was selected as a subject of inquiry. This category is faced up to considerable difficulties while moving around the city. Techniques of social mapping of urban space were used as an evaluation methods. City maps are marked with the basic social and cultural institutions that are supposed to be accessible for people with disabilities. However, exact route by which they can get in these institutions were required to be examined. This was the main object of analysis. Arbitrary directions on the main central streets of Novosibirsk has also been studied.

The study result proved the level of accessibility of the environment in one of the largest cities in Russia is relatively low. And it shows existence of the only certain elements of that kind of environment.

In general, creation of an accessible environment is far away from being complete. It certainly requires to take into account the views of disabled people themselves.

References

1. The Russian Federation State Committee for Construction. (2001) *The Code Specification on design and construction. Design of Buildings and Structures, taking into account their accessibility for people with limited mobility. The system of normative documents in construction* [Online] Available from: <https://docs.google.com/document/d/1oawRcYUSPia816P1SCgh8HMPALLFNyZ0ILQEhUkFIP8/edit>. (Accessed: 11th September 2015). (In Russian).
2. Federal State Statistic Service. (2015) *The population of municipal and urban districts of Novosibirsk region as of January 1, 2015, and on average in 2014*. [Online] Available from: http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/ru/statistics/population/. (Accessed: 15th February 2016). (In Russian).
3. Infopro54.ru. (2015) *V Novosibirskoy oblasti prozhivaet bolee 200 tysyach invalidov* [Novosibirsk region is home to more than 200 thousand people with disabilities]. [Online] Available from: <http://infopro54.ru/news/3934/>. (Accessed: 18th February 2016).
4. The Government of Novosibirsk region. (2013) *On approval of the state program of Novosibirsk Region "Development of the system of social support of the population of Novosibirsk region" for 2014–2019. Resolution N 322-p of the Government of the Novosibirsk region from July 31, 2013*. [Online] Available from: <http://www.ngonb.ru>. (Accessed: 3rd May 2015). (In Russian).
5. 2GIS. [n.d.] [Online] Available from: <http://info.2gis.ru/novosibirsk>. (Accessed: 28th May 2015).
6. Kartadostupnosti.ru (n.d.) *Proekt "Karta dostupnosti"* [The project "The Accessibility Map"]. [Online] Available from: <http://kartadostupnosti.ru/about/>. (Accessed: 24th May 2015).
7. Zhit-vmeste.ru (n.d.) *Dostupnaya sreda. Uchimsya zhit' vmeste* [An available environment. Learning to live together]. [Online] Available from: <http://zhit-vmeste.ru/>. (Accessed: 25th March 2015).
8. Novosibirsk Official Website. (2015) *Register of municipal regular route network of Novosibirsk, approved by Order №100-od of the Mayor's office DtiDBK of June 26, 2014, as amended on January 4, 2015*. [Online]: Available from: <http://novo-sibirsk.ru/dep/transport/passengers/registry/>. (Accessed: 26th May 2015). (In Russian).

УДК 316

DOI: 10.17223/1998863X/33/2

Г.А. Банных

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ИНФОРМАЦИОННАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ У СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ¹

Рассматриваются теоретические и практические вопросы изменений в высшем образовании, вызванных «цифровыми» технологиями и обусловивших новые требования к образовательному процессу в современном вузе. Опираясь на результаты собственного исследования в вузах Свердловской области, автор определяет степень использования и влияния интернет-технологий в образовательном процессе в вузе на возможности формирования информационной компетентности студентов и преподавателей.

Ключевые слова: информационная компетентность, информационная культура, образование, интернет-технологии, университетское образование, Интернет, социальные сети.

«Цифровая» революция постепенно захватывает все новые области знания и деятельности. Современная информация все больше приобретает «цифровой» характер, который позволяет ей усиливать свойства оперативности, актуальности, измеримости и качества. Особенно это касается деятельности высшего образования. Мультимедиа технологии в обучении, онлайн-ресурсы и дистанционные формы образования, электронные каталоги и библиотеки – все это повышает требования к наличию и у студентов, и у преподавателей информационной, цифровой компетентности.

Интернет стал насущной потребностью повседневной жизнедеятельности людей и образовательная среда – не исключение. Наличие информационных источников (теоретических в виде трудов классиков или учебников и практических в виде практикумов и тестов) в электронном виде становится не просто прихотью вуза, а настоятельной необходимостью.

Лицензионные и аккредитационные показатели в соответствии с законодательством предусматривают высокую обеспеченность студентов учебной литературой, что достигается вузами за счет приобретения прав на электронные библиотечные ресурсы. Кроме этого, к вузам предъявляются требования по обеспечению открытыми данными – на официальном сайте образовательной организации должны быть размещены сведения об организации, учебные планы и рабочие программы, а также расписание занятий. Нарастают темпы внедрения в учебный процесс электронных и дистанционных технологий, что приводит к необходимости работы с электронным контентом как студентов, так и преподавателей. Поэтому одной из задач исследования стало изучение возможностей как вузовской контролируемой онлайн-образовательной среды, так и иных интернет-технологий и ресурсов в образовательном процессе,

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ-Урал (проект № 14-13-66013)

что позволит взглянуть на пространство Интернет как на образовательную среду в учебном процессе в вузе.

Модернизация российской системы образования происходила под влиянием компетентностного подхода. Компетентностный подход – наиболее популярный методологический подход и в системе образования будущих кадров, и в системе управления персоналом. Основная идея данного подхода заключается в концептуальном переходе от квалификации к компетенции, причем с помощью последней дефиниции возможно измерять настоящее и будущее не столько потенциального или реального сотрудника, сколько социального капитала организации и самого общества.

В настоящее время компетентностный подход применяется в основном в образовании, являясь основой формирования новых федеральных государственных образовательных стандартов. Отечественные ученые используют традиционно два понятия: «компетенция» и «компетентность», которые понимаются как идеальное и актуальное соответственно. Так, например, компетенции должны характеризовать любого выпускника вуза как взрослую личность и профессионала-специалиста, согласно подходу, описанному в трудах И.А. Зимней [6], В.И. Байденко [11], Ю.Г. Татура [9], И.Г. Галяминой [4] и других.

Внедрение компетентностного подхода в практику высшей школы привело к выделению нескольких видов компетенций, которые необходимы для специалиста любого направления: социально-личностные, экономические и организационно-управленческие, общенаучные и общепрофессиональные. Также в отечественных ФГОС закрепились деление компетенций на общекультурные и профессиональные, на базовые и дополнительные (специфические для конкретной программы). Формулировка компетенций обычно производится в таких понятиях, как готовность, способность, умение и владение [8. С. 23].

Понятие информационной компетентности формируется в области социальных наук в конце 20-го столетия в проекте Совета Европы «Среднее образование в Европе». В этом проекте ключевыми компетенциями современного профессионала называются опыт самостоятельной деятельности, личной ответственности и универсальные, общие знания, умения и навыки, объединенные в систему. В отечественной науке пристальное внимание к проблемам формирования информационной компетентности стало проявляться после присоединения системы высшего образования к так называемому Болонскому процессу и чаще употреблялось в контексте педагогики вкупе со свойствами коммуникации или компьютерными возможностями.

Американские исследователи, опираясь на определение информационной компетентности учащихся, данное Академическим Советом ассоциации калифорнийских колледжей, считают, что информационная компетентность – это способность определять для себя потребность получения информации, приобретать и оценивать необходимую информацию, организовать и систематизировать полученную информацию, а также интерпретировать и передавать ее [11–13]. Для американских педагогов и исследователей информаци-

онная компетентность наиболее изучена и определена в процессе подготовки учеников старшей школы и студентов колледжей, обучающихся по направлению подготовки «библиотечно-информационная деятельность».

В отечественной науке сложилось собственное видение и понимание данного феномена. Так, О.Б. Зайцева определяет информационную компетентность как сложное индивидуально-психологическое образование на основе интеграции теоретических знаний, практических умений в области инновационных технологий и определённого набора личностных качеств [5. С.14].

Для А.Л. Семенова это новая грамотность, в состав которой входят умения активной самостоятельной обработки информации, принятие принципиально новых решений в непредвиденных ситуациях с использованием технологических средств [7. С. 12].

Специалист в сфере информационных технологий С.В.Тришина трактует информационную компетентность как интегративное качество личности, являющееся результатом отражения процессов отбора, усвоения, переработки, трансформации и генерирования информации в особый тип предметно-специфических знаний, позволяющее вырабатывать, принимать, прогнозировать и реализовывать оптимальные решения в различных сферах деятельности [10]. В структуре информационной компетентности она выделяет пять компонентов: когнитивный, ценностно-мотивационный, технико-технологический, коммуникативный, рефлексивный.

Таким образом, информационная компетентность (ИК), информационные компетенции и грамотность являются необходимыми характеристиками личности в информационном обществе. И то, насколько успешно ИК формируется в процессе образования, влияет и на профессиональную успешность, и на качество производимого продукта или товара данным индивидом. А все это, в свою очередь, напрямую зависит от педагогов, преподавателей, которые в ходе обучения способны усиливать или ослаблять процесс формирования ИК у учащихся, а также от материально-технических и организационных условий образовательного процесса в вузе.

В марте – мае 2015 г. в вузах г. Екатеринбурга было проведено социологическое исследование, одной из задач которого явилось определение настоящего уровня и возможностей формирования ИК с помощью интернет-технологий. В опросе приняли участие 60 преподавателей и 350 студентов вузов г. Екатеринбурга. Среди вузов – УрФУ, УрГЭУ, ИМС, УрГГУ, УрГАХА. В выборке для опроса представлены как гуманитарные, так и естественнонаучные и технические направления подготовки студентов, все уровни высшего профессионального образования и основные виды вузов, присутствующих в Свердловской области: федеральный университет, государственные университеты и коммерческий вуз.

Опрошенные преподаватели представляют собой репрезентативную выборку педагогов высшей школы вузов Свердловской области.

Среди опрошенных студентов 59,5% – девушки, 40,5% – молодые люди, и еще 6 человек не указали свой пол. По возрасту студенты распределились следующим образом: самая большая доля опрошенных (33,6%) находится в возрасте 19 лет, почти по пятой части студентов (23,3% и 24,8%) в возрасте

17–18 и 20 лет соответственно, десятая часть, или 9,8% студентов, – в возрасте 21 года и 8 % опрошенных – в возрасте от 22 лет.

Основная доля опрошенных (88,3%) – учащиеся по программам бакалавриата, еще 6,5% – это магистранты и 4,9% – специалисты и 1 аспирант. Это вполне закономерный результат, так как количество студентов, обучающихся по программам магистратуры, значительно меньше.

Согласно задачам исследования, необходимо было определить уровень овладения преподавателями и студентами основными навыками работы с информацией, включая компьютерные навыки, навыки обработки и анализа информации, использования Интернет в учебной деятельности.

Необходимо отметить, что сегодня каждый вуз Урала имеет свою образовательную онлайн-среду. Как минимум, это наличие сайта, организованного по правилам «Веб 2.0», позволяющего пользователю активно искать и применять полученную информацию. Как правило, онлайн-среда подразумевает и наличие комплекса ЭОР для различных форм обучения, в том числе и дистанционных, а также это специализированные программы для оценки образовательной деятельности, позволяющие реализовать балльно-рейтинговую систему. Некоторые вузы, например УрФУ, имеют собственный домен с отдельными площадками для каждого преподавателя и наличием таких сервисов, как почта, собственные ЭОР, система электронного документооборота, управление проектами, получение и обновление ПО, личные профили и т.д. В высшем образовании практикуется и онлайн-тестирование в различных вариантах как для среза знаний по предмету, так и для проведения текущего и итогового контроля в образовательном процессе. Однако многие ресурсы и инструменты востребованы не полностью, а в интернет-пространстве остается еще больше возможностей и вариаций для образования.

По результатам исследования выяснилось, что Интернет и онлайн-технологии используются в процессе учебной деятельности в вузах, при этом мнения студентов и преподавателей о формах проведения занятий практически совпадают. Опрошенные преподаватели отметили, что наиболее часто на занятиях применяются такие формы, как работа с онлайн-ресурсами и дискуссия, – в среднем 1 раз в неделю. Также достаточно часто – 1 раз в неделю – используются доклады, презентации и командная работа. Наименее популярная форма – выездные занятия. Очень часто встречались комментарии, что такой формы проведения занятий в принципе нет и не было, тогда мнение студента или преподавателя записывалось в графу – «реже одного раза в месяц».

Практически все опрошенные (как студенты, так и преподаватели) для поиска информации используют электронные поисковые системы. В результате анализа данных исследования была выявлена частота использования студентами и преподавателями различных интернет-ресурсов в учебной деятельности. У студентов наиболее популярным интернет-ресурсом являются социальные сети, которые используют ежедневно в учебной деятельности 67,2% опрошенных студентов. На втором месте ежедневного обращения – официальные сайты (33,9%), также практически каждый пятый один раз в день обращается к энциклопедиям и справочникам, специализированным форумам и блогам, а также электронным образовательным ресурсам.

Электронные образовательные ресурсы (ЭОР) – это обязательный компонент новой формы образования – электронного (e-learning), представляющий собой образовательный ресурс в электронно-цифровом формате в телекоммуникационной среде, для использования которого необходимы средства вычислительной техники, цифровые и электронные инструменты и механизмы. Данный вид ресурсов может значительно упростить образовательный процесс посредством загрузки большого количества разнообразных взаимосвязанных метаданных для изучения тех или иных дисциплин в совокупности или по отдельности. Также ЭОР отличаются структурированной системой и наличием специального предметного образовательного контента. К видам ЭОР можно отнести электронные учебно-методические издания, обучающие программы, практикумы, целостные учебные комплексы и т.д.

Статистический анализ показал, что существенные различия между студентами отдельных вузов по использованию интернет-ресурсов наблюдаются только по нескольким позициям. Так, например, ЭОР используют ежедневно 33,3% опрошенных студентов Института международных связей и только 7,7% представителей УГГА.

Среди опрошенных преподавателей распределение интернет-ресурсов по популярности практически повторяет ситуацию у студентов: также лидирующие позиции занимают социальные сети (46,7%), далее – официальные сайты, специализированные форумы и энциклопедии. Виртуальные библиотеки половина как студентов, так и преподавателей посещает реже одного раза в месяц.

Далее опрошенным было предложено оценить по 5-балльной шкале полезность интернет-ресурсов в учебной деятельности, где 1 – ресурс практически бесполезен в учебной деятельности, 5 – ресурс очень полезен в учебной деятельности.

Наиболее полезными по степени убывания, по мнению опрошенных студентов, являются следующие интернет-ресурсы: энциклопедии и справочники, официальные сайты, электронные образовательные ресурсы. Разница между оценкой полезности остальных интернет-ресурсов незначительна – в пределах 0,3 балла.

По мнению опрошенных преподавателей, наиболее полезными являются официальные сайты (4,33 балла), далее идут виртуальные библиотеки (4,23 балла) и правовые системы (4,21 балла).

Преподаватели оценили полезность выше чем в 4 балла у таких интернет-ресурсов, как энциклопедии и справочники, электронные образовательные ресурсы. В наименьшей степени, по мнению опрошенных, полезны социальные сети.

Сравнительный анализ показал общую тенденцию к снижению потребности в традиционных ресурсах как среди студентов, так и среди преподавателей. Повышение доли электронных ресурсов в образовательном процессе объективно и естественно за счет доступности информации и оперативности ее извлечения. Возможно, это происходит из-за «диджитализации» образовательного процесса в высшей школе в целом, который так или иначе отражает тенденции, наблюдаемые в общественном развитии.

При этом, как отмечалось в более ранних публикациях [3. С. 153], и у студентов, и у преподавателей существуют проблемы с интеллектуальной собственностью информации, полученной посредством Интернет.

Рассмотрим вопрос о том, как в Интернете представлены респонденты, чтобы понять, являются они потребителями или распространителями информации. Можно заметить, что практически каждый студент имеет свою страничку в социальных сетях и свою электронную почту – это 95,7% и 94,5% опрошенных соответственно. 75,1% респондентов зарегистрированы в различных приложениях, облегчающих получение информации из сети. Более трети студентов совершает покупки в интернет-магазинах, сообществах и на соответствующих порталах – 38,3% (в этой категории лидируют девушки), 26,7% студентов зарегистрированы на портале государственных и муниципальных услуг, 22,1% опрошенных получают информацию через тематические порталы, форумы и чаты. 9,2% студентов имеют личный сайт (преимущественно юноши), 6,4% ведут блоги. Таким образом, в основном в Интернете «присутствуют» все студенты, имея возможности как для получения разнообразной информации, так и для ее дальнейшего тиражирования и распространения.

Среди преподавателей ситуация несколько иная. Так, если почти все они (97,7%) имеют электронную почту, то в социальных сетях создали свои аккаунты 62,8% опрошенных.

Данные результаты свидетельствуют о том, что если технологии электронной удаленной онлайн-коммуникации, коими являются почтовые сервера, приняты и используются преподавателями, т.е. представителями более старшего поколения, то вот коммуникация и извлечение информации в многоаспектной и многофакторной среде социальных сетей еще не стали настолько же распространенной практикой.

На портале государственных услуг зарегистрирована половина представителей старшего поколения – 51,2% опрошенных, в отличие от студентов. Это говорит о большей востребованности ими таких целевых интернет-ресурсов.

Как можно видеть по результатам исследования, подавляющее большинство студентов «живет» в Интернете, используя социальные сети. Этот ресурс может быть адекватно использован и в образовательном процессе. Для понимания, как это происходит в вузах Свердловской области, в анкете было задано два вопроса: о наименовании социальных сетей и их возможностях в учебном процессе.

Сама оценка данного факта не является однозначной со стороны различных участников учебного процесса. Студенты считают социальные сети одним из достаточно полезных в учебной деятельности интернет-ресурсов и обращаются к нему часто. В то же время преподаватели оценивают значимость данного вида информационных ресурсов как минимально полезного, хотя также обращаются к нему достаточно часто. Закономерна в связи с этим и частота использования социальных сетей в учебном процессе преподавателями – более половины их не использует.

Для опрошенных студентов основным достоинством социальных сетей в учебном процессе является оперативное получение информации – об измене-

ниях в учебном процессе (70 %) и расписании (67,2%). Также достаточно часто социальные сети используются студентами для переброски домашних заданий. Опрошенные преподаватели главным в использовании социальных сетей видят возможность обсуждения учебных вопросов (40,5%), причем сами студенты достаточно сдержанно оценивают данную возможность (26,3%).

Только 2,2% студентов не используют социальные сети в учебно-образовательном процессе в принципе. Для 97,2% опрошенных, т.е. практически всех, наиболее актуальной является социальная сеть Вконтакте, как наиболее удобная для оперативного обмена информацией, сохранения выполненных заданий, общения с преподавателями и одногруппниками.

Согласно «каталогу пользователей» самой сети, в ней зарегистрировано более 308 млн аккаунтов, привязанных к мобильным номерам. Ежедневная аудитория сети очень значительна, поэтому неудивительна такая существенная разница в использовании именно этой сети в учебных целях большинством студентов – в данной сети легко создать страницу группы, позволяя в ней появляться только учебной и «околоучебной» информации, легко этой страницей управлять, что можно доверить отдельным представителям группы или доверить такую возможность большинству, что представляет большой потенциал для учебы и обмена информацией.

Преподаватели не так активно используют социальные сети. Наиболее востребованной сетью остается Вконтакте, однако только половина преподавателей ее использует – 53,7% опрошенных. Гораздо более востребованной является сеть профессионалов ЛинкедИн – 12,2% преподавателей против 0,3% у студентов. И самый значимый результат: в учебном процессе социальные сети не использует почти треть преподавателей – 31,7% опрошенных.

Современные образовательные технологии в вузе дают целый спектр возможностей для подготовки и формирования информационно грамотного профессионала в любой сфере деятельности. Одна из основных компетенций в информационной сфере, формирование которой может происходить в процессе обучения любому предмету в вузе, это способность, навык работы с информацией, умение ее искать, обрабатывать, систематизировать, распространять, владеть различными информационными технологиями для успешной реализации любой поставленной задачи.

Онлайн-среда обучения благодаря всеобщему практически неограниченному доступу к Интернет сделала процесс обучения также более доступным и понятным для современного студента. Его арсенал не ограничен только электронными учебниками или онлайн-словарями, у него есть возможность посещения курсов, участия в мастер-классах и семинарах, подписки на актуальные для него новости и информационные сообщения. Интернет через социальные сети, своеобразную паутину связей, в образовательном пространстве постепенно занимает место наиважнейшего инструмента коммуникации между преподавателем-тьютором, наставником, инструментом постоянного самообразования и научения для студента.

Исходя из результатов исследования, популярность социальной сети Вконтакте среди студентов вузов Свердловской области крайне высока – это делает данный ресурс однозначно эффективным и привлекательным в образовательном процессе, так как с его помощью возможно более ус-

пешное формирование ряда «универсальных» компетенций, в том числе и информационной.

В рамках исследования планировалось выяснить, насколько популярным стало использование Интернет в качестве основного ресурса для подготовки к учебе у студентов и к работе у преподавателей. В рамках специального исследования – мини-опроса, проведенного среди 150 студентов различных курсов и направлений подготовки УрГЭУ и УрФУ в марте 2015 г., – выяснилось, что молодые люди – городские жители – уже не в состоянии обойтись без практики коммуникации в Интернет. Интернет-коммуникация стала для них повседневной потребностью и артефактом реальности [2. С. 4].

Интернет в 74,4% случаев становится единственным источником получения необходимой в учебном процессе информации и для преподавателей, и для студентов. Однако среди старшего поколения из числа ППС заметно сопротивление – 4,6% опрошенных к Интернету прибегают редко. Среди студентов тех, кто незначительно использует Интернет для учебы, не оказалось. Все заинтересованы в оперативном получении информации, которая в 99% случаев поступает именно посредством социальных сетей. Подготовка к занятиям также опосредована использованием электронных и виртуальных библиотек, коммуникаций с преподавателем и одногруппниками.

В свете формирования информационного общества и стремления к открытости различных систем, в том числе и образовательных, особым значением обладает знание студентов и преподавателей об открытых массовых онлайн-курсах – МООС, т.е. образовательных ресурсах, предоставляющих возможность получения качественных профессиональных знаний бесплатно в любом вузе, в любое удобное время.

65,3% студентов не знают, что это такое, и еще 18,1% затруднились с ответом на вопрос, что позволяет также отнести их к категории «незнающих». Среди преподавателей результаты почти аналогичные – 58,6% опрошенных о МООС ничего не знают, 18,6% затруднились с ответом. Самый высокий показатель знания – у преподавателей УрФУ, возможно, за счет того, что сами преподаватели участвуют в разработке подобных курсов на различных платформах. Таким образом, большинству субъектов образовательного пространства современного высшего профессионального образования совершенно не знакомы новые методы и технологии образования.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы. В целом уровень информационной компетентности студентов вузов Свердловской области средний. Необходимо принимать во внимание способность ориентироваться в мире информационных и компьютерных технологий и неумение перерабатывать информацию и излагать собственные мысли.

Уровень информационной компетентности преподавателей вузов напрямую зависит от их возраста. Чем моложе преподаватель, тем более он адаптивен к изменениям, связанным с информационной культурой, быстрее воспринимает и принимает новые формы и практики работы с информацией. Преподаватели старших возрастных категорий оказываются менее адаптивными и приспособленными к таким изменениям, проявляя консервативность в формах и методах обучения.

Интернет-технологии в образовательном пространстве вузов Урала применяются в ограниченном формате с соблюдением требований, установленных Правительством РФ и надзорными органами. Использование онлайн-ресурсов по правилам «Веб 3.0», подразумевающих еще большую самостоятельность и свободу субъектов образовательного процесса позволит повысить эффективность учебного процесса, для этого необходимо внести нормативные изменения в деятельность вуза, связанную с интернет-средой образования.

Литература

1. *Байденко В.И.* Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы). М.: Просвещение, 2005. 402 с.
2. *Банных Г.А.* Информационная культура в повседневных практиках городского жителя // Экономика, общество, человек: теория, методология, реальность: сб. науч. публикаций: в 2 ч. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2015. Ч. 2. 179 с.
3. *Банных Г.А., Костина С.Н.* Отношение студентов вузов к плагиату как часть информационной культуры (на материалах исследований) // Материалы Всероссийской молодежной научно-исследовательской конференции «Инновационный потенциал молодежи: формирование нового типа культуры», Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина 27–28 октября 2014 года. Екатеринбург: УрФУ, 2014. С. 54–57.
4. *Галымина И.Г.* Проектирование государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования нового поколения с использованием компетентностного подхода. М.: Гардарики, 2005. 327 с.
5. *Зайцева О.Б.* Формирование информационной компетентности будущих учителей средствами инновационных технологий: автореф. дис. ...канд. пед. наук. Брянск: БГУ, 2002. 19 с.
6. *Зимняя И.А.* Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 32–42.
7. *Асмолов А.Г., Семенов А.Л., Уваров А.Ю.* Российская школа и новые информационные технологии: взгляд на следующее десятилетие. М.: НексПринт, 2010. 84 с.
8. *Современные кадровые технологии на государственной гражданской службе* / Г.А. Банных, Л.И. Воронина, Т.Е. Зерчанинова, С.Н. Костина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 160 с.
9. *Татур Ю.Г.* Компетентностный подход в описании результатов и проектировании стандартов высшего профессионального образования. М.: Наука, 2004. 142 с.
10. *Тришина С.В.* Информационная компетентность как педагогическая категория // Интернет-журнал «Эйдос». 2005. 10 сент. – URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-11.htm> (дата обращения: 20.06.2015).
11. *Dickinson G.* (2006). The spirit of inquiry in information literacy. *Teacher Librarian*, 34(2), 23–27.
12. *Information Literacy Competency Standards for Higher Education.* Association of College & Research Libraries, 2000. – URL: <http://www.ala.org/ala/mgrps/divs/acrl/standards/standards.pdf> (дата последнего обращения: 20.06.2015).
13. *Moore D., Brewster S., Dorroh C., & Moreau M.* (2002). Information competency in a two-year college: One size does not fit all // *Reference Services Review*, Vol. 30 Iss: 4. P. 300–306.

Bannykh Galina A. Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russian Federation)
E-mail: gbannykh@gmail.com

DOI: 10.17223/1998863X/33/2

THE USE OF INTERNET TECHNOLOGIES IN UNIVERSITY EDUCATION: INFORMATION COMPETENCE AND THE POSSIBILITY OF IT'S FORMATION AMONG STUDENTS AND TEACHERS

Keywords: information competence, information culture, education, Internet technology, university education, the internet, social networks

In this article theoretical and practical issues of changes in higher education caused by "digital" technologies, that led to the new requirements to the educational process in the modern university are touched. Particular attention is paid to the competence approach, which was recognized mainly in the training of future specialists and professionals, as well as in the area of staff development. Views of domestic and foreign scholars on the phenomenon of "information competence", which is understood as an integrative attribute of a person and a professional, which is expressed in the ability to select, assimilate, analyze, generate and transmit information to make effective decisions, are revealed. Based on the results of her own research in some universities of Sverdlovsk region, the author defines the stage of influence and the use of Internet technologies in the educational process in high school on the possibility of formation of information competence of students and teachers. Summarized the fairly high stage of influence of modern Internet technologies in high school on level of information competence, there is a rare and unmotivated use of the Internet in the educational activity by as teachers and students themselves as well. There is a conclusion that there are many alternatives and opportunities for using them in everyday education life, including methods and ways to solve such a problem.

References

1. Baydenko, V.I. (2005) *Kompetentnostnyy podkhod k proektirovaniyu gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartov vysshego professional'nogo obrazovaniya (metodologicheskie i metodicheskie voprosy)* [The competence approach to the design of the state educational standards of higher professional education (methodological and methodical questions)]. Moscow: Prosveshchenie.
2. Bannykh, G.A. (2015) *Informatsionnaya kul'tura v povsednevnykh praktikakh gorodskogo zhitelya* [Information culture in the everyday practices of urban residents]. In: Karkh, D.A. (2015) *Ekonomika, obshchestvo, chelovek: teoriya, metodologiya, real'nost'* [Economy, society, people: The theory, methodology, reality]. Ekaterinburg: Urals State Socio-Economic University.
3. Bannykh, G.A. & Kostina, S.N. (2014) [The attitude of university students to plagiarism as part of the information culture (on research materials)]. *Innovatsionnyy potentsial molodezhi: formirovanie novogo tipa kul'tury* [Innovative potential of the youth: Formation of a new type of culture]. Proceedings of the All-Russian Youth Research Conference. Ural Federal University. October 27–28, 2014. Ekaterinburg: UrFU. pp. 54–57. (In Russian).
4. Galyamina, I.G. (2005) *Proektirovanie gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartov vysshego professional'nogo obrazovaniya novogo pokoleniya s ispol'zovaniem kompetentnostnogo podkhoda* [Designing the state educational standards of higher professional education of the new generation using the competence approach]. Moscow: Gardariki.
5. Zaytseva, O.B. (2002) *Formirovanie informatsionnoy kompetentnosti budushchikh uchiteley sredstvami innovatsionnykh tekhnologiy* [Formation of the information competence of the future teachers by means of innovative technologies]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Bryansk: BSU.
6. Zimnyaya, I.A. (2003) *Klyuchevye kompetentsii – novaya paradigma rezul'tata obrazovaniya* [Key competencies as a new paradigm of the education result]. *Vysshee obrazovanie segodnya – The Higher Education Today*. 5. pp. 32–42.
7. Asmolv, A.G., Semenov, A.L. & Uvarov, A.Yu. (2010) *Rossiyskaya shkola i novye informatsionnye tekhnologii: vzglyad v sleduyushchee desyatiletie* [Russian school and new information technologies: A look into the next decade]. Moscow: NeksPrint.
8. Bannykh, G.A., Voronina, L.I., Zerchaninova, T.E. & Kostina, S.N. *Sovremennyye kadrovytehnologii na gosudarstvennoy grazhdanskoysluzhbe* [Modern personnel technologies in the civil service]. Ekaterinburg: Ural State University.
9. Tatur, Yu.G. (2004) *Kompetentnostnyy podkhod v opisanii rezul'tatov i proektirovanii standartov vysshego professional'nogo obrazovaniya* [The competence approach in the description of the results and design of higher education standards]. Moscow: Nauka.
10. Trishina, S.V. (2005) *Informatsionnaya kompetentnost' kak pedagogicheskaya kategoriya* [Information competence as a pedagogical category]. *Eydos*. 10th September. [Online] Available from: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-11.htm>. (Accessed: 20th June 2015).
11. Dickinson, G. (2006). The spirit of inquiry in information literacy. *Teacher Librarian*. 34(2). Pp. 23–27.
12. Association of College and Research Libraries. (2000) *Information Literacy Competency Standards for Higher Education*. [Online] Available from: <http://www.ala.org/ala/mgrps/divs/acrl/standards/standards.pdf>. (Accessed: 20th June 2015).
13. Moore, D., Brewster, S., Dorroh, C., & Moreau, M. (2002). Information competency in a two-year college: One size does not fit all. *Reference Services Review*. 30(4). pp. 300-306.

УДК 316.334.3

DOI: 10.17223/1998863X/33/3

Е.А. Васильева

К ВОПРОСУ О МОТИВАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Анализируются теоретические концепции мотивации в системе государственной службы Российской Федерации. Определено, что этот социальный феномен подразделяется на четыре уровня: базовый, средний, высший и институциональный. Отмеченный разрыв между ценностно-нормативной структурой государственной службы и системой мотивации приводит к нарастанию стресса у служащих и снижению удовлетворенности государственным управлением в обществе.

Ключевые слова: государственная служба, мотивация, социальный институт, ценности, управление.

В современном управлении персоналом мотивация рассматривается как одна из основных функций, которая позволяет существенно повысить эффективность деятельности организации без значительного увеличения финансовых затрат. Особое значение она приобретает в тех организациях, где персонал является фактически основным ресурсом, в том числе и в органах государственного управления, а потому мотивация государственных служащих является объектом большого количества публикаций, научных исследований, а также административной реформы.

Мотив в Словаре русского языка С.И. Ожегова определяется как побудительная причина, повод к какому-либо действию [1]. Соответственно, мотивация определяется как побуждение к действию и подразделяется на два основных вида – внутреннюю, когда побудителем является человек по отношению к самому себе, и внешнюю, обусловленную воздействием со стороны. Понятие мотивации тесно связано с понятиями потребностей, власти и удовлетворенности. Внутренняя мотивация, по распространенному мнению, основана на потребностях, а внешняя определяется властными полномочиями, которыми обладает субъект мотивирования. Удовлетворенность – это то состояние, к которому приходит мотивированный человек, когда перестает испытывать потребность в чем-либо.

Теоретические основы анализа мотивации обширны. Как правило, их подразделяют на две группы: содержательные и процессуальные. Содержательные теории мотивации (теория мотивации А. Маслоу, теория Х и теория Y Д. МакГрегора, теории К. Альдельфера и Д. МакКлелланда) способствовали формированию трех принципов современной практики стимулирования: акцент на повышении эффективности труда, подбор кадров по профессиональному принципу и формирование у работников потребности в достижении. К сожалению, абсолютизация этих принципов имеет и негативные аспекты. Эффективность заменяется финансовой продуктивностью, что приводит к исключению человека как субъекта трудовой деятельности из управленческого процесса; подбор кадров заменяется поиском максимально подходяще-

го для конкретного задания работника, что исключает необходимость полноценной кадровой политики. При ситуационном подборе персонала и ориентации на снижение расходов как универсального показателя эффективности стабильный высокомотивированный трудовой коллектив является излишеством. Соответственно, излишеством становятся обучение и профессиональная подготовка в организации и другие мероприятия, направленные на формирование и развитие коллектива. Личность работника теряет всякий интерес для работодателя, а потому требования к личностному развитию, хотя и остаются, но превращаются в пустые декларации. Наиболее действенным методом мотивации остается материальное стимулирование, а управление персоналом сводится к формальному целеполаганию, контролю и взысканиям.

Авторы процессуальных теорий мотивации, например Дж.С. Адамс (теория справедливости) или В. Врум (теория ожидания), сосредоточились именно на личности работника. Они призывают отказаться от разработки универсального метода мотивации, подчеркивая, что сходность потребностей не гарантирует сходность мотивов. Но именно субъективность стала основной причиной критики в адрес авторов этих теорий. Действительно, когда речь идет об организациях со значительной численностью персонала и централизованной организационной структурой, ожидать индивидуального подхода к каждому работнику не приходится.

В настоящее время в литературе получил широкое распространение подход, предусматривающий ситуационное использование тех или иных теорий мотивации, в зависимости от целей и задач организации, а также от качественной структуры персонала организации. Методы, разработанные в содержательных теориях мотивации (разработка количественных показателей эффективности труда, стимулирование роста производительности и подбор персонала по функциональному принципу), рекомендуются к применению в крупных производственных организациях со строго определенным функционалом и квантифицируемым результатом. Методы процессуальных теорий (оценка ожиданий работников, валентности вознаграждения и разработка индивидуальных программ мотивации) применяются в небольших организациях, результат деятельности которых зависит от индивидуального вклада работника, функции и рабочее место которых не могут быть строго определены и закреплены, чаще всего в творческих коллективах. В первом случае целью мотивации является повышение результативности труда, т.е. достижение конкретных показателей, зачастую экономических; во втором – совершенствование процесса труда, а единственным показателем эффективности признается удовлетворенность потребителей.

Государственная гражданская служба, в соответствии с законодательством Российской Федерации [2], представляет собой трудовой коллектив органов исполнительной власти, формирующийся по профессиональному признаку и обеспечивающий выполнение обязанностей лиц, замещающих государственные должности. Управление государственной службой базируется на том, что органы исполнительной власти представляют собой организацию по оказанию услуг: а) политикам – по сбору и анализу информации, необходимой для принятия государственных решений; б) гражданам – по выполнению разрешительных, ограничительных и регистрационных функций

для обеспечения реализации ранее принятых решений. Эффективность деятельности чиновников в этом случае можно оценить как удовлетворенность общества качеством предоставляемых услуг, а их компетенция будет заключаться в знании и применении законов и регламентов. Результат их деятельности может быть квантифицирован, например, посредством выведения экономических показателей внедрения государственных услуг и доходов бюджета от их предоставления.

В то же время в научной среде давно распространено расширительное определение задач государственной службы – как субъекта выполнения функций государства. Основные функции государства определены как:

- оборонительная, заключающаяся в охране суверенитета государства и ее территориальной целостности;

- правоохранительная – охрана общественного порядка и обеспечение законности, т.е. строгого соблюдения гражданами страны правовых норм, сформулированных в законодательстве;

- социальная защита населения, суть которой в условиях социального государства можно сформулировать как обеспечение достойного уровня и качества жизни гражданам государства, а также поддержка тех, кто не способен самостоятельно обеспечить свое выживание: инвалидов, пенсионеров, детей, оставшихся без попечения родителей или других родственников, а также граждан, испытывающих временные жизненные трудности (безработные, бездомные, ведущие девиантный образ жизни и т.п.)

При подобном толковании сводить обязанности государственной службы только к вопросам оказания государственных услуг недостаточно. Чиновники не только выполняют распоряжения руководства и обеспечивают механическую проверку соответствия заявителя требованиям закона, они также принимают важнейшие решения, оказывающие воздействие на все общество. Так, например, размер пенсионного коэффициента и правила подсчета и подтверждения страхового стажа определяются Постановлением Правительства Российской Федерации без согласования с представительными органами. Фактически государственные служащие в представлении обывателя олицетворяют государство, выступают как его персонификаты. Именно по опыту личного взаимодействия с представителями органов исполнительной власти граждане государства оценивают его эффективность.

Соответственно, другие требования предъявляются и к компетенции чиновников – как лица, принимающие решения, они должны обладать знаниями, навыками и умениями менеджера, к которым, по мнению П. Друкера [З. С. 345], относятся: принятие управленческих решений, в том числе кадровых, коммуникация, бюджетирование, оценка, контроль и информационная грамотность. Развитие у чиновников этих компетенций является задачей специализированных учебных заведений, таких как Российская академия государственной службы и народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. Но возможно ли существование трудового коллектива, состоящего исключительно из руководителей? Это представляется достаточно спорной перспективой. Также значительные сложности возникают при определении критериев эффективности государственной службы: должны исполь-

зоваться качественные показатели, в частности, насколько государство способствует повышению уровня и качества жизни граждан.

По нашему мнению, оба подхода не рассматривают государственную службу как целостный институт. Первая концепция (чиновничество как корпорация по предоставлению государственных услуг) сосредоточена на том слое бюрократии, который входит в непосредственное соприкосновение с гражданами. Вторая (бюрократия как субъект государственного управления), напротив, анализирует тот слой, который оказывает значительное влияние на общественное развитие и обладает властными полномочиями, т.е. может быть назван элитой, но игнорирует непосредственно чиновников, рядовых работников органов исполнительной власти. Но фактически государственная служба, если понимать ее как бюрократию в трактовке М. Вебера, представляет собой совокупность этих двух слоев, представляющих собой не только сложную систему, но и социальный институт.

Как социальная система государственная служба подразделяется на три уровня:

- высший, объединяющий лиц, замещающих государственные должности, осуществляющих только функции руководства и управления, обладающих значительными властными полномочиями и влиянием в обществе. К ним относятся, например, главы субъектов Российской Федерации, члены правительств, руководители органов исполнительной власти, как федеральной, так и субъектов РФ, а также судьи и руководители представительных органов власти;

- средний, объединяющий государственных служащих, имеющих управленческие и властные полномочия в конкретной сфере общественной жизни. Их взаимодействие с обществом ограничено рамками решений, принятых на высшем уровне государственной службы, но они обладают существенным потенциальным влиянием, так как наделены полномочиями по толкованию этих решений и разработке порядка их исполнения. В Законе №79-ФЗ этот слой чиновников определен как «лица, замещающие должности государственной гражданской службы категории «Руководители» и «Помощники (Советники)». К ним относятся: заместители руководителей органов исполнительной власти, руководители структурных подразделений, помощники руководителей (но не работники секретариатов);

- низовой или базовый, непосредственно осуществляющий выполнение полномочий органов исполнительной власти, предоставляющих государственные услуги. Эти служащие принимают решения только в отношении применения действующего законодательства, они не обладают полномочиями по его изменению или толкованию. Это исполнители, клерки, бюрократы, осуществление ими властных полномочий всегда противозаконно и коррупционно. Их взаимодействие с обществом носит информативный характер – они уполномочены только собирать информацию либо передавать ее. В законе это лица, замещающие должности государственной гражданской службы категории «Специалисты» и «Обеспечивающие специалисты». Именно на них распространяется действие большинства ограничений, введенных законодательством, в том числе антикоррупционного характера.

Фактически государственная служба представляет собой самоуправляемую систему, так как задача постановки целей, руководства, мотивации и контроля за низовым уровнем возложена на средний, а средним – на высший. Контроль за деятельностью высшего уровня государственной службы возложен на Президента РФ, который в данном случае призван выступать не как часть этой системы, а как внешний по отношению к ней субъект.

Как социальный институт государственная служба представляет собой совокупность норм, правил и ролей, посредством которых организуется взаимодействие граждан, органов исполнительной власти и общественных организаций в системе государственного управления. То есть каждый раз, когда она выступает как одна из сторон взаимодействия, ее институциональные ценности и нормы активизируются и начинают преобладать в силу того, что чиновники, как правило, выполняют руководящую и регулируемую функции, т.е. задают «правила игры». Воздействие на ценностно-нормативную структуру государственной службы затрудняется тем, что субъекты управления сами включены в нее, а, следовательно, не могут в полной мере осознать проблемы, которые возникают при взаимодействии, и воспринять точку зрения других акторов.

Итак, государственная служба представляет собой специфический многоуровневый социальный феномен. На низовом или базовом уровне – это совокупность трудовых коллективов органов исполнительной власти, реализующих государственные функции посредством предоставления государственных услуг на профессиональной основе. На среднем уровне – это совокупность лиц, осуществляющих руководство низовым уровнем государственной службы и регулирующих общественную жизнь посредством формирования практики правоприменения, которым для исполнения их должностных полномочий необходимы менеджерские компетенции. На высшем уровне – это политическая элита, осуществляющая государственное управление, обладающая всей полнотой властных полномочий, но не решающих конкретные прикладные вопросы. Сплачивающим элементом этой системы являются ценности, нормы, правила и роли, представляющие собой социальный институт, который воспроизводится и распространяется в процессе профессиональной адаптации работников органов исполнительной власти, т.е. государственная служба представляет собой самовоспроизводящийся и саморегулируемый институт.

Мотивация в системе государственной службы сталкивается с целым рядом проблем, а именно:

1. Ориентирование только на одну теоретическую платформу (как на содержательную, так и на процессуальную) не учитывает многомерный характер этого института.

2. Отсутствие критериев эффективности государственного управления, что затрудняет квантификацию результата деятельности даже на низовом уровне.

3. Не выделены субъекты управления государственной службой, что исключает возможность своевременного и полноценного реагирования.

Многие исследователи выдвигали предложения по нивелированию этих недостатков и формированию эффективной системы мотивации, опираясь на

различные теоретические базы. Исследования мотивации государственной службы в Российской Федерации проводятся регулярно начиная с 2006 г. В частности, следует назвать многолетние социологические исследования, проводимые в РАНХиГС, диссертационные исследования Е.Б. Черновой, Е.И. Васильевой, Е.В. Фомичева и т.д. [4–7]. Обобщая проводимые исследования, можно отметить следующее:

1. Государственные служащие в наибольшей степени ориентированы не на материальные стимулы, а на статусные. Большинство исследователей отмечает, что основным фактором, обеспечивающим привлекательность государственной службы как места работы, является высокий социальный статус и возможность получения доступа к социальным сетям, недоступным вне властных структур.

2. Вторым существенным фактором, обуславливающим мотивацию чиновников, является стабильность трудоустройства и социальная защищенность служащих. В то же время именно стабильность обеспечивает закрытость государственной службы, а социальная защищенность в последние годы в связи с монетизацией льгот приобретает все более фантомный характер, когда формально право на льготы есть, но механизмы по его предоставлению отсутствуют.

3. Основными демотивационными факторами в системе государственной службы являются плохая организация труда, выражающаяся как в недостаточно качественном оборудовании рабочего места, так и в чрезмерной напряженности труда и слабой фиксации его функционального содержания, что приводит к нарастанию стресса и снижению удовлетворенности трудом служащих.

4. Основными мероприятиями, рекомендованными для повышения мотивации работников органов исполнительной власти, помимо повышения уровня дохода, являются внедрение образовательных программ, направленных в основном на формирование у служащих узкоспециализированных компетенций и совершенствование системы должностного продвижения. Зачастую ожидается, что это будет способствовать удовлетворению потребности чиновников в саморазвитии, а иногда предполагается, что эта потребность (оцениваемая как высшая) будет формироваться.

5. Несмотря на широкое признание особого характера содержания труда государственных служащих, рекомендации по совершенствованию системы их мотивации формируются в рамках содержательных теорий мотивации. Учет личностных характеристик рекомендуется только на этапе подбора персонала, при организации конкурса на замещение вакантной должности при оценке и отборе кандидатов, а работники органов государственной власти рассматриваются как технический персонал, выполняющий формализованные и стандартизированные функции. Управленческие компетенции государственных служащих и их властные полномочия во внимание не принимаются.

Таким образом, приходится констатировать, что система мотивации государственных служащих не только не соответствует сложившейся ценностной структуре, но и противоречит содержанию их труда: осуществляя функции организации, руководства и контроля в сфере обеспечения социальной защиты населения и обеспечения социальной справедливости, поощряются госу-

дарственные служащие только за качественное выполнение стандартизированных узкоспециализированных функций, т.е. не за результат, выражающийся в повышении качества жизни населения, а за его форму.

Как и любой другой социальный институт, государственная служба руководствуется только одной целью – воспроизводство и самосохранение. Изменение принципов взаимодействия с внешней средой воспринимается как угроза целостности института, а потому встречает противодействие со стороны всех уровней чиновников. Базовый уровень сохраняет привычную форму взаимодействия с гражданами, что противоречит общественным ожиданиям и приводит к усилению изоляции государственной службы и снижению ее легитимности. Средний уровень получает больший объем информации о причинах и задачах реформирования, но истолковывает полученные государственные решения с учетом собственных потребностей, основными из которых является сохранение status quo (ориентация на стабильность) и своего высокого социального статуса (ориентация на достижения). Высший уровень, в задачу которого входит мотивация среднего и низового уровней, исключается из объекта реформирования. Вместо того чтобы интериоризировать цели реформы и транслировать их вниз, они решают задачи политической борьбы.

Итак, обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Государственная служба как объект управления подразделяется на четыре уровня:

- низовой, объединяющий работников органов исполнительной власти, выполняющих обязанности по предоставлению государственных услуг и взаимодействию с обществом;

- средний, объединяющий руководителей органов государственной власти, осуществляющих принятие государственных решений в рамках регулируемой отрасли посредством толкования и организации правоприменения решений, принятых на федеральном уровне;

- высший, осуществляющий принятие государственных решений, но не участвующий в их реализации;

- институциональный, включающий ценностно-нормативную структуру чиновников, их реальные потребности, мотивы и цели.

2. Управление должно быть направлено на весь институт государственной службы. При этом следует учитывать различие в структуре мотивов и ценностей различных уровней.

3. Экономические показатели не могут рассматриваться как адекватные целям и задачам государственной гражданской службы. Как институт, направленный на обеспечение социальной защиты как функции государства, она не должна руководствоваться мотивами повышения доходности и накопления материальных ценностей, а также мотивами личностного развития чиновников.

4. Основная задача мотивации в системе государственной службы – активация того высокого трудового потенциала, который сложился в результате реализации мероприятий первого этапа административной реформы [8], на основе трансформации вектора их деятельности с удовлетворения своих по-

требностей и интересов на удовлетворение общественных потребностей, а именно – обеспечение достойного уровня и качества жизни граждан.

5. Так как основной функцией высшего и среднего уровней государственной службы является осуществление государственного управления, то их мотивирование должно быть персонализированным, т.е. опираться на оценку личностных устремлений, потребностей и ценностей с учетом принципа справедливости, для чего необходимо четкое целеполагание и разработка критериев достижения этих целей. При этом для формирования у высших чиновников потребности в общественном развитии результат их труда может ставиться в зависимость от уровня благосостояния региона или экономической успешности отрасли, в которой они осуществляют государственное управление.

6. Воздействие на низовой (базовый) уровень может опираться на содержательные теории мотивации, но получение ими материальных благ или льгот должно быть увязано с индивидуальными показателями деятельности. При этом следует учитывать, что их деятельность в основном заключается во взаимодействии с обществом, а потому оценивать их деятельность целесообразно по критерию удовлетворенности потребителей государственных услуг.

Литература

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ОНИКС 21 век Мир и Образование, 2004. 1198 с.
2. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 года №79-ФЗ.
3. Друкер П.Ф. Практика менеджмента. СПб.: Вильямс, 2003. 398 с.
4. Чернова Е.Б. Совершенствование организационно-экономического механизма мотивации труда государственных служащих: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2009. С. 5
5. Васильева Е.И. Мотивация профессиональной деятельности государственных гражданских служащих : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Екатеринбург, 2010.
6. Фомичев Е.В. Трудовая мотивация государственных служащих в условиях реформирования российской государственной службы: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Ростов н/Д, 2011.
7. Рогожкин А. Государственные служащие: особо ответственный труд – особая мотивация // Кадровик. Кадровый менеджмент (управление персоналом). 2012. № 11. Режим доступа: <http://hr-portal.ru/article/gosudarstvennye-sluzhashchie-osobo-otvetstvennyy-trud-osobaya-motivaciya>
8. Васильева Е.А. Административная реформа в Российской Федерации: цели, задачи, итоги // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2014. № 164. С. 140–150.

Vasilieva Elena A. Academy of sciences of Republic of Sakha (Yakutsk, Russian Federation)

E-mail: vasilieva_ea@bk.ru

DOI: 10.17223/1998863X/33/3

TO THE QUESTION ON MOTIVATION OF CIVIL SERVANTS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Keywords: Public administration; motivation; social institution; values; government

In the article is analyzed the theoretical concepts of motivation in the system of public administration. It is defined, that this social institution is divided into four levels: the basic, the middle, the elite and the institutional level. On the basic level it is the personnel of public authorities, who carry out state functions by providing public goods. The supervisors of public authorities comprise the middle level. They manage the basic level and form the practice of application of law. The high level is the political elite, who perform state management. They have imperious powers, but don't solve practical problems. The norms, values and roles, which constitute the institutional level, are consolidating element of all system. Currently the motivation of civil servants is based on the theories, which is not considered the personal aspirations, needs and values of staff of governmental bodies. It is appropriately only for basic level of public administration. The results of research show that there is a gap be-

tween normative structure and incentive system, which leads to the increase of stress and reduction of the social contentment of governance. The main goal of motivation in the public administration is the activation of the high social potential of state services by transformation their activities from support of personal welfare to the ensure of quality of life of citizens. The motivation's management should account difference in the structure of motives and values between the levels of public administration. The motivation of high and middle levels should base on the assessment of personal aspirations, needs and values with regard to the principle of fairness, which requires a clear goal-setting and development of criteria for achieving these goals. The result of their work may depend on the level of welfare of the region or the economic success of the industry in which they carry out state management. Receiving material benefits or benefits for employees on the basic level should be linked to individual performance. This should take into account that their activities mainly lies in the interaction with society, and therefore assessment of their activity is advisable by the criterion of satisfaction of consumers of public services.

References

1. Ozhegov, S.I. (2004) *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language]. 24th ed. Moscow: ONIKS 21 vek Mir i Obrazovanie.
2. Russian Federation. (2004) *Federal Law №79-FZ "On State Civil Service of the Russian Federation" dated by July 27, 2004.* (In Russian).
3. Drucker, P.F. (2003) *Praktika menedzhmenta* [Practice of Management]. St. Petersburg: Vil'yams.
4. Chernova, E.B. (2009) *Sovershenstvovanie organizatsionno-ekonomicheskogo mekhanizma motivatsii truda gosudarstvennykh sluzhashchikh* [Improvement of the organizational-economic mechanism of motivation of civil servants]. Abstract of Economics Cand. Diss. Moscow. p. 5
5. Vasilyeva, E.I. (2010) *Motivatsiya professional'noy deyatel'nosti gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh* [Motivation of professional work of civil servants]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Ekaterinburg.
6. Fomichev, E.V. (2011) *Trudovaya motivatsiya gosudarstvennykh sluzhashchikh v usloviyakh reformirovaniya rossiyskoy gosudarstvennoy sluzhby* [Labour motivation of civil servants under the reformation of the Russian civil service]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Rostov n/D.
7. Rogozhkin, A. (2012) *Gosudarstvennye sluzhashchie: osobo otvetstvennyy trud – osobaya motivatsiya* [Civil servants: very responsible work - a special motivation]. *Kadrovik. Kadrovyy menedzhment (upravlenie personalom)*. 11. [Online] Available from: <http://hr-portal.ru/article/gosudarstvennye-sluzhashchie-osobo-otvetstvennyy-trud-osobaya-motivatsiya>.
8. Vasilyeva, E.A. (2014) *Administrativnaya reforma v Rossiyskoy Federatsii: tseli, zadachi, itogi* [Administrative reform in the Russian Federation: The goals, objectives, results]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 164. pp. 140–150.

УДК 82.091

DOI: 10.17223/1998863X/33/4

А.Н. Губайдуллина

РОЛЬ ОТЦА В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ПРОЗЕ

Образ отца в литературе для детей отражает концепцию родительства, актуальную в обществе на данный момент. Рассматривается содержательное изменение данного образа в литературе второй половины XX – начала XXI в. на материале двух циклов рассказов: «Как папа был маленький» А. Раскина и «Я воспитываю папу» М. Барановского.

Ключевые слова: образ отца, отцы и дети, современная детская литература, дидактизм.

В книге «Мужчина в меняющемся мире» Игорь Кон опровергает словесную формулу «кризис отцовства» как явление, присущее только современности, не только потому, что эта проблема поднималась в истории многократно, но и потому, что словосочетание слишком обобщено. Кризис отцовства, по его мнению, можно понимать, как минимум, в трёх контекстах: как отражение кризиса семьи; как аспект кризиса маскулинности («ослабление привычной мужской гегемонии и связанное с этим изменение традиционных представлений о мужественности» [1. С. 305]) и как частное проявление кризиса власти.

В любом случае, изменение представлений об отцовстве неизбежно отражается в культуре, средствах массовой информации, литературе, в том числе детской, для которой конфликт отцов и детей является одним из ключевых. Чтобы провести исследование трансформации образа отца в детской литературе последних десятилетий, имеет смысл сравнить две книги рассказов: Александр Раскин «Как папа был маленький» (1961) и Михаил Барановский «Я воспитываю папу» (2013). Обе книги представляют собой цикл небольших историй. Оба сборника стали успешными «проектами» для авторов и получили продолжение: «Как маленький папа учился в школе» (А. Раскин, 1963), «Я воспитываю папу-2, или Собачий вальс» (М. Барановский, 2014).

Сравнивать книги, написанные с разницей в полвека, позволяют не только названия, прямо отсылающие к теме отцовства, не только то, что обе книги написаны мужчинами, осмысляющими опыт собственного общения с ребёнком, но и наличие этической позиции, достаточно явно выраженной в текстах. Однако картина отношений отца и сына в книгах Раскина и Барановского принципиально разная.

Книга, написанная в 1960-е гг., представляет собой воспоминания о времени, когда отец-рассказчик сам был ребёнком (соответственно, он везде назван «маленьким папой», а его отец – «дедушкой»). Выстраивается модель повторяющегося отцовства: ваше поколение будет развиваться так же, как когда-то наше. Книга имеет отчётливую интонацию прямой дидактики, заявленную уже в авторском предисловии: «У меня есть дочка Саша. <...> И я читал ей разные книги или рассказывал смешные истории. <...> Ей понравилось, что папа тоже был маленьким, тоже шалил и не слушался и его

тоже наказывали. <...> Я выбирал истории посмешнее: ведь нужно было развеселить больную девочку. И ещё я старался, чтобы моя дочка поняла, как нехорошо быть жадным, хвастунишкой, зазнайкой» [2. С. 5]. Характерна тема наказания, возникающая раньше основного сюжетного повествования. Ребёнок в книге Раскина – это тот, кто нарушает общепринятую норму поведения (обозначения проступков вынесены в названия многих глав: «бросил мяч под автомобиль»; «укусил профессора»; «обижался»; «бросил хлеб»; «ошибся»). Соответственно, взрослый – тот, кто восстанавливает норму и определяет наказание нарушителю. Отец обладает наиболее жесткой позицией и полномочиями власти: в большинстве глав он наказывает сына, в трёх главах из тринадцати применяет телесное наказание. «Немного погодя маленький папа опять зажигал свет и доставал другую книгу, такую же интересную. Входил дедушка, отнимал книгу, гасил свет и в темноте долго шлёпал маленького папу» [2. С. 18]. Отец применяет разные типы наказания: вербальное, эмоциональное давление, физическое, лишение привилегий... Он наказывает сына не только за пороки (жадность, неаккуратность, трусость), но и за чрезмерные детские увлечения (любовь к чтению). Именно отец определяет образ жизни ребёнка:

«– Сейчас он не хочет учиться музыке. Потом он не пожелает учиться в школе. Потом не захочет работать. Таких лентяев надо с детства приучать к труду! Ты у меня будешь играть на рояле!» [2. С. 36].

Интересно, что чем более близкими родственными отношениями связаны между собой герои, тем сильнее их эмоциональная отстраненность друг от друга. Так, родители всегда солидарны в своей реакции на поступок сына, при этом каждый из них выступает в роли карающего:

«Когда папа прибежал домой и сказал, что сам бросил свой чудный новый мяч под машину, его сразу же отшлёпала бабушка. Вечером пришёл с работы дедушка и тоже отшлёпал его» [2. С. 10].

Или: «Тогда дедушка сказал:

– Я его накажу!

И бабушка прибавила:

– А я накажу его отдельно!» [2. С. 36].

В то же время персонажи, не имеющие прямого родства с ребенком, оказываются эмоционально более близкими ему. Так, в книге не описано ни одной беседы отца и сына; обсуждать что-либо маленькому герою приходится вне своей семьи. В первом рассказе «один дядя» не смеется над мальчиком, а объясняет его ошибку [2. С. 12]; беседа о том, кем стать, происходит на улице с «незнакомым военным» [2. С. 32]; а от занятий фортепиано малыша «спасает» учительница музыки [2. С. 37]. Между отцом и сыном нет доверительных отношений, отец постоянно подозревает мальчика в сознательном нарушении дисциплины. В рассказе «Как папа ошибся», когда ребенок вместо воды случайно выпивает налитой в графин водки, отец воспринимает сына не как жертву ситуации, а как виновника:

«Маленький папа кашлял, задыхался, во рту у него всё горело. Ему было совсем плохо, и никто не мог понять, что случилось.

– Он заболел! – кричала бабушка.

– Он притворяется! – кричал дедушка.

<...> Узнав про водку, все опять закричали.

- Доктора! – кричала бабушка.
- Выпорю! – кричал дедушка» [2. С. 47].

Итак, в книге Александра Раскина отца и сына можно рассматривать как антагонистов. Семья представляет собой вариант жесткой иерархической структуры, имеющей вертикаль власти, доминирующие фигуры (родителей) и подчинённые (детей). Автор не сомневается в возможности и необходимости дидактики, и основная задача родителей – воспитательная.

Книга рассказов начала XXI в. предлагает иной взгляд на отцовство.

Повествование ведется от лица школьника младших классов Марика, и портрет отца дан в рефлексии и восприятии сына. Благодаря этому образ отца лишается идеальной завершенности. Взрослый так же, как и ребенок, несовершенен. У отца есть недостатки (он часто не понимает своих желаний, иногда ленится, не оплачивает вовремя коммунальные счета, может чего-то не знать...). Ребёнок способен посетовать на отцовское несовершенство:

- «– Блин! – орёт папа.
- «Блин» – у тебя слово-паразит! – говорю ему.
- Да? – удивляется.
- Да. У тебя вообще куча слов-паразитов. Больше, чем у меня, в миллион раз.
- Например? – интересуется и потирает руки, как муха.
- Например, <...> «убери!»
- Потому что ты всё время что-то разбрасываешь.

Я поворачиваюсь и ухожу, потому что окончательно теряю интерес к этому дурацкому разговору» [3. С. 128].

Отец, так же, как и в книге Раскина, пытается выбрать ребёнку хобби (в частности, отправить его в музыкальную школу) и определять его образ жизни, но уже не может сделать этого без обсуждения с сыном:

- «– Барабаны, – ответил я, практически не раздумывая.
- От барабанов будет тошнить меня и соседей, – заявил папа.
- Тогда пианино, – сказал я без особого восторга, лишь бы только побыстрее закончить этот неприятный разговор.
- Пианино очень большое, – вздохнул он. – Нам некуда его ставить.
- Если ты не собираешься прислушиваться к моему мнению, – ответил я, – зачем тогда вообще спрашивать?» [3. С. 31].

Основной формой взаимодействия отца и сына является диалог. При этом во многих случаях важен не результат разговора (изменить позицию оппонента), а его процесс, возможность со-присутствия. Именно поэтому отец и сын могут позволить себе разговаривать ни о чём, бездельничать, как в главе «Тишина» [3. С. 54], поскольку бездействие для них есть форма совместного времяпровождения, которое становится главной альтернативой воспитанию.

Равенство позиций отца и сына выражается как в подчеркнутом инфантилизме первого (отец может шутить, дурачиться, фантазировать, играть на компьютере), так и в стремительном взрослении второго. Ребёнок самостоятельно принимает решения, в некоторых случаях отвечает за отца (планирует совместное будущее). Диалог взрослого и ребенка обогащается терминологией, сложными речевыми конструкциями:

- «– (Левитировать) Это как?
- С помощью трансцендентальной медитации.

– С помощью чего?

– Видишь ли, Марик, ряд исследователей полагает, что левитация – следствие возникновения биогравитационного поля, которое вырабатывается психической энергией, излучаемой мозгом. Ты, конечно, можешь спросить меня, является ли эта энергия электромагнитной по своей природе?

– Нет, – говорю искренне, – не могу» [3. С. 23].

Интеллектуальный и этический паритет при многообразии форм поведения препятствует конфликту «отцов» и «детей»: старшее поколение утрачивает авторитарность, а младшее – категоричность высказывания. Отец больше не может настоять на единственной правильности своей позиции. Демократическая модель воспитания превращает взрослых и маленьких в коллег по общежитию, партнеров по дискуссии. Противостояние позиций уступает место присоединению сторон друг к другу. Пропагандируется концепция совместного действия.

В современной литературе есть интересный парадокс. С одной стороны, присутствие отца в семье перестаёт быть обязательным. В книге Барановского описана семья в разводе, отец проводит с сыном время отдельно от матери. «Факультативность» отца описана во многих произведениях современной детской прозы (М. Бородинская, Н. Тумашкова «Телефонные сказки Маринды и Миранды»; Н. Абгарян «Семен Андреич: летопись в каракулях» и других):

«Слова “рудименты и атавизмы” Наташка произносила громко и отчетливо и не уставала объяснять их значение. Рудименты и атавизмы – это органы. Они требовались человеку, когда он был животным. А потом, в ходе эволюции, человек этими органами пользоваться перестал, и они за ненадобностью стали исчезать. <...> Наташка с жестким удовольствием заносила в этот ряд еще и пап, хотя, на мой взгляд, их нельзя было без оговорок приравнять к аппендиксу. Но она изо всех сил пыталась донести до моего сознания суть последних научных достижений: дети появляются на свет вовсе не по причине наличия папы, а из-за того, что сперматозоид сливается с яйцеклеткой. <...> По ее словам получалось, что главное – вовремя отловить этих головастика и поместить в надежное место, в пробирку. А потом можно распоряжаться ими по своему усмотрению. И не нужно никаких пап. Никаких дурацких свадеб, которые пожирают огромные деньги, никакой стирки вонючих носков, всех этих ужасных и унижительных усилий, которые все равно кончаются разводом» [4. С. 8].

Отец может быть не родным, исчезать из семьи временно – и возвращаться (см., например, рассказ М. Москвиной «Наш мокрый Иван» [5. С. 15]). С другой стороны, образ отца больше не ограничен функциями кормильца и дисциплинатора семьи. Его роль сближается с материнской в эмпатии к ребенку, в умении обеспечивать бытовой и бытийный комфорт. В книге «Я воспитываю папу» отец ухаживает за ребенком, укладывает его спать, хорошо готовит не только основные блюда, но и угощение – «творожную запеканку с изюмом» [3. С. 16]. Он интуитивно понимает сына. Отец с сыном признаются друг другу в любви, отец нежен и ласков с Мариком. Можно согласиться с психологом Екатериной Асоновой в том, что «многие современные родители видят цель своего взаимодействия с детьми не в достижении чего-либо в будущем, а в совершенствовании самого процесса взаимодействия в настоящем». «Подобную позицию можно оценить как ответную реакцию родителей на процесс “деавтономизации детства”, начавшийся в 1990-е,

который они воспринимают как проблему, требующую выработки нового модуса отношений с ребенком» [6. С. 86]. Главное требование современной детской прозы заключается в сохранении любви как единственно возможным опосредованном методе влияния как на родителей, так и на детей.

Литература

1. Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
2. Раскин А. Как папа был маленьким. М.: Махаон, 2015. 176 с.
3. Барановский М. Я воспитываю папу. М.: Клевер-Медиа-Групп, 2013. 192 с.
4. Аромитам М. Когда отдыхают ангелы. М.: ИД КомпасГид, 2013. 208 с.
5. Москвина М. Моя собака любит джаз. М.: Олимпиконик, 1997. 98 с.
6. Асонова Е. Новые ценности в детско-родительских отношениях / Pro et contra. 2010. Январь – апрель. С. 78–93.

Gubaydullina Anastasia N. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: gubgub@ngs.ru

DOI: 10.17223/1998863X/33/4

THE IMAGE OF THE FATHER IN CONTEMPORARY PROSE FOR CHILDREN.

Keywords: image of the father, parents and children, contemporary literature for children, didacticism.

Psychologists and sociologists realize expression “crisis of fatherhood”, at least in three aspects. At first, this is one of the manifestations of the crisis of family. Secondly, it is the weakening of the male hegemony. Finally, it is violation of the hierarchy of power in general.

Transformation of ideas about fatherhood inevitably reflected in the culture, in media, in literature. The conflict between fathers and sons is one of the main themes in the prose for children. In this article with the methods of comparative research, the author explores idea of changing the image of father in the texts for children of the second half of the XX and early twenty-first centuries. Two books of stories, which presented in the article: “As Dad was a kid” of Alexander Raskin (1961); “I bring up Dad” of Mikhail Baranovskiy (2013).

As seen, in the book of Alexander Raskin, father and son are antagonists. The family represents a variant of rigid hierarchical structure, which has vertical of power, the dominant figures (parents) and subordinates (children). The author does not doubt of the possibility and necessity of didactics, and the main task of parents is to educate.

Contemporary book of stories offers considered the father's role in other way. The main form of interaction between father and son is the dialogue. In many cases, result of a conversation is not crucial, the process of talks is very important as the possibility of co-presence. The parties do not attempt to change the point of view of each other. That is why the father and son can afford to talk about anything and to laze. For them to laze is a form of joint action, which is becoming the main alternative to education.

Family roles of parents and children are equal. Father can make jokes; fool around, to dream, to play on the computer. The child takes his own decisions; in some cases, he is responsible for his father. Father cannot insist on the correctness of only his position.

The democratic model of education transforms children and adults in the colleagues, partners in discussion. Confrontation gives way to the unity of the parties. The main requirement of the modern children's prose is to maintain love as the only method of influence on parents and children.

References

1. Kon, I. (2009) *Muzhchina v menyayushchemsya mire* [Man in a changing world]. Moscow: Vremya.
2. Raskin, A. (2015) *Kak papa byl malen'kim* [When Dad was a kid]. Moscow: Makhaon.
3. Baranovskiy, M. (2013) *Ya vospityvayu papu* [I am bringing up my dad]. Moscow: Klever-Media-Grupp.
4. Aromstam, M. (2013) *Kogda otdykhayut angely* [When angels are having rest]. Moscow: KompasGid.
5. Moskvina, M. (1997) *Moya sobaka lyubit dzhaz* [My dog loves jazz]. Moscow: Olimpionik.
6. Asonova, E. (2010) *Novye tsennosti v detsko-roditel'skikh otnosheniyakh* [New values in the parent-child relationship]. Pro et contra. January-April. pp. 78–93.

УДК 7.01

DOI: 10.17223/1998863X/33/5

А.К. Жапарова

МУЖЕСТВЕННОСТЬ В ТАНЦЕ, ИЛИ «НАСТОЯЩИЕ МУЖИКИ НЕ ТАНЦУЮТ!?»

Сделана попытка осмысления философии танца, а также гендерной репрезентации в танце. Ключевым моментом является обращение к сравнительному анализу сущностных характеристик человека.

Ключевые слова: *танец, «мужское», «женское», гендер, тело, телесность, андрогенность, дуализм.*

Аль Капоне считал, что настоящие мужчины не танцуют, поэтому посылал танцевать с барышнями вместо себя своих телохранителей. Этот пример иллюстрирует распространенную ситуацию, когда танцы отождествляют с проявлением женственности, а, значит, гендерно стигматизируют танец. Поэтому перед автором стояла задача объяснить причины сложившейся ситуации в отношении гендерных характеристик танца, а точнее осмыслить проблемы экспликации мужественности в танце.

Танец, как и гендер, тесно вплетен в дискурс философии «телесности». Танец отражает восходящую к самым ранним временам потребность человека передавать другим людям свои чувства и эмоции посредством своего тела. Однако философская рефлексия в рамках философии танца остается скорее периферийным явлением.

Западные исследователи объясняют былую инертность философской мысли в отношении танца в первую очередь специфичностью материала – человеческим телом, которое было запретной темой для западноевропейского христианского общества, а также с философской традицией, которая признавала главенство разума над телом, а значит, второе не заслуживало внимания со стороны ученых. Каковы же основания взаимосвязи темы танца с темой «тела»?

Автор будет исходить из понимания гендера как экспликации половой дифференциации в культуре через практики реализации «мужского» и «женского». «Это выражается в том, что многие не связанные с полом понятия и явления (природа, культура, стихии, цвета, божественный или потусторонний мир, добро, зло и многое другое) ассоциируются с «мужским/маскулинным» или «женским/феминным» началом. Таким образом, возникает символический смысл женского и мужского, причем мужское отождествляется с богом, творчеством, светом, силой, активностью, рациональностью и т.д. (и, соответственно, бог, творчество, сила и прочее символизируют маскулинность, мужское начало). Женское ассоциируется с противоположными понятиями и явлениями – природой, тьмой, пустотой, подчинением, слабостью, беспо-

мощностью, хаосом, пассивностью и т.д., которые, в свою очередь, символизируют фемининность, женское начало» [5, С. 23].

Маскулинное начало выступает как некая норма, стандарт, которые в своей совокупности составляют фундамент андроцентризма в культуре, глубинной культурной традиции, сводящей общечеловеческую субъективность к единой мужской норме, репрезентируемой как универсальная объективность, в то время как иные субъективности, и прежде всего женская, репрезентируются как собственно субъективности, как отклонение от нормы, как маргиналия.

В философской литературе основные сущностные характеристики человека выступают в противопоставлении и сравнении со своими противоположностями: разум – рассудок, свобода – необходимость, творчество – рутина, игра – утилитарно-практическая деятельность, дух – душа, материя, природа, тело. Часто такое противопоставление сопровождается указанием на приоритет первого члена этих пар категорий. И это не случайно. Как отмечает О.А. Воронина, это связано с такими чертами западного типа философствования, как ценностно-иерархическое мышление и нормативный дуализм. «Под ценностно-нормативным мышлением понимается такой подход, когда философы пытаются упорядочить различия или разнообразие в соответствии с некоторой иерархической схемой. К. Уоррен называет это «логикой доминирования». Нормативный дуализм – это метод дифференциации связанных между собой явлений, которые дополняют друг друга или даже просто не могут существовать друг без друга – например, дух и тело, мышление и чувства, день и ночь» [2. С. 56–57].

Антиподами духа традиционно считают душу, материю, тело. В человеческой культуре «дух» – слово мужского рода, оно символизирует мужское начало в культуре. Дух выступает символом творческой энергии культуры. «Душа» – слово женского рода, она выступает носителем женского начала, она несет в себе смыслы непосредственного источника жизни. Душа как женское начало характеризуется мягкостью, терпимостью. «Дух же, как мужское начало, характеризуется рационализмом, рассудочностью. Если душевный человек отличается мягкостью, то духовный человек – жесткостью. Мужчины (дух) рожают новые идеи, новые концепции, они доминируют в праве, технике, науке, т.е. в тех сферах, которые относятся к цивилизации. Дух жаждет господства, а душа подчинения. Кроме того, дух символизирует идею, руководствуется ею. Душа же, в которой господствует чувственность, уподобляется бабочке, порхающей от цветка к цветку. Душа – символ красоты, но красоты быстротечной. Дух – символ порядка, устойчивости, мужественности, отсюда и выражение «боевой дух». Душа не может быть боевой. Иногда она воспринимается как змея, которая находится в раю рассудка и порядка и угрожает моральным устоям общества» [3. С. 192].

Как дух, так и душа находятся в определенном отношении к телу, совокупность их составляет природу человека. Однако данная совокупность не есть простая сумма частей, они находятся в иерархичных отношениях: дух господствует в человеке, управляет душой и телом. Каждая часть этого целого обладает специфической сферой действия. «Сфера действия души – так называемые ближайшие цели человеческой жизни или, используя теологиче-

скую терминологию, устройство нашего временного, земного, быта. Отсюда душевная жизнь будет представлять собой спонтанный поток чувств, мыслей, различного рода переживаний, направленных на достижение ближайших целей человеческого существования. А ими являются: удовлетворение телесных потребностей, достижение дружественного состояния со своими близкими, бережное отношение к окружающим вещам и т.д. Сфера действия духа направлена на приобщение человека к абсолютным, вневременным ценностям бытия, к истине, добру и красоте. Духовная жизнь – это организованный поток мыслей чувств, предметным полем которого являются истина, добро и красота, целостность и единство человечества, бережное отношение ко всему существующему и т.д.» [3. С. 195–196].

Рассуждение о теле в своих традиционных определениях подразумевает, что речь идет о материально-чувственной форме бытия мира и человека. Природное начало (в данном контексте – женское) в первую очередь представлено формой телесного бытия. Как известно, тема тела – есть вообще тема «женского»: «...Если что-нибудь женское по-настоящему ценилось в предыдущей культуре, так это ее тело...», – отмечает Г. Брандт [1. С. 147]. В философии пара мужское/женское обычно коррелируется с парой разум/тело. Особенность формы телесного бытия женского обусловлена в более тесной связи женщины со своим телом. В мифологии, теологии, языке имели место две противоположные идеи: с одной стороны, женское тело – вместилище греха, нечести и похоти, с другой – нечто святое и чистое, как материнское. Так или иначе, но культура указывает на тело как на место бытия женского, в противовес «высокой культуре», проникнутой чистым разумом и духом.

«Мужское» утверждается в этом мире через **расщепление своего единства с природой**. Он достигает своего единства в свершениях в мире культуры. Второе «Я» мужчины суть «социокультурное тело». Через его дела во вне можно понять его природу, причины поступков. Он постоянно ищет себя. Можно сказать, что культура – результат априорного жизненного дискомфорта тела мужчины.

Какую бы из сущностных характеристик человека мы ни рассматривали, все они находятся в андроцентрической плоскости. Осмысливая последнюю в совокупности ее элементов, можно сделать предварительный вывод о том, что первые члены эссенциальных характеристик человека маркированы маскулинным содержанием. В противоположности к ним выступает другая плоскость – мир рассудка, души, рутинизированных практик, необходимости, телесности. Суммируя эти характеристики, автор отмечает их феминный характер в целом. Таким образом, сущность человека, в философской и исторической традициях гендерно табуирована и отсылает «женское» в сферу природно-телесного, а «мужское» в сферу духовного. Таким образом, на уровне сравнительного анализа сущностных характеристик человека сфера танца как сфера телесного феминизирована на уровне представлений о природе «человеческого».

Преодоление дуализма возможно, по мнению М. Аларкон, через поиски более широкой формы рациональности, и здесь танец может быть важнейшим мыслительным партнером, так как материалом танца является живое

тело, «наше самое». Хосе Лимон говорил: «Танцор – особо счастливый потому, что у него есть самый разговорчивый и самый поразительный инструмент: человеческое тело» [цит. по.: 4. С. 19]. Но в танце тема «разговора» может иметь маскулинный и феминный аспекты. Поэтому утверждение о том, что природная гибкость, пластичность, особая ритмика женского тела являются в совокупности основанием «предрасположенности» к танцу, не вполне правомерно. Мужская и женская пластики и ритмики имеют свои особенности и выполняют специфические задачи в зависимости от художественных, технических или других задач. Существующие в современном обществе стереотипы о танце как о чем-то «женском» являются не более чем выдумкой, плодом сексизма и искаженных представлений о природе танца. Мужские танцы (гопак, танго, танец со шпагами, лезгинка и др.) типично маркированы – сила, риск, напористость, воинственность, выносливость. Так или иначе, мужественность в танце представлена вполне внятной историей – историей о рыцаре, джентльмене, охотнике... И переписывание этой истории представляется бестолковым и «визуально абсурдным» мероприятием.

Литература

1. *Брандт Г.А.* Философская антропология феминизма: природа женщины. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2004. 204 с.
2. *Воронина О.А.* Оппозиция духа и материи // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 56–65.
3. *Денисов С.Ф.* Библийские и философские стратегемы спасения: антропологические этюды: учеб. пособие. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. 215 с.
4. *Матушкина М.В.* Танец и мышление в немецкой философии искусства конца XX – начала XXI в. // Теория и практика общественного развития. 2014. С. 17–20.
5. *Словарь* гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой. М.: Информация – XXI век, 2002. 256 с.

Zhaparova Aliya K. Omsk Tank-Automotive Engendering Institute (Russian Federation)

E-mail: alfil82@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/33/5

«MASCULINITY IN DANCE OR» REAL MEN DO NOT DANCE !?

Keywords: dance, «male», «female», gender, body, physicality, androcentrism, dualism.

The author of article "Masculinity in dance or" real men do not dance !? "deals with the problems of philosophy understanding of dance and gender representation in dance. The key moment of the author's reasoning is the comparative analysis of the essential characteristics of the human.

The author, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the department of Humanities and Socio-Economic disciplines of Omsk Tank-Automotive Engineering Institute, social dancing choreographer Zhaparova Aliya Kaigeldievna.

The author of this article had the task of explaining the reasons of stigmatization of dance as a sphere of "female" and understanding of explication of masculinity in dance.

The essence of the problem is reduced to passivity of philosophy to the dance, which is associated primarily specificity of the material - the human body, which has been a taboo subject for the Western European Christian society, and also the philosophical tradition recognized the primacy of the mind over the body. In such a way the dance by and large refers to the «philosophy of physicality» discourse.

The main part of this article provides a comparison of binary oppositions in the descriptions of the essential characteristics of human in Western philosophy, in which preference is given to the characteristics traditionally belonging to "male". This in turn explains the reasons of the normative dualism in culture.

In conclusion, the author leads the reader to idea of the possibility of overcoming the dualism by seeking broader forms of rationality, and dance in this sense can be an important resource as the dance material is a living body. In dance, the body can be represented in the masculine and feminine aspects.

Therefore, the assertion that the natural flexibility, plasticity, special rhythms of the female body are in aggregate basis "predisposition" to dance according to the author is not quite correct. There are stereotypes in modern society that claim dance as something "female", but they are nothing more than the result of misconceptions about the nature of the dance.

References

1. Brandt, G.A. (2004) *Filosofskaya antropologiya feminizma: priroda zhenshchiny* [Philosophical anthropology of feminism: the nature of women]. Ekaterinburg: University for the Humanities Press.
2. Voronina, O.A. (2007) *Oppozitsiya dukha i materii* [The opposition of spirit and matter]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 56–65.
3. Denisov, S.F. (2004) *Bibleyskie i filosofskie strategemy spaseniya: antropologicheskie etyudy* [Biblical and philosophical stratagems of salvation: Anthropological studies]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
4. Matushkina, M.V. (2014) Dance and thinking in the German philosophy of art of the late 20th – early 21st century. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of social Development*. 7. pp. 17–20. (In Russian).
5. Denisova, A.A. (ed.) (2002) *Slovar' gendernykh terminov* [The Glossary of Gender Terms]. Moscow: Informatsiya – XXI vek.

УДК [331.556.2+314.7"742"]:316.342.6

DOI: 10.17223/1998863X/33/6

Н.Н. Жидкевич

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТИПЫ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ОТХОДНИКОВ

Рассматривается феномен современного российского отходничества – внутренней временной трудовой миграции. Анализируется воздействие экономического поведения отходников на их статус в местном обществе. На основании различий в структуре трудовой деятельности и способствующих её успеху индивидуально-личностных характеристик отходников выделяются четыре их основных социально-экономических типа, дифференцированных по специализации, доходу и социальному положению.

Ключевые слова: современные отходники, социально-экономические типы отходников, внутренняя временная трудовая миграция, провинциальное общество.

В российской провинции, в местах, где слабо развит рынок труда, одной из распространённых моделей жизнеобеспечения населения является отходничество – регулярный самостоятельный выезд на заработки в экономически развитые регионы. В 2011–2013 гг. коллективом под руководством Ю.М. Плюснина (НИУ ВШЭ) было проведено комплексное исследование отходничества¹ [1, 2]. Внимание автора, одного из его участников, фокусировалось на особенностях социально-экономических характеристик и статуса отходников; изучение данного предмета было продолжено в 2012–2014 гг. в собственном исследовании². Было зафиксировано, что экономическое поведение отходников оказывает воздействие на их социальный статус, при этом социальный статус внутри группы значительно варьирует. Изучение этого воздействия потребовало внимания к структуре экономического поведения отходника, к структуре его трудовой деятельности и способствующих её успеху индивидуально-личностных характеристик.

При анализе используются идеи социологической теории человеческого капитала [3, 4]. Согласно одному из классических определений, человеческий капитал – это «запас знаний, навыков и способностей, которые есть у каждого человека и которые могут использоваться им как в производственных, так и в потребительских целях» [5. С. 6]. Теорией предполагается дифференциация производительного потенциала индивидов, связанная с различиями в их врождённых (способности) и приобретённых (знания и навыки) качествах и отражающаяся на их будущем доходе или удовлетворении [5]. Применяя положения теории к предмету исследования, необходимо учесть особенности его объекта. Во-первых, знания и навыки отходников отражаются на их доходе не непосредственно, а с учётом их уникальности, специфичности³.

¹ В рамках проектов «Отходники в малых городах России» (при финансовой поддержке фонда «Хамовники»).

² В рамках проекта «Социальный портрет современного российского отходника» (при финансовой поддержке фонда «Хамовники»).

³ Исходно считается, что знания и навыки, реализуемые любыми отходниками в работе, являются востребованными – иначе эти индивиды не стали бы отходниками.

В связи с этим предлагается соответствующе развить содержание данной составляющей человеческого капитала и обозначить её как «специфичность профессиональных компетенций». Во-вторых, большинство отходников заняты физическим трудом. Поэтому для них способности как второй компонент человеческого капитала правильнее увязывать с приспособляемостью к тяжёлым, напряжённым и рискованным условиям труда¹ и некомфортным условиям быта² на выезде. Предлагается обозначить эту составляющую человеческого капитала отходника как «адаптивность». Соответственно, чем выше специфичность профессиональных компетенций и адаптивность отходника, тем выше плата, которую он получает за выполненную работу.

Данные взаимодополняющие компоненты человеческого капитала отходников являются основаниями для типологии. Каждое из оснований принимает одно из двух значений – «высокое» и «низкое». Принцип выделения типов – комбинация всех возможных значений. Соотнесение значений оснований задаёт характерные особенности экономического поведения отходников, что позволяет выделить четыре их типа.

1. Специфичность профессиональных компетенций и адаптивность высокие. Отходники обладают уникальными, специфическими профессиональными знаниями и навыками. Они приспособляются к работе в тяжёлых, напряжённых, рискованных условиях и проживанию в некомфортных условиях на выезде. Труд отходников высоко оплачивается. Предлагается обозначить тип как «максималисты».

2. Специфичность профессиональных компетенций высокая, адаптивность низкая. Отходники обладают уникальными, специфическими профессиональными знаниями и навыками. Они стремятся минимизировать риск, физические усилия, напряжённость труда и дискомфорт и избегают сфер труда, в которых заняты «максималисты». Труд их оплачивается высоко, но ниже, чем труд отходников первого типа. Данный тип предлагается обозначать как «разборчивые».

3. Специфичность профессиональных компетенций низкая, адаптивность высокая. Отходники не имеют уникальных, специфических профессиональных знаний и навыков. Они готовы к работе в тяжёлых, напряжённых, рискованных условиях и проживанию в некомфортных условиях на выезде. Труд их оплачивается высоко, но ниже, чем труд отходников первого типа. Тип предлагается называть «работяги».

4. Специфичность профессиональных компетенций и адаптивность низкие. Отходники не имеют уникальных, специфических профессиональных знаний и навыков и стремятся минимизировать риск, физические усилия, напряжённость труда и дискомфорт. Они «не попадают» в сферы труда, в которых заняты отходники остальных трёх типов. Такие отходники могут пред-

¹ Подразумевается опасность работы, связанной с риском для здоровья и жизни; ненормированность рабочего времени; необходимость применения чрезмерных физических усилий; неформальный характер работы, негативный характер отношений с работодателем; редкость и непродолжительность посещения дома и семьи; отсутствие полноценного отпуска.

² Подразумевается жёсткость, экстремальность природно-климатических условий; неудовлетворительное состояние жилища, предоставляемого работнику; отсутствие санитарно-бытовых помещений, необходимых предметов интерьера, бытовой техники, непростые условия покупки продуктов питания и приготовления пищи; отсутствие полноценного сна; невозможность лечения и получения медицинской помощи.

ложить работодателю только своё присутствие и выполнение простейшей работы. Труд отходников этого типа оплачивается ниже, чем труд отходников предыдущих типов. Предлагается обозначить тип как «присутствующие».

Покажем, как выделенные типы соотносятся с материалами эмпирического исследования. Эмпирическая база, на основе которой описывается и анализируется экономическое поведение и социальный статус¹ отходников, включает наблюдения и глубинные интервью, полученные в рамках обоих исследований. В местах проживания информантов, в 60 населённых пунктах 15 российских регионов² собрано 140 глубинных интервью с отходниками и членами их семей и 209 интервью с местными жителями, использующими иную модель жизнеобеспечения – для получения сторонней оценки деятельности отходников и в качестве контроля.

«**Максималисты**». Под этот тип попадают плотники, или срубщики, возводящие бригадой здания из дерева (дачные дома, бани) для обеспеченных частных заказчиков. Отходники обладают специфическими навыками и работают в травмоопасных условиях с тяжёлыми брёвнами, без выходных, делая непродолжительные перерывы только на питание и сон: *«Я в 7 часов из квартиры выхожу и, дай бог, в 8 часов прибреду, тем более, мы брёвна поднимали вручную на второй этаж, руки-ноги не шевелятся! [...] Нам бы как-то поесть-то успеть!»*³. Такая работа чаще всего не подразумевает официального трудоустройства, что обуславливает её рискованность и возможность недобросовестного поведения работодателя. Сезон длится 6–8 бесснежных месяцев, в ходе которых отходник в среднем проводит дома около недели ежемесячно.

Также сюда относятся отходники, занятые на добыче полезных ископаемых (словами наших информантов, «на северах») под открытым небом, например машинисты специального транспорта (экскаваторщики, трактористы), вальщики и т.п. Воздействие экстремальных природно-климатических условий выдерживают только самые стойкие и выносливые. Они трудятся в опасных для здоровья и жизни условиях; часто происходят несчастные случаи. Проживание и быт таких отходников организованы хорошо, за исключением тех ситуаций, когда происходит «заброс» на новый участок: *«Нас вертолётom закидывают, не знаю, живём в таких условиях, в палатках, я до декабря жил в палатке, –36 на улице...»*⁴. Вследствие удалённости территории работы и дороговизны транспорта им редко удаётся бывать дома, и часто

¹ Социальный статус рассматривается с позиций М. Вебера – как имеющий сложносоставную сущность, основными компонентами которой являются материальное благосостояние, власть и уважение [6]. При этом властный компонент исключён из настоящего анализа: как показывают наблюдения, отходники практически не вовлекаются в социально-политические структуры и не склонны к участию в мобилизованном коллективном действии, что объяснимо относительно низким уровнем их социальной напряжённости, связанным со стабильной занятостью и удовлетворительным уровнем заработка.

² В Архангельской, Вологодской, Ивановской, Костромской, Ленинградской, Нижегородской, Пензенской, Псковской, Рязанской, Саратовской, Тверской, Ярославской области, Пермском крае, Мордовии и Чувашии. Регионы выбирались из соображений их разнообразия по социально-экономическому положению и предположительной распространённости в них отходничества.

³ Интервью с бывшим отходником-срубщиком в Москве (около 45 лет), г. Каргополь, Архангельская обл., март 2012 г.

⁴ Интервью с отходником-вальщиком на Севере (около 45 лет), Каргопольский р-н, Архангельская обл., март 2012 г.

они по полгода, иногда и более, находятся в отрыве от семьи. «У нас здесь есть парень, который дважды по полгода ездил в Тюмень, вырубал просеки для будущих газопроводов. Я знаю, чего стоила ему эта поездка. [...] Уезжает на полгода работать, приезжает – пару месяцев отдохнул и снова. В таких условиях и железо ломается, и человек изнашивается. Встало солнце – уже работают, солнце село – только тогда пошли спать»¹. В таких условиях многие «северяне» начинают злоупотреблять алкоголем, что немедленно ведёт к исключению их из рядов работающих, поэтому умение владеть собой играет решающую роль.

Работа отходников-«северян», равно как и срубщиков, оплачивается высоко.

Уважение к отходнику, обладающему специфическими навыками, способному применить их, находясь в отрыве от дома и семьи и работая в тяжёлых, напряжённых, рискованных, некомфортных условиях, и имеющему справедливо «хорошие» заработки, определяет его высокие статусные позиции в местном обществе. Особо это характерно для отходников-«северян»: местные жители везде и всегда единодушно признают их самоотверженность, указывают на то, что совсем не каждый был бы готов так поехать.

«Разборчивые». К типу относятся отходники, занятые в сфере связи и компьютерных технологий (специфика работы определяет «молодость» соответствующих специалистов), а также занятые выполнением ремонта и отделки помещений для обеспеченных заказчиков. Работы, выполняемые отходниками этого типа, часто предусматривают постоянную занятость. И без того редкие их побывки дома становятся ещё реже оттого, что регулярные отъезды неудобны для индивидов с низкой адаптивностью. Это приводит к частичному «выпадению» таких отходников из структуры местного общества. Перспектива многих из них – переезд на постоянное место жительства в город, где базируются работодатель или заказчики.

Интервьюер (Инт): А сколько часов в день вы работаете?

Информант (Инф) Когда как. Когда пару часов. Когда пять. Когда шесть. [...].

Инт: Вы точно официально устроены при такой свободе?

Инф: Да. Там свобода. [...].

Инт: Удаётся делать сбережения какие-то?

Инф: Раз машина есть, значит, удаётся? [...].

Инт: А вы бы хотели остаться здесь?

Инф: Нет. Категорично нет.

Инт: То есть когда появится возможность переехать, вы переедете?

Инф: Сразу же².

Зарботки «разборчивых» отходников ниже тех, что получают отходники-«максималисты», но выше тех, что получают прочие местные жители, удачно трудоустроенные дома (их примером может служить мелкий предприниматель, владеющий одним-двумя продуктовыми магазинами или начальник отдела в районной администрации).

¹ Интервью с местным жителем (около 60 лет), г. Каргополь, Архангельская обл., март 2012 г.

² Интервью с отходником-монтажником Интернета в Москве (около 25 лет), г. Торопец, Тверская обл., ноябрь 2011 г.

В соответствии с наблюдениями этот тип является наименее распространённым.

«Работяги». Тип представляют отходники, занятые в капитальном строительстве, живущие в вагончиках и ежедневно рискующие получить травмы (в том числе несовместимые с жизнью), без которых строительный процесс не обходится; дальнотойщики, которым приходится буквально жить в кабине фуры и постоянно подвергаться дорожным опасностям; рабочие на заготовке леса, вынужденные работать в травмоопасных и тяжёлых условиях; фабричные и заводские рабочие и т.п.

Интервьюер (Инт): А по сколько часов Вы работаете?

Информант (Инф): По 12 часов. Час обеденный.

Инт: И без выходных эти две недели?

Инф: Да, да-да-да-да. Ни праздников, ни выходных, ни проходных. Невзирая на погоду. Кто работает на улице, вообще там каторга. На самом деле, каторга.

Инт: Из-за того, что на улице много работают, часто простудные заболевания?

Инф: Очень даже. И травмы очень часто. Редко вахта проходит без того, чтобы кто-то что-то прижал, оторвал. А то так шмякнет – и вообще покойники уезжают. Увозят. Только приехали, убило человека¹.

Интервьюер (Инт): То есть она [квартира] необустроенная?

Информант (Инф): Ничё там нету, да. Запахи, блин... Чё отпуск-то взял – видно, надышался там всякой гадости. Сыро, голые стены, и, видно, до этого там бомжатник какой-то был. Там такие запахи, что жить невозможно. Но живём. А как ещё-то? Никак. [...].

Инт: То есть там тоже не очень большие, получается, деньги?

Инф: Да, конечно, нет. Чё, мы работаем, тыща в день у нас выходит. Из этих 20 тысяч вычти... четыре недели, а бывает, пятая неделя попадает на месяце, считайте, по полторы тыщи я беру, и чё, у меня почти 12 тыщ только зарплата получается. [...].

Инт: А сколько часов в день Вы там работаете?

Инф: Считайте, световой день. Приходим иногда домой и в 6, и в 8, и в 9. Как бы ненормированный рабочий день².

Также сюда относятся люди, работающие «на северах», но занятые более лёгким трудом, нежели отходники-«северяне» первого типа, и работающие преимущественно в помещении (например, слесари, повара, складские рабочие).

Местное общество относится к «работягам» с уважением и сочувствием, понимая, какие трудности и лишения связаны с их выездной работой, оплачиваемой притом средне. Отходники этого типа живут в относительном достатке, однако не выделяются разительно среди прочих благополучных местных жителей.

В соответствии с наблюдениями, этот тип численно доминирует, но отрыв незначителен.

¹ Интервью с отходником, работающим на заводе ЖБИ в Подмоскowie (около 65 лет), п. Воскресенское, Нижегородская обл., октябрь 2012 г.

² Интервью с отходником-кровельщиком в Ярославле (около 50 лет), г. Любим, Ярославская обл., июль 2013 г.

«Присутствующие». Тип включает, в первую очередь, многочисленных отходников-охранников на складах, в магазинах и учреждениях, при офисах. От них, как правило, не требуется особых усилий, нужно само присутствие. По словам информантов, экстренные ситуации на объектах возникают редко, а когда они случаются, охранники просто вызывают полицию.

«Найти-то можно [работу по месту жительства с аналогичным заработком]. Но тогда надо вкалывать с 8 до 17. Один день выходной. А там я одну неделю работаю, одну неделю дома сижу. То бишь там я вообще ничего не делаю. Могу спать, могу не спать. [...] Вот люди ездят. Они, может, и больше получают. Но они и работают там с 8 утра до 9 вечера. Стоят там во всяких «Ашанах». Они стоят, а я сижу. У меня лежачая работа, можно так сказать»¹.

«Зачем приходиться работать месяц на пятнадцать-двадцать тыщ, когда тебе за четырнадцать дней лежания на кушетке и открывания, простите меня, шлагбаума тебе платят эти пятнадцать тыщ, и ты ещё пятнадцать дней лежишь дома...»².

Также под этот тип попадают отходники, занятые в торговле, общепите, обслуживании (продавцы, официанты, сиделки, няни и т.п.).

Заработки «присутствующих» отходников ниже, чем заработки других типов отходников, и ниже тех, что можно было бы получить, удачно трудоустроившись по месту жительства. Их работа привлекательна не доходом, а доступностью и относительной лёгкостью, а также стабильностью такой модели жизнеобеспечения. Статус таких отходников в местном обществе, как правило, невысок.

Сопоставляя результаты предложенной типологизации отходников с другими результатами исследования, можно увидеть, что для двух типов наблюдается закономерность в распределении их по территории европейской части России. Так, было отмечено, что её лесохозяйственные³ и сельскохозяйственные⁴ регионы различаются по доминирующему типу проживающих на их территории отходников [7]. Лесохозяйственные регионы являются слабозаселёнными, большинство населения имеет возможность устроиться в лесном хозяйстве, и конкуренция за рабочие места невысока. При этом на этих территориях из поколения в поколение передаются специфические плотницкие навыки, которые в настоящее время пользуются высоким спросом у заказчиков из крупных городов. Таким образом, на местных жителей, владеющих данными навыками, действует притягивающий фактор, и многие из них становятся отходниками-плотниками. В густонаселённых сельскохозяйственных регионах, напротив, высока конкуренция за местные рабочие места. Соответственно, на многих жителей действует выталкивающий фактор, и они вынуждены искать работу на выезде. Квалифицированные, выносливые и желаю-

¹ Интервью с отходником-охранником в Москве (около 35 лет), г. Касимов, Рязанская обл., декабрь 2011 г.

² Интервью с местным жителем (около 50 лет), г. Кинешма, Ивановская обл., февраль 2012 г.

³ В выборке таковыми считались Пермский край, Архангельская, Вологодская, Костромская, Ленинградская, Нижегородская, Ярославская области.

⁴ В выборке таковыми считались Чувашия, Пензенская и Саратовская области.

щие зарабатывать много уезжают работать «на севера» машинистами специального транспорта; большинство же, в соответствии с наблюдениями, не имеет специфических знаний и навыков, которые бы высоко оплачивались на развитых рынках труда, и работают в отъезде охранниками, разнорабочими, продавцами и т.д. Сопоставление описанных региональных и социально-экономических типов отходников показывает, что тип отходника из лесохозяйственных регионов пересекается с типом отходника-«максималиста», тип отходника из сельскохозяйственных регионов – с типом отходника-«присутствующего». Таким образом, в лесохозяйственных регионах европейской части России более распространены отходники с высокой специфичностью профессиональных компетенций и адаптивностью (преимущественно за счёт плотников), в сельскохозяйственных – отходники с низкой специфичностью профессиональных компетенций и адаптивностью.

Итак, изучение воздействия экономического поведения отходника на его социальный статус показало, что можно выделить четыре основных социально-экономических типа отходников. Предлагается типология, в основе которой лежат различия в структуре экономического поведения отходников, в структуре их трудовой деятельности и способствующих её успеху индивидуально-личностных характеристик. Соотнесение высоких и низких значений оснований «специфичность профессиональных компетенций» (уникальные, специфические знания и навыки) и «адаптивность» (приспособляемость к тяжёлым, напряжённым, рискованным условиям труда и некомфортным условиям быта на выезде) задаёт характерные особенности экономического поведения отходников, тем самым выделяются четыре их типа. Типы условно обозначены как «максималисты», «разборчивые», «работяги» и «присутствующие». «Максималистам», работа которых требует владения специфическими навыками, связана с многочисленными тяготами и лишениями, приносит «хорошие» заработки, свойствен высокий статус в местном обществе. Представителями типа являются плотники, занятые на дачном строительстве, и отходники, занятые на добыче полезных ископаемых, работающие под открытым небом. Тип распространён в лесохозяйственных регионах европейской части России. «Разборчивые» отходники, обладающие специфическими навыками, но прихотливые к условиям труда и проживания на выезде, по материальному положению сравнимы с людьми, удачно трудоустроенными по месту жительства. К типу относятся отходники, работающих в сфере связи и компьютерных технологий и в сфере ремонта и отделки у обеспеченных заказчиков. Их работа чаще всего предусматривает постоянную занятость, поэтому «разборчивые» отходники более всего «выпадают» из местной социальной структуры. Тип «работяги» характеризуется отсутствием специфических знаний и навыков, что как бы компенсируется их неприхотливостью, готовностью переносить тяготы и лишения. Они пользуются уважением в местном обществе и живут в достатке, но не выделяясь среди прочих обеспеченных местных жителей. К типу относятся отходники, занятые в капитальном строительстве, дальнотранспортники, рабочие на заготовке леса, фабричные и заводские рабочие, а также отходники, занятые преимущественно в помещении «на северах». «Присутствующие» отходники не имеют специфических навыков и прихотливы к условиям труда и проживания на выезде,

вследствие чего фактически предлагают работодателю только своё присутствие и выполнение простейшей работы. Тип включает отходников, занятых в охране, торговле, общепите, обслуживании. Их работа считается сравнительно простой; заработки «присутствующих» ниже тех, что можно было бы получить, удачно трудоустроившись дома. Статус таких отходников в местном обществе, как правило, невысок. Тип распространён в сельскохозяйственных регионах европейской части России.

Литература

1. Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники / науч. ред.: С.Г. Кордонский. М.: Новый хронограф, 2013. 376 с.
2. Plusnin J., Zausaeva Y., Zhidkevich N., Pozanenko A. Wandering Workers. Mores, Behavior, Way of Life, and Political Status of Domestic Russian Labor Migrants. Stuttgart: Ibidem Press, 2015.
3. Becker G.S. Human Capital. N.Y.: Columbia University Press, 1964.
4. Schultz T.W. Investment in Human Capital // American Economic Review. Vol. 51, No. 1 (1961). P. 1–17.
5. Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России?: препринт WP3/2012/06. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 76 с.
6. Вебер М. Класс, статус и партия // Социальная стратификация / отв. ред. С.А. Белановский. М.: ИПП РАН, 1992. Вып. 1. С. 19–38.
7. Жидкевич Н.Н. Региональные различия внутренней возвратной трудовой миграции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 1(29). С. 109–118.

Zhidkevich Natalia N. National Research University «Higher School of Economics» (Moscow, Russian Federation)

E-mail: nzhidkevich@hse.ru

DOI: 10.17223/1998863X/33/6

SOCIOECONOMIC TYPES OF CONTEMPORARY RUSSIAN OTKHODNIKS (DOMESTIC TEMPORARY LABOUR MIGRANTS)

Keywords: contemporary otkhodniks, socioeconomic types of otkhodniks, domestic temporary labour migration, provincial society.

The article deals with investigation of how economic behavior of the contemporary Russian otkhodnik (domestic temporary labor migrant) impacts his social status. The ideas of human capital theory are used. The author considers otkhodniks' knowledge and skills to determine the level of income according to their uniqueness, and defines them as "professional competence specificity". Otkhodniks' abilities, in their turn, should be considered from the perspective of readiness to endure harsh living and working conditions at the job site; the author defines them as "adaptability". Professional competence specificity and adaptability become the parameters for otkhodniks' economic behavior typology. The combination of "high" and "low" values of the parameters allows determining four socioeconomic types of otkhodniks: "maximalists", "fastidious", "drudges", and "standing about". "Maximalists" have unique skills, work and live in harsh conditions, earn big money and have a high status in their local community. They are carpenters who erect houses in the suburbs of major cities, and "rotation workers" in the extractive industries who work outdoors. This type prevails in the forest regions of the European part of Russia. "Fastidious" otkhodniks have unique skills and avoid working and living in harsh conditions; by their material situation they are similar to the local residents successfully employed in their hometown or village. They are communications technicians and otkhodniks who make repairs and renovate premises for wealthy clients. These otkhodniks are least of all integrated in the local social structure. "Drudges" do not have unique skills and endure harsh working and living conditions. They are respected by the local community; their earnings allow them to have a "decent" lifestyle, comparable with the lifestyle of locals successfully employed at the place of residence. They are builders, truckers, loggers, factory workers and "rotation workers" in the extractive industries who work indoors. "Standing about" otkhodniks do not have unique skills and avoid working and living in harsh conditions. They offer the employer only their presence and perform the sim-

plest jobs. These are *otkhodniki* occupied in security, trade, catering and domestic services. Their earnings are lower than the amounts that people working locally receive. Their status in the local community is not high. This type is more frequent in the agricultural regions of the European part of Russia.

References

1. Plyusnin, Yu.M., Zausaeva, Ya.D., Zhidkevich, N.N. & Pozanenko, A.A. (2013) *Otkhodniki* [Seasonal workers]. Moscow: Novyy khronograf.
2. Plusnin, J., Zausaeva, Y., Zhidkevich, N. & Pozanenko, A. (2015) *Wandering Workers. Mores, Behavior, Way of Life, and Political Status of Domestic Russian Labor Migrants*. Stuttgart: Ibidem Press.
3. Becker, G.S. (1964) *Human Capital*. New York: Columbia University Press.
4. Schultz, T.W. (1961) Investment in Human Capital. *American Economic Review*. 51(1). pp. 1–17.
5. Kapelyushnikov, R.I. (2012) *Skol'ko stoit chelovecheskiy kapital Rossii?* [How much does human capital cost?]. Preprint WP3/2012/06. Moscow: HSE.
6. Weber, M. (1992) Klass, status i partiya [Class, Status and Party]. In: Belanovskiy, S.A. (ed.) *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social stratification]. Moscow: Institute of Economic Forecasting. pp. 19–38.
7. Zhidkevich, N.N. (2014) Regional differences of internal labor migration. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki – University Proceedings. Volga region. Social Sciences*. 1(29). pp. 109–118. (In Russian).

УДК 316.347

DOI: 10.17223/1998863X/33/7

Д.В. Зернов

АРМИЯ В СТРУКТУРЕ ЖИЗНЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Представлены результаты двух социологических исследований, проведенных среди учащейся молодежи Нижегородской области (2012, 2014 гг.). Рассматривается отношение школьников выпускных классов к службе в рядах Вооруженных сил российской армии. Определяются факторы, влияющие на отношение молодежи призывного возраста к прохождению службы в армии. Анализируется структура жизненных ценностей, выделяются группы молодежи, характеризующиеся разными ценностными ориентациями.

Ключевые слова: армия, молодежь, патриотизм, социальные установки, ценностные ориентации.

В последние годы наблюдается улучшение мнения россиян о положении дел в российской армии. Так, за год доля россиян, хорошо оценивающих состояние дел в армии, выросла в полтора раза и достигла 24%. Также больше стало тех, кто нынешнее положение дел в армии называет средним: сегодня таковых более половины (54% против 46% в феврале 2013 г.). Лишь 16% россиян негативно оценивают состояние Вооруженных сил нашей страны [1].

За последние 5 лет россияне намного позитивнее стали относиться к службе в армии. Так, сегодня каждый второй россиянин (53%) хотел бы, чтобы его ближайшие родственники служили, – это число возросло в полтора раза, по сравнению с результатами опроса 2010 г. (36%). Подавляющее большинство россиян считает, что мужчины должны отслужить в армии (80%), а 42% уверены, что пройти службу в вооруженных силах – дело чести для любого настоящего мужчины. Однако такое мнение выражают, прежде всего, люди старшего поколения (54% среди людей старше 60 лет), а среди молодежи данная точка зрения, напротив, распространена меньше (32% среди 18–34-летних) [2].

На фоне роста позитивных оценок состояния дел в российской армии со стороны молодежи наблюдается довольно прохладное отношение к службе армии. Рассмотрим данную ситуацию на примере Нижегородской области, типичной для России по уровню социально-психологического самочувствия населения и оценкам основных социальных проблем.

Служба в рядах российских вооруженных сил входит в жизненные планы примерно трети учащихся средних образовательных учреждений (табл. 1). При этом из них лишь половина демонстрирует однозначное желание служить. А если сравнить намерения учащихся десятых и одиннадцатых классов, то видно, что к завершению обучения в школе процент юношей, собирающихся идти в армию, только падает (с 18% в десятом классе до 13% в одиннадцатом). Тех, кто не хочет идти в армию, в полтора раза больше, чем собирающихся, пусть и не однозначно закрепившихся в своём намерении,

служить. По сравнению с десятиклассниками среди учащихся выпускного класса выше процент тех, кто однозначно говорит, что не собирается служить в армии: если в десятом классе таких было менее пятой части, то теперь уже четверть от всех юношей из одиннадцатых классов. С возрастом обозначенная тенденция только усиливается. Так, например, планирующих служить в армии студентов в полтора раза меньше, чем старшекласников (20% и 30% соответственно). Почти вдвое меньше среди студентов однозначно решивших идти в армию. Среди студентов высших учебных заведений почти 70% не включают армию в свои жизненные планы. Почти пятая часть студентов отметили, что имеют освобождение от службы и точно не пойдут в армию. Среди школьников таковых менее десятой части. Более подробный сравнительный анализ оценок школьников и студентов представлен в статье «Социологический портрет призванного» [3].

Т а б л и ц а 1

Отношение юношей к службе в армии, %

Отношение		Все школьники	Мегаполис	Область
Наличие намерений проходить срочную службу в Российской армии	Планируют	15	6	24
	Скорее планируют	15	16	13
	Пока не знают	23	19	26
	Скорее не планируют	16	21	12
	Не планируют	21	27	16
	Точно не пойдут, т.к. есть освобождение	9	12	7
	Нет ответа	1	0	2
Готовность к службе в армии	Полностью готовы	17	9	24
	Скорее готовы, чем нет	19	20	19
	И да, и нет	26	24	28
	Скорее не готовы, чем готовы	19	24	14
	Совсем не готовы	17	21	14
	Нет ответа	1	2	0
Подготовка к срочной службе в армии	Готовятся	24	12	34
	Не готовятся	75	86	65
	Нет ответа	1	2	1

Считают себя полностью готовыми к службе в армии 17% школьников и ещё 19% – скорее готовыми, чем не готовыми. И столько же придерживаются противоположной точки зрения. Важно отметить, что к одиннадцатому классу снижается не только намерение служить, но и оценка юношами собственной готовности к службе. Если среди десятиклассников считали себя не готовыми или скорее не готовыми к армии 30%, то среди учащихся одиннадцатых классов таковых уже 43%. Оценки молодых людей уровня готовности к службе находятся в тесной связи с их намерениями идти или не идти в армию. Более половины из тех, кто планирует идти в армию, считает себя полностью готовыми к службе, и лишь единицы считают себя не готовыми, тогда как более половины молодых людей, не планирующих служить или имеющих освобождение, находят себя не готовыми к службе в армии.

Готовится к службе в армии примерно четвертая часть молодых людей. Так же как и оценка уровня готовности к службе, подготовка к армии зависит от места, которое служба занимает в жизненных планах молодых людей.

Большинство тех, кто планирует служить, в настоящее время готовится к этой службе. Среди тех, кто скорее планирует, готовится к армии примерно половина. Чаще готовятся к службе и те молодые люди, кто пока ещё не включил службу в армии в свои жизненные планы и кто скорее не собирается идти в армию. Из тех, кто однозначно не собирается служить или имеет освобождение, готовятся к службе единицы. Также отметим, что высокая оценка уровня собственной готовности к армии практически не влияет на дальнейшую подготовку к службе. Напротив, почти 90% тех школьников, кто собирается идти в армию и считает себя полностью к ней готовым, продолжают готовиться к службе в рядах вооруженных сил.

Важно отметить, что наблюдаются существенная разница в отношении к службе в армии у школьников Нижнего Новгорода (далее: мегаполис) и малых городов области. Около 40% школьников мегаполиса заявляют, что однозначно не пойдут служить или что имеют освобождение от армии, и ещё пятая часть скорее не планирует идти в армию. Среди школьников малых городов таковых всего 35%, т.е. почти вдвое меньше. Почти четверть школьников из области однозначно планирует служить и ещё 13% также включает армию в свои жизненные планы, а среди школьников мегаполиса всего 6% собираются идти в армию и 16% скорее планируют туда пойти.

Таким образом, к окончанию школы лишь немногим более десятой части призывников намеревается идти служить в ряды вооруженных сил, при этом среди них далеко не все считают себя полностью готовым к службе. На низкие самооценки призывников уровня готовности к службе накладываются и объективные показатели ухудшения здоровья будущих призывников. Так, подводя итоги весеннего призыва 2012 г., начальник Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба Вооруженных сил РФ Василий Смирнов отмечал ухудшение здоровья призывников: только 67,4% граждан, явившихся на призывные комиссии, признаны годными к военной службе без ограничений или с незначительными ограничениями (в 2011 г. – 67,7%). [4] При чем речь идёт о призывниках, явившихся на военно-врачебную комиссию, а не о молодежи призывного возраста в целом. Специалисты, оценивавшие динамику состояния здоровья подростков при постановке на первоначальный воинский учёт и призывников, также отмечают негативный характер этой динамики [5–7]. Ситуация с призывами 2014 г., казалось бы, улучшилась. В сравнении с весенней призывной кампанией 2013 г. показатель годности призывников немного увеличился (2,0%) и составил 73,0% [8]. Однако стоит заметить, что 1 января 2014 г. вступило в силу Положение о военно-врачебной экспертизе, утвержденное постановлением Правительства от 4 июля 2013 г. № 565, позволяющее призывать на службу часть молодежи, которая раньше получала бы отсрочку по состоянию здоровья.

На отношение к службе в рядах вооруженных сил самое непосредственное влияние оказывает закрепившийся в сознании юношей призывного возраста образ российской армии. Отношение к армии в целом, и особенно к службе в вооруженных силах, у школьников скорее негативное. Наибольшее число отрицательных оценок получают неуставные отношения и дедовщина. Более трети юношей однозначно считает, что в армии дедовщина рас-

пространена, а еще 24%, хотя и не очень уверенно, но также присоединяются к этой точки зрения (табл. 2). Свыше половины школьников-юношей отмечают, что сегодня российская армия имеет низкую популярность в народе, а пятая часть однозначно с этим согласна. Почти половина юношей говорит о высоком уровне коррупции, причем однозначно согласных с этим даже больше, чем однозначно отмечающих низкую популярность армии. Свыше 40% школьников говорят о кризисе призывной системы, более трети отмечают плохие бытовые условия, низкий социальный статус военнослужащих, и даже межэтническую напряженность. Несмотря на явное доминирование отрицательных характеристик службы в армии, школьники подчёркивают особое место армии и её высокий авторитет на мировой арене. Кроме того, более половины школьников говорят о том, что история показывает, что Русская армия лучшая в мире.

Т а б л и ц а 2

Характеристика школьниками Российской армии, %

Характеристики	1*	2	3	4	5	Характеристики
Дедовщина	35	24	23	13	4	Отсутствие неуставных отношений
Низкая популярность в народе	20	32	26	15	6	Высокая популярность в народе
Высокий уровень коррупции	23	22	34	13	7	Отсутствие коррупции
Кризис призывной системы	16	26	33	19	4	Эффективность призывной системы
Плохие бытовые условия	13	23	31	26	6	Хорошие бытовые условия
Низкий социальный статус военнослужащих	15	20	27	28	6	Высокий социальный статус военнослужащих
Межэтническая напряженность	15	21	29	27	8	Интернационализм (дружба и взаимопонимание между народами)
Питание низкого качества	15	21	24	25	15	Качественное полноценное питание
Непрофессиональное высшее руководство	9	17	35	30	6	Профессиональное высшее руководство
Низкий профессионализм среднего командного состава	4	19	43	31	3	Высокий профессионализм среднего командного состава
Устаревшая военная техника	11	23	16	30	19	Современная военная техника
Низкий авторитет на мировой арене	10	17	31	25	18	Высокий авторитет на мировой арене

Примечания:

1 – наиболее высокая отрицательная оценка;

4 – средняя положительная оценка;

2 – средняя отрицательная оценка;

5 – наиболее высокая положительная оценка.

3 – отсутствие качества или затруднение в оценке;

Сравнивая образ Российской армии, который рисуют школьники, собирающиеся служить, и школьники, которые идти в армию не собираются, становится видно, что основные различия между ними в оценках популярности армии в народе и социального статуса военнослужащих. По этим пунктам школьники, не желающие служить, высказываются резко отрицательно.

Как показывает анализ ответов школьников мегаполиса и школьников малых городов, различные жизненные приоритеты определяют разное отношение к армии и к условиям службы. Отношение к армии у молодежи мега-

полиса отрицательное, тогда как оценки молодежи малых городов часто имеют положительную окраску. Важно отметить, что основная разница заключается в оценках условий службы. Школьники малых городов скорее положительно оценивают питание в армии, межэтнические отношения (отметим, что дедовщину они опасаются в меньшей степени, чем сверстники мегаполиса) и бытовые условия. В мегаполисе все эти позиции чаще получают отрицательные оценки.

В структуре жизненных ценностей призывной молодёжи патриотизм и служение Отечеству имеют низкое значение (табл. 3). Среди важнейших составляющих жизненного успеха школьники, прежде всего, называют здоровье (87%), любимую работу (84%) и дружную, сплочённую семью (81%). Также для школьников важны уверенность в себе (75%), умственные способности (71%), дети (71%), хорошее образование (67%) и доброта (64%).

Т а б л и ц а 3

Важнейшие составляющие жизненного успеха, %

Здоровье	87	Развлечения	54
Любимая работа	84	Независимость	53
Дружная, сплоченная семья	81	Быть полезным другим людям	52
Уверенность в себе	75	Комфорт	52
Умственные способности	71	Иметь профессию	49
Дети	71	Удача, везение	48
Смелость, решительность	69	Оптимизм	48
Хорошее образование	67	Богатая духовная жизнь	47
Мужество	67	Личная безопасность	47
Доброта	64	Душевное равновесие	43
Профессионализм	63	Хорошие внешние данные	42
Удачный брак	62	Высокое социальное положение	41
Порядочность, честность	61	Возможность иметь все, что хочется	40
Общение с интересными людьми	60	Взаимопомощь	36
Секс	60	Предприимчивость, деловитость	34
Опыт	59	Полезные связи, протекция	33
Уважение окружающих	58	Патриотизм	33
Свое дело, удачный бизнес	57	Вера, религия	30
Коммуникабельность, умение наладить контакт с людьми	55	Организаторские способности	29
		Власть	28
Интересная жизнь, приключения	55	Служение своему Отечеству	27
Деньги, богатство	54	Защита Отечества	27
Самореализация	54	Способность использовать других людей в своих интересах	24
Физическая сила	54		

Такие качества, как смелость, решительность (69%), мужество (67%), которые могли бы ассоциироваться со службой в армии, у юношей призывного возраста входят в десятку важнейших. Однако, как показывает дальнейший анализ, с планами по поводу армии они связаны не в полной мере. В группе тех молодых людей, кто намерен идти служить в армию, значение мужества и решительности выше, чем в группе тех, кто идти в армию не собирается. Однако в той же самой группе ориентированных на службу в армии молодых людей выше значение удачного брака и детей. Корреляционный анализ показывает, что мужество в ответах потенциальных призывников имеет гендерно маркируемое значение и ассоциируется с мужским поведением в целом, физической силой и удачным браком и детьми. Такие качества, как смелость

и решительность, чаще звучат в контексте успешной карьеры и коррелируют с уверенностью в себе, предприимчивостью, коммуникабельностью, организаторскими способностями и профессионализмом. Кстати, и здоровье, о котором среди составляющих жизненного успеха молодые люди вспоминают в первую очередь, связывается ими с семейной жизнью, а потом только с физической силой и мужественностью.

Различия в оценках степени важности составляющих жизненного успеха наблюдаются у школьников мегаполиса и малых городов. Принципиально важным здесь является то, что школьники малых городов чаще, чем выросшие в мегаполисе молодые люди, среди важнейших составляющих жизненного успеха указывают на патриотизм (39%; в мегаполисе – 26%), защиту Отечества (34% и 21% соответственно) и служение своему Отечеству (33% и 20%).

Статистические методы работы с данными позволяют выделить группы молодых людей, ориентирующихся на разные жизненные ценности.

В одну из таких групп объединяются такие ценности, как служение своему Отечеству и его защита, патриотизм, а также вера и религия. Противоположной по многим оценкам этой группе оказывается ориентация на власть и богатство. Кроме уже указанных ценностей, в эту группу входят также высокое социальное положение, возможность иметь всё, что хочется, способность использовать других людей в своих интересах, полезные связи, хорошие внешние данные, удача и удачный бизнес, а также развлечения и секс. Ещё две группы также оказываются частично противоположными. Это, с одной стороны, ориентация на семью и порядочность, а с другой – на самореализацию и карьеру.

Распределение школьников по жизненным ориентирам позволяет лучше понять механизмы формирования позитивного отношения к службе в вооружённых силах.

Сравнение выделенных групп показывает, что на отношение к армии скорее не влияет наличие в ближайшем окружении подростка людей из старших возрастных групп, прошедших службу в армии, в том числе и кадровых военнослужащих. Можно предположить, что отслужившие родственники проецируют как позитивное, так и негативное отношение к армии. Подросток больше прислушивается не к старшим родственникам (отцам, дедам), а представителям своего поколения, т.е. лицам старше их не намного. Так, в группе школьников, ориентирующихся на патриотизм и служение Отечеству, больше, чем в остальных группах, тех, у кого служили друзья и родные братья.

Отношение родителей к будущей службе сына в рядах вооружённых сил, безусловно, сказывается и на его собственном отношении к армии.

Родителей подростков, ориентирующихся на патриотизм и службу Отечеству, отличает довольно внимательное отношение к будущему своего ребёнка. Они положительно настроены к армии и однозначно советуют или даже настаивают идти служить (40% семей). Особенно такое отношение наблюдается со стороны отцов (35% семей). Эта единственная из групп, в которой подростки чаще соглашались с тезисом, что «дед служил, отец служил, и я пойду служить, так как не хочу быть позором для всей семьи». Матери этих подростков также не против службы ребёнка в армии, но чаще советуют сначала окончить высшее учебное заведение. Родителей, являющихся явны-

ми противниками службы, в этой группе меньше, чем в других: однозначно негативное отношение к службе в армии со стороны одного или обоих из родителей отметили 13% школьников из этой группы. Стратегия получения отсрочки от армии родителями этих подростков редко выходит за легитимные рамки. Чаще всего родители откладывают деньги на учёбу в вузе и рассматривают вариант поступления в вуз с военной кафедрой. Здесь вдвое реже, чем в среднем по всем школьникам, родители собирают медицинские справки, освобождающие их ребёнка от службы в армии.

Школьники, ориентированные на семью, также отмечают, что их родители скорее не против службы их сына в армии. По сравнению с предыдущей группой в этой немного ниже процент родителей, которые бы советовали или настаивали на службе (26% семей). Отцы здесь скорее имеют положительное отношение к службе ребёнка в армии, но вот матери в принципе не против армии, но настаивают, чтобы ребёнок сначала окончил вуз. Семей, где один или оба родителя категорически против службы ребёнка в армии, здесь также немного (14%). Возможность отсрочки от армии родители школьников этой группы также видят в поступлении в вуз на внебюджетное место. Однако по сравнению с предыдущей группой здесь гораздо больше родителей, которые собирают медицинские справки о хронических заболеваниях сына.

Родители школьников, демонстрирующих ориентацию на богатство и власть, скорее отрицательно настроены по отношению к службе своего сына в армии. Особенно отрицательно к этому настроены матери: треть подростков этой группы однозначно заявляет, что их мать категорически против их службы в армии, еще 15% скорее согласны с этим. Одна из особенностей этой группы заключается в противоречивых взглядах родителей на службу ребёнка в армии. Примерно пятая часть представителей этой группы отмечают, что родители (прежде всего, отец) советуют им или даже настаивают на службе в армии. В поисках отсрочки ребёнка от армии родители представителей группы, ориентированной на богатство и власть, не чужаются незаконных средств. Здесь самый высокий по всем группам процент ответов, что родители собирают медицинские справки (41%), ищут контакты (знакомых), которые помогут уклониться от армии (22%), рассматривают вариант женитьбы сына и рождения ребёнка (15%) или вариант отъезда за границу (13%) и даже собирают деньги на взятку (13%).

Родители школьников, ориентирующихся на карьеру и самореализацию, демонстрируют самую высокую озабоченность будущим своего сына и самую высокую степень отрицательного отношения к службе в армии. Это единственная из четырёх групп, в которой чаще отмечается скорее негативный настрой по отношению к армии со стороны отцов. Здесь практически не встречаются родители, которые однозначно настаивают или советуют сыну идти в армию. Если подростки из этой группы и получали совет идти в армию со стороны отца, то говорят они об это очень неуверенно (не однозначно советовали, а скорее советовали, чем не советовали идти служить). Поиск родителями возможности отсрочки ребёнка от службы в армии остаётся в рамках откладывания денег на учёбу в вузе и сбора медицинских справок о наличии у сына хронических заболеваний.

Также наблюдается определенная зависимость отношения к службе от степени самостоятельности подростка. Так, в группах с более позитивным настроем к армии (патриотизм, а также семейные ценности) не только наличествует большая степень одобрения службы сына в армии со стороны родителей, но и большая степень отстраненности родителей от принятия подростком решения по поводу службы. Напротив, в группе с наибольшим нежеланием служить (самореализация и карьера) родители демонстрируют не только самое негативное отношение к армии, но и наибольшую степень участия в жизни ребёнка, заключающегося в поисках возможности получить отсрочку или уклониться от службы.

Не меньше, чем отношение родителей к службе в армии, на формирование позитивного отношения подростка к Вооруженным силам РФ оказывает наличие в школе развитой системы военно-патриотического воспитания. Юноши, ориентирующиеся на служение и защиту Отечества, чаще своих сверстников из других групп отмечают, что в школе проводились и проводятся занятия по военной подготовке. Их отношение к этим занятиям также гораздо позитивнее, чем у их сверстников. Группа юношей, ориентированных на удовлетворение меркантильных интересов, напротив, реже всех говорит, что посещали какие-либо школьные занятия по военной подготовке.

Соответственно, и собственный настрой по отношению к срочной службе, и интерес к информации о Российской армии и службе в ней у молодых людей из этих четырех групп разный.

Юноши из группы с патриотическими жизненными установками в подавляющем большинстве интересуются информацией о Российской армии и службе в ней; треть юношей демонстрирует самый высокий уровень интереса. Тех, кому такая информация не интересна или скорее не интересна, в этой группе совсем немного. Среди подростков, ориентированных на семейные ценности, также около половины тех, кому подобная информация интересна. Уровень интереса к информации об армии в группе ориентированных на карьеру не очень высокий: большинству информация скорее не интересна, чем интересна. Но немало здесь и тех, кто демонстрирует полное отсутствие соответствующих информационных запросов. А вот в группе юношей с меркантильными интересами и ценностями, напротив, около трети отказываются получать информацию о службе в рядах вооруженных сил.

Группа школьников с патриотическими ориентациями является единственной из четырех, где показатель уровня намерения служить в армии находится в положительной плоскости. Почти треть юношей этой группы планирует идти на срочную службу. Противоположную позицию занимают школьники с ориентацией на самореализацию и карьеру. В этой группе нет ни одного, кто точно собирался бы служить, а около половины говорит, что служба в армии однозначно не входит в их жизненные планы или что они уже имеют освобождение от армии и точно туда не пойдут. Напомним, что у школьников этой группы родители демонстрируют самый высокий негативный настрой по отношению к службе их сына в армии. Примерно пятая часть школьников с доминированием семейных ценностей также собирается служить, однако гораздо больше среди них тех, кто идти в армию не собирается. В группе с меркантильными интересами однозначно планирующих идти

в армию совсем немного, зато не менее четверти всё-таки допускают, что могут пойти в армию (отмечают, что скорее планируют, чем не планируют). Однако тех, кто точно не собирается в армию, в этой группе более половины.

Таким образом, служба в армии не входит в жизненные планы подавляющего большинства учащихся старших классов. Сравнение возрастных групп молодежи свидетельствует о том, что с возрастом увеличивается число тех, кто однозначно не хочет идти в армию, а также тех, кто считает себя неготовым в службе. Вместе с тем наблюдается существенная разница в отношении к службе в армии у школьников мегаполиса и малых городов. Среди школьников мегаполиса вдвое больше тех, кто не собирается служить или уже имеет освобождение от службы.

Статистические методы обработки данных позволяют выделить группы молодых людей, ориентирующихся на разные жизненные ценности. В одну из таких групп попали такие ценности, как служение своему Отечеству и его защита, патриотизм, а также вера и религия. Противоположной по многим оценкам оказывается группа с ориентацией на власть и богатство. Третья группа характеризуется ориентацией на семью, четвертая – на самореализацию и карьеру.

На отношение школьника к службе сильнейшее влияние оказывает отношение к армии его родителей. Родителей подростков, ориентирующихся на патриотизм и службу Отечеству, отличает довольно внимательное отношение к будущему своего ребёнка. Они положительно настроены к армии и однозначно советуют или даже настаивают на службе в армии.

Литература

1. *Военная угроза* и состояние Российской армии // Пресс-выпуск ВЦИОМ №2529. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114729>.
2. *Служба в армии: тяжкая необходимость или священный долг?* // Пресс-выпуск ВЦИОМ №2519. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114718>.
3. *Иудин А.А., Саралиева З.Х.М., Ушакова Я.В.* Социологический портрет призывника // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 54–63.
4. *Особенности комплектования войск в ходе осеннего призыва 2012 г.* Пресс-конференция начальника ГОМУ ГШ ВС РФ генерал-полковника В. Смирнова // Официальный сайт Министерства обороны Российской Федерации. 28.09.2012 URL: http://stat.function.mil.ru/for_media/press_conferences/detail.htm?id=11383479@morfPressConferenceNew.
5. *Камаев И.А., Поздеева Т.М. и др.* Здоровье и образ жизни школьников, студентов и призывной молодежи: состояние, проблемы, пути решения. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородской государственной медицинской академии, 2005. 312 с.
6. *Сахарова И.Н., Ефремова Л.В.* Здоровье призывников из разных регионов России // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2007. №9. С. 39–44.
7. *Чичерин Л.П., Согияйнен А.А.* Состояние здоровья подростков как индикатор эффективности системы медицинского обеспечения призыва на военную службу // Российский педиатрический журнал. 2013. №4. С. 58–60.
8. *Минобороны РФ отмечает увеличение числа годных к службе призывников весной этого года* // ТАСС. Информационное агентство России. 17 июля 2014 г. – URL: http://tass.ru/politika/1324391?utm_medium=rss20.

Zernov Dmitriy V. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Nizhni Novgorod, Russian Federation).

E-mail: zervd@mail.ru.

DOI 10.17223/1998863X/33/7

ARMY AS A PART OF LIFE VALUES OF SENIOR PUPILS

Keywords: army, young people, patriotism, social attitudes, valued orientations

Nowadays positive estimates of the state of affairs can be observed in the Russian army. However, military service doesn't catch up with a schedule of an overwhelming majority of young people. Comparison of different age groups of youth proves that the quantity of those who are definitely not willing to enter the army is increasing with aging, as well as those who consider themselves not to be ready for entering the army. By the end of high school just a bit more than a tenth of army draftees tend to join the armed forces; to add more, among them not all consider themselves to be completely ready for doing military service.

There is a significant difference in relation to the state of mind of pupils living in megalopolis and towns towards military service. The quantity of pupils living in megalopolis, who don't tend to enter the army and, moreover, have an excuse from military service, is twice as big as those who do.

Pupils' attitude towards serving in the army, in the whole, and, particularly, towards serving in the armed forces is more likely to be negative. It is estimated that prevalence rate of military hazing and bullying amounts for the largest number of negative responses. But at the same time, most pupils point out a special place the army takes on the world stage, as well as its high prestige.

Within life values of draft-age youth patriotism and serving Motherland are low valued. Health, favorite work and friendly family are, above all, the most important components of vital success. Resoluteness and manhood comprise the top ten of prime characteristics, too, though it is more common for them to be used in the context of successful career.

Statistical methods of data grouping make it possible to separate groups of young people guided by different life values. One of those groups includes such values as serving one's own Motherland and its defense, patriotism, as well as faith and religion. According to a number of estimates, focus on power and wealth is the opposite to this group. The third group is focused on the family and the fourth one – on realization of personal potential in profession and career.

Pupil's attitude towards military service is strongly influenced by their parents' attitude. Teenagers' parents, guided by patriotism and serving their Motherland, are distinguished by comparatively strong advertency towards the future of their child. Their attitude towards the army is positive, thus, they definitely advise or even insist on entering the army.

References

1. Russian Public Opinion Research Center. (n.d.) Voennaya ugroza i sostoyanie rossiyskoy armii [The military threat and the status of the Russian army]. *Press-vypusk VTsIOM*. 2529. [Online] Available from: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114729>.
2. Russian Public Opinion Research Center. (n.d.) Sluzhba v armii: tyazhkaya neobkhodimost' ili svyashchennyy dolg? [Military service: Terrible necessity or a sacred duty]. *Press-vypusk VTsIOM*. 2519. [Online] Available from: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114718>.
3. Iudin, A.A, Saralieva, Z.Kh.M. & Ushakova, Ya.V. (2013) Sotsiologicheskiy portret prizyvnika [The sociological portrait of a conscript]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11. pp. 54–63.
4. The Ministry of Defense of the Russian Federation. (2012) *Osobennosti komplektovaniya voysk v khode osennego prizyva 2012 g. Press-konferentsiya nachal'nika GOMU GSh VS RF general-polkovnika V. Smirnova* [Features of manning the Military Forces during the fall draft of 2012. Press Conference of the Mobilization Chief of the General Staff of the Russian Federation, Colonel-General V. Smirnov]. [Online] Available from: http://stat.function.mil.ru/for_media/press_conferences/detail.htm?id=11383479@morfPressConferenceNew.

УДК 04.51.25

DOI: 10.17223/1998863X/33/8

В.И. Малый, В.В. Гусев

**РОССИЙСКИЕ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ КОМПАНИИ
ПОД ДЕЙСТВИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ:
СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ПАО «ГАЗПРОМ»)**

Анализируется деятельность российской системообразующей компании ПАО «Газпром» в условиях экономических санкций и падения спроса на продукцию. Исследуются производственные, финансовые, инвестиционные и социальные показатели в течение последних лет, социальное самочувствие работников компании, даются рекомендации по совершенствованию деятельности и социального климата компании в неблагоприятных макроэкономических условиях

Ключевые слова: государственная корпорация, энергетическая сверхдержава, запасы газа, дебиторская задолженность, кредитование, инвестиционные программы, газопровод «Сила Сибири».

Как известно, 2014 г. ознаменовался рядом негативных событий, затронувших как в целом Российскую Федерацию, так и отдельных должностных лиц, а также крупные и средние государственные и частные компании. Появлению и развитию этих факторов способствовали в большой мере события, связанные с украинским политическим кризисом 2014 г., вхождением Республики Крым и Севастополя в состав Российской Федерации, а также (отчасти) события на Ближнем Востоке (кризис в Сирии). Следствием данных событий явилось глобальное геополитическое противостояние Российской Федерации и Западного мира, развитых в промышленном и военном отношении стран и межгосударственных объединений. В результате во второй половине 2014 г. против Российской Федерации, отдельных должностных лиц (преимущественно крупных чиновников и бизнесменов) и секторов были введены экономические санкции, осложнившие и без того непростую ситуацию в российской экономике, заблокировавшие выход России на мировые финансовые рынки, к источникам «длинных денег», долговременного кредитования [1]. Секторальные санкции, безусловно, задели и работников российских системообразующих компаний, привели к снижению их материального благосостояния и ухудшению социального самочувствия.

В результате в 2014 г. российская экономика, по сути, оказалась в новой реальности. Монетарные власти РФ были вынуждены пойти на резкое (более чем в два раза) ослабление национальной валюты по отношению к доллару США и евро. Государственный бюджет ощутил нехватку собираемых налогов, ряд бюджетных статей подверглись секвестированию, крупные корпорации, в том числе и с государственным участием, были вынуждены свернуть ряд инвестиционных программ, в том числе носящих стратегический характер, так как они опирались, прежде всего, на заёмные средства западных банков и других инвестиционных институтов. Российская власть пыталась найти

пути нейтрализации этих явлений, в результате чего произошел так называемый поворот на Восток, подписание ряда соглашений с Китайской Народной Республикой, усиление горизонтальных народнохозяйственных связей в рамках новых, развивающихся, во многом альтернативных современной западной парадигме межгосударственных образований – Евразийского и Таможенного союзов, БРИКС, ШОС и ОДКБ [2].

Кроме того, впервые с начала «тучных» 2000-х гг. остро встал вопрос импортозамещения. Так как России была объявлена холодная «торговая» война, и многие новейшие технологии, особенно в сфере ТЭК, добычи нефти, газа и других полезных ископаемых, перестали поставляться в страну, возникла необходимость их закупки в «дружественных», не присоединившихся к санкциям странах или же развития отечественной технологической базы, собственного производства недостающих изделий и оборудования [3]. Россия была вынуждена ввести так называемые «контрсанкции», запретив ввоз на свою территорию сельскохозяйственных продуктов из стран, присоединившихся к санкциям мирового сообщества [4].

Все вышеперечисленные негативные явления, «мировая турбулентность» не способствовали нормальной деятельности российского народного хозяйства и крупных, системообразующих компаний, в том числе с государственным участием. Реакция западных партнеров не заставила себя ждать, в одном из выступлений президент США Барак Обама заявил, что благодаря санкциям «экономика России разорвана в клочья» [5]. Однако, даже с признаками привнесенного извне кризиса, ряд проектов и государственных программ развивается. Несмотря на возникшие трудности, Россия выполняет взятые на себя международные и социальные обязательства. Предметом данной статьи является рассмотрение современного состояния крупнейшей российской компании – ПАО «Газпром», определение возможных трендов развития компании в будущем и последствий санкционного давления как для компании и её работников, так и для российской экономики и социума в целом.

Публичное акционерное общество «Газпром» – крупная российская компания (далее – ПАО «Газпром»), занимающаяся геологоразведкой, добычей, транспортировкой, хранением, переработкой и реализацией газа, продуктов газовой переработки и нефти, а также генерацией и сбытом тепло- и электроэнергии, банковским, страховым и медиа бизнесом. По данным РА «Эксперт», ПАО является крупнейшим по капитализации и выручке в России [6], оно опережает в рейтинге нефтяные компании «ЛУКОЙЛ» и «Роснефть», в также владеет самой протяжённой системой газопроводов в мире (более 160,0 тыс. км). Согласно списку Forbes Global 2000, в 2013 г. «Газпром» по выручке занимал 17-е место среди мировых компаний, а в 2014 г., под действием санкций, переместился уже на 27-е место рейтинга [7]. Согласно рейтингу того же журнала Forbes, по итогам 2011 г. «Газпром» был самой прибыльной компанией мира, и именно благодаря деятельности «Газпрома» Российскую Федерацию стали называть «энергетической сверхдержавой».

Безусловно, санкции не могли не затронуть инвестиционные и финансовые показатели деятельности «Газпрома». В 2015 г. Международное рейтинговое агентство Standard & Poor's подтвердило долгосрочный и краткосроч-

ный кредитные рейтинги в иностранной валюте на уровне «ВВ+/В», прогноз по данным рейтингам негативный. Стабилизацию финансовых показателей может поддерживать механизм ценообразования в некоторых контрактах и областях деятельности компании, частично смягчающий последствия снижения цен на нефть. Это должно позволить избежать ПАО «Газпром» существенного ослабления показателей кредитоспособности, которое ранее прогнозировало агентство [8]. Также рейтинговое агентство понизило соответствующие кредитные рейтинги России как государства на уровень «ВВ+» по иностранной и на уровень «ВВВ-» по национальной валюте с негативным прогнозом [8].

Рассмотрим, как осуществлялась производственная и инвестиционная деятельность ПАО «Газпром» за последние годы (все приведенные данные по деятельности компании носят публичный характер и находятся в открытом доступе). В 2014 г. и особенно в 2013-м, по сравнению с 2012 г., ПАО «Газпром» столкнулось с трудностями при реализации собственной продукции, природного газа и продуктов нефтегазопереработки. Основными причинами этого явления были:

1) отказ некоторых потребителей, в том числе на уровне государств, работать по предоплате;

2) недобросовестная конкуренция со стороны партнёров (например, регрессивные поставки излишков газа в соседнюю Украину европейскими газовыми компаниями – потребителями продукции ПАО «Газпром»);

3) политический кризис в Украине, который привел к открытому конфликту между российскими и украинскими властями, а также к так называемой «газовой войне», взаимным претензиям и обращениям в суд, к проведению деловых переговоров с привлечением европейских посредников, к периодической приостановке поставок газа на Украину.

Таблица 1

Дебиторская задолженность покупателей и заказчиков перед ОАО «Газпром», тыс. руб. [9]

Задолженность покупателей и заказчиков	2012	2013	2014	2014 в % к 2012
Задолженность за газ, проданный:	407656947	513431778	457029808	112,1
на территории Российской Федерации	185432389	182201567	192083656	103,6
за пределами Российской Федерации, в том числе:	222224558	331230211	264946152	119,2
в страны дальнего зарубежья	183156730	212798084	216256208	117,9
Задолженность за проданный газовый конденсат и продукты нефтегазопереработки	36198644	38445913	36736263	101,5
Прочая задолженность покупателей и заказчиков	9171698	7621484	5570924	60,7
Итого	525612347	633599463	571194427	108,7

Из данных табл. 1 можно сделать вывод, что дебиторская задолженность компаний-партнеров за поставленный газ перед ОАО «Газпром» постепенно растет, особенно в странах СНГ и дальнего зарубежья, в то время как внутри-

российские потребители, особенно население, являются достаточно добросовестными плательщиками. Данные негативные факторы не могут не сказываться на платежеспособности и ликвидности компании, на возможности расширения деятельности и осуществления ПАО «Газпром» инвестиционных проектов.

Данные табл. 2 показывают, как изменилась совместная деятельность ПАО «Газпром» и иностранных партнеров под действием экономических санкций.

Таблица 2

Финансовые вложения (долгосрочные) ОАО «Газпром», млн руб. [9]

Показатели	2012	2013	2014	2014 в % к 2012
Совместная деятельность, в том числе:	113998	114430	25249	22,1
по разработке газовых шельфов в Социалистической Республике Вьетнам	19358	19848	20597	106,4
по созданию системы спутниковой связи (оператор – ОАО «Газпром космические системы»)	3252	3252	3252	100,0
по разработке нефтегазовых месторождений на шельфе Баренцева и Печорского морей (оператор – ООО «Газпром шельф нефть»)	89886	89930	-	-
Долгосрочные депозиты	472,8	475,7	67,4	14,3
Прочие, в том числе:	371	371	42243	в 114,раз
вложения в добавочный капитал «Саус Стрим Транспорт» Б.В.	–	–	41872	–
проект «Южный Ларс» (разработка месторождения на территории Ирана)	370	370	370	100,0
Итого	114842	115276	67561	58,8

Из данных табл. 2 видно, что неблагоприятная экономическая и политическая обстановка вокруг компании вынуждает ПАО «Газпром» почти в два раза свернуть свою инвестиционную активность. В настоящее время практически прекращена деятельность по разработке нефтегазовых месторождений на шельфе Баренцева и Печорского морей, приостановлен проект «Южный поток», зависящий от Болгарии и Турции. Стабильно развивается инвестиционный проект по разработке месторождения на территории Ирана. В целом в ситуации, когда рынок стран Запада, прежде всего США и ЕС, для ПАО «Газпром» закрыт (или неблагоприятен), необходима переориентация компании на страны Востока, чем в настоящее время «Газпром» успешно занимается, например, достигнуты согла-

шения о строительстве газопровода «Сила Сибири» и долгосрочных поставках российского природного газа в Китай.

Таблица 3

Основные производственные показатели деятельности ПАО «Газпром» [9]

Показатели	2012	2013	2014	2014 в % к 2012
Добыча газа ОАО «Газпром», млрд м ³	487,0	487,4	443,9	91,1
Добыча конденсата ОАО «Газпром», млн т	12,8	14,7	14,5	113,3
Переработка природного и попутного газа, млрд м ³	32,4	31,5	30,5	94,1
Продажи газа в России, млрд м ³	249,7	228,1	217,2	87,0
Продажи газа в дальнее зарубежье, млрд м ³	151,0	174,3	159,4	105,6
Продажи газа в страны БСС, млрд м ³	56,1	59,4	48,1	85,7
Производство электрической энергии, млрд кВт ч	168,2	162,5	155,4	92,3
Производство тепловой энергии, млн Гкал	102,5	112,5	125,2	122,1

Данные табл. 3 характеризуют основные производственные показатели ПАО «Газпром» за последние годы. Вызывает определенное опасение падение объемов добываемого компанией газа – почти на 9%. Также падают объемы реализуемого газа внутри России и странам бывшего Советского Союза (БСС). Положительным является увеличение продаж газа в дальнее зарубежье и производства тепловой энергии электростанциями ОАО «Газпром», так как КПД таких электростанций выше, они являются экологически чистыми, а стоимость производства одного кВт*ч электроэнергии в них дешевле, чем на тепловых станциях. В целом данные свидетельствуют о том, что перед ПАО «Газпром» в ближайшее время стоит важнейшая стратегическая задача – наращивание добычи и реализации природного газа.

Таблица 4

Финансовые показатели и прибыль ПАО «Газпром» [10]

Показатели	2012	2013	2014	2014 в % к 2012
Выручка от продаж, млн руб.	5002902	5247300	5660975	113,2
Прибыль от продаж, млн руб.	1356604	1429574	1343742	99,0
Чистая прибыль (убыток), млн руб.	556387	628144	188980	34,0
Объем капитальных вложений, млн руб.	1200151	1131071	1084862	90,3
Чистые активы, млн руб.	7882797	8369165	9089213	115,6
Прибыль на 1 акцию, руб.	23,5	26,53	7,98	34,0
Дивиденды на 1 акцию по итогам года, руб.	5,99	7,20	7,20	120,2

Исследуя важнейшие финансовые показатели деятельности ПАО «Газпром» (данные табл. 4), необходимо отметить при росте выручки снижение темпов получения прибыли от продаж, а также чистой прибыли по итогам

2014 г., которая уменьшилась по сравнению с предыдущим 2013 г. более чем в три раза. На 10% сократился объем капитальных вложений в компании, что свидетельствует об определенных трудностях при реализации инвестиционных программ. В то же время при сокращении прибыли на 1 акцию ПАО объем выплачиваемых дивидендов не только не сократился, но даже вырос на 20,2% по сравнению с 2012 г., что не может нами оцениваться положительно.

Таблица 5

Краткосрочные обязательства (займы) ПАО «Газпром» [9]

Кредиторы	Валюта кредита	Срок погашения	2012	2013	2014	2014 в % к 2012
«Юникредит Банк Австрия» АГ	Евро	2015	–	–	26695588	*
«БНП ПАРИБА» СА	Евро	2013–2022	16450652	16549560	22352240	135,8
«Бэнка оф Токио Мицубиси ЮЭфДжей» ЛТД	Долл. США	2013–2016	22887493	18528452	21232244	92,7
«Ситибанк» НА	Долл. США	2013–2021	8562705	9020276	13435720	156,9
«Дойче Банк» АГ	Долл. США	2013–2014	4353111	2345529	–	*
«Королевский банк Шотландии» АГ	Долл. США	2013	54827526	–	–	*
Кредиты прочих банков	Долл. США	Различные	1179801	1178494	1879440	159,4
Итого			108291288	47622311	85595232	79,0
В т.ч. со сроком погашения до 1 года			65767153	11832372	42481627	64,6

Анализируя краткосрочные кредитные обязательства ПАО «Газпром» (данные табл. 5), необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что долгосрочными рублевыми кредитами, кредитными займами внутри страны до недавнего времени компания практически не пользовалась, даже имея в своей структуре уполномоченный «Газпромбанк». Это связано, на наш взгляд, с дороговизной кредитных ресурсов внутри нашего государства, например, по валютным кредитам ПАО «Газпром» платит всего лишь средне-взвешенную ставку 2,83% годовых, в то время как рублевые кредиты обходятся гораздо дороже. В то же время рынок внешних заимствований в настоящее время во многом закрыт после введенных против РФ экономических санкций. Значит, ПАО «Газпром» должен в настоящее время на реализацию своих планов направить часть доходов от продажи газа, использовать так называемые внутренние резервы, а не прибегать к заимствованиям. Безусловно, от части трат, не связанных с производством (социальные объекты, спортивные клубы, представительские затраты), в подобных обстоятельствах придется отказаться.

В последние годы в связи со второй волной мирового общеэкономического кризиса, возрастанием различных хозяйственных и коммерческих рисков, ухудшением рыночной конъюнктуры и введением экономических санк-

ций против Российской Федерации для многих отечественных системообразующих предприятий выросла вероятность попадания в число банкротов. Этому способствуют недостаток оборотных средств у предприятий, необязательность в расчётах поставщиков и потребителей, перебои со сбытом продукции, жёсткая конкуренция за потребителя на товарных рынках. В связи с этим в компании проводится постоянный мониторинг основных финансовых показателей, параметров рентабельности, ликвидности и финансовой устойчивости.

Таблица 6

Финансовые коэффициенты и важнейшие рыночные индикаторы ПАО «Газпром»[11]

Показатели	2012	2013	2014	2014 в % к 2012
Рентабельность собств. капитала, %	7,06	7,51	2,08	29,5
Рентабельность активов, %	5,54	5,79	1,54	27,8
Коэффициенты текущей ликвидности КТЛ	1,70	2,00	1,94	114,1
Коэффициент быстрой ликвидности	1,36	1,63	1,55	114,0
Соотношение собственного и заемного капитала	16,51	19,12	23,38	141,6
Коэффициент цена/прибыль на акцию	6,12	5,23	16,33	в 2,7 раза
Средняя рыночная капитализация, млрд долл.	124,2	100,1	86,7	69,8

Анализируя важнейшие рыночные индикаторы и финансовые коэффициенты деятельности ПАО «Газпром» (табл. 6), необходимо отметить достаточно устойчивое финансовое положение компании (показатели ликвидности и финансовой устойчивости в норме). В то же время снижение показателей рентабельности собственного капитала и активов, а также падение общей капитализации компании на мировом рынке (на 30%) являются более чем тревожным фактором, заставляют ПАО «Газпром» внимательно относиться к рыночным показателям, вести более взвешенную и рациональную финансовую политику.

В целом, подводя итог, отметим, что, как у каждой крупной системообразующей компании, у ПАО «Газпром» наблюдается разнонаправленный рост основных экономических и финансовых показателей. Можно не согласиться со свертыванием инвестиционных программ компанией или с выплатой повышенных на 20 % дивидендов в кризисный период. Кроме того, в настоящее время на ПАО «Газпром» оказывается беспрецедентное санкционное давление, и компания вынуждена отстаивать свои интересы контрмерами (например, отказом работать с Украиной без предоплаты) или обращением в международные организации (Стокгольмский Арбитражный суд). Однако в целом экономическая и финансовая политика ПАО «Газпром» является весьма взвешенной и рациональной.

Засуживает внимания социальная деятельность Компании в условиях экономических санкций. Практика последних лет хозяйствования показывает, что работать в «Газпроме» не только престижно, но ещё и очень выгодно, зарплата в компании намного выше, чем показатели в среднем по России или

в отдельных регионах (табл. 7). Общеизвестный слоган «Газпром – мечты сбываются!» приобретает в последние годы ироничный характер, является слоганом-раздражителем в худшем смысле этого слова: на фоне общего спада во многих отраслях экономики и сокращения социальных расходов бюджета работники и акционеры «Газпрома» выглядят весьма респектабельно.

Таблица 7

Социальные показатели деятельности ПАО «Газпром» [11, 12, 13, 14]

Показатели	2012	2013	2014	2014 в % к 2012
Списочная численность работников ПАО, тыс. чел.	431,2	459,5	459,6	106,5
В том числе по категориям, %:				
руководители	13,0	13,4	13,7	105,3
специалисты	25,8	26,3	26,5	102,7
рабочие	56,9	55,8	55,3	97,2
служащие	4,3	4,5	4,5	104,4
В том числе по возрастным группам, %:				
до 30 лет	19,2	19,0	18,5	96,3
от 30 до 40 лет	27,8	28,3	29,0	104,3
от 40 до 50 лет	27,8	27,0	27,0	97,1
50 лет и старше	25,2	25,7	25,5	101,2
Средняя заработная плата работников ПАО, тыс. руб	91,0	110,0	148,3	163,0

Из данных табл. 7 видно, что численность работников «Газпрома», несмотря на некоторые признаки общего кризисного состояния Компании, возрастает – за последние три года она выросла на 6,5%. При этом растет численность руководителей различного уровня, а численность рабочих сокращается. Из данных табл. видно, что «Газпром» в последние годы принимает на работу меньше молодежи (возрастная категория до 30 лет), однако отдает предпочтение возрастным группам от 30 до 40 лет, людям предпенсионного возраста и работающим пенсионерам. Средняя зарплата в компании традиционно высокая, и по результатам «санкционного 2014 г.» она выросла более чем на 30 тыс. и составила 148,3 тыс. руб. При этом среднестатистический сотрудник ПАО «Газпром» получает на 42 тыс. руб. больше среднестатистического сотрудника ОАО «Роснефть», а сама разница на 10 000 рублей больше средней зарплаты по стране (32 тыс. руб в 2014 г.) [14]. В подобных условиях становится понятно, почему как высшее руководство компании, так и среднее и низшее звено неохотно распространяют информацию о получаемых зарплатах и денежных вознаграждениях и почему, чтобы умирить «денежные аппетиты» компании, в ситуацию приходится время от времени вмешиваться президенту Российской Федерации [15]. Например, в «Газпроме» работникам, кроме обычной заработной платы, регулярно выписывают 4 вида премий: на день рождения сотрудника, в Международный женский день, в День защитника Отечества, к профессиональному празднику работника газовой отрасли – Дню нефтяника и газовика. Надбавка за профессиональный праздник традиционно равняется месячной зарплате в ПАО. Мужчины в честь Дня защитника Отечества в 2015 г. получили премию в размере 168 тыс. рублей, аналогичные премии получили женщины на Международный женский день.

Также в ПАО «Газпром» есть специальные премии за стаж, которые выплачиваются сотруднику, проработавшему в компании более 15 лет [16]. Безусловно, ПАО «Газпром» давно уже является «государством в государстве», всему российскому обществу можно порадоваться за сотрудников «Газпрома», однако на практике подобная существенная дифференциация доходов по различным отраслям и категориям населения, когда большинство населения тратят 50% своего заработка на покупку продуктов питания, может вызывать лишь раздражение и скрытый социальный протест.

Особое внимание при анализе деятельности компании необходимо обратить на постепенное старение основного оборудования – магистральных газопроводов, действующих скважин, машин и зданий в целом по ПАО «Газпром» (табл. 8).

Таблица 8

Состояние основных средств ПАО «Газпром» на 31. 12. 2014 г., млн руб. [9]

Показатели	Магистральные трубопроводы	Скважины	Машины и оборудование	Здания	Прочие	Итого
Первоначальная (восстановительная) стоимость ОС	11401959	1461651	2573826	792168	2210094	18439700
Накопленная амортизация (Износ)	7945389	1122057	1822015	343345	772417	12005225
Остаточная стоимость	3456570	339594	751811	448823	1437677	6434475
% износа (2/1*100%)	69,7	76,8	70,8	43,3	35,0	65,1

Данные табл. 8 показывают в целом неутешительную картину по действующим производственным мощностям ПАО «Газпром». В системообразующей, стратегической для народнохозяйственного комплекса России компании магистральные трубопроводы изношены на 69,7%, оборудование скважин – на 76,8 %, парк машин и оборудования – на 70,8%, здания – более чем на 40 %. Всё это заставляет говорить о необходимости скорейших капитальных вложений в отрасль, о необходимости интенсивной реализации эффективных с социальной и экономической точки зрения инвестиционных проектов.

Возникает закономерный вопрос, где взять финансовые средства на осуществление инвестиционных программ компании? Существенный источник, резерв капитальных вложений кроется в отказе от непрофильных активов и проектов. Не секрет, что ПАО «Газпром» является генеральным спонсором футбольных клубов «Зенит» (Россия) – так называемый флагманский проект, титульным спонсором «Шальке» (Германия), «Црвена Звезда» (Сербия), «Челси» (Англия), официальным спонсором Лиги Чемпионов УЕФА, строит в Санкт-Петербурге новую футбольную арену «Зенит», беспрецедентную по объему финансовых вложений [17]. В каждом случае сумма спонсорских средств не разглашается, однако можно предположить, что это десятки, а то и сотни миллионов долларов. В некоторых случаях спонсирование футбольных команд совпадает с повышением цен на газ внутри страны и за рубежом [17]. На наш взгляд, в данном случае речь идет о чрезмерной расточительности ПАО «Газпром». В ситуации, когда не на что обновлять магистральные газопроводы, спонсирование

футбольных клубов, тем более зарубежных, по крайней мере, недальновидно. Даже в ситуации, когда подобные затраты помогают «Газпрому» более эффективно вести бизнес в той или иной стране, необходимо действовать более осмотрительно, поддерживать за счет благотворительных проектов российскую экономику и социальную сферу, оставлять средства внутри страны.

Заслуживает отдельных слов будущее сотрудничество с КНР в области поставок российского газа, осуществление проекта «Сила Сибири». Общая стоимость инвестиций по проекту составляет почти 1 трлн руб., срок окончания строительства газопровода – 2017 г. Проект планомерно осуществлялся с 2012 г., однако получил новый импульс в 2014 г., когда было подписано соглашение на поставку газа в Китай на 30 лет вперед, сумма газового контракта составила 400 млрд долларов [18]. Поставки газа в Китай по газопроводу «Сила Сибири» должны начаться в 2019 г. В финансировании проекта изначально хотела участвовать Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC), предлагавшая ПАО аванс на строительство трубопровода, однако в дальнейшем «Газпром» отказался от китайских денег, чтобы не снижать стоимость поставляемого газа. При этом у проекта имеются критики, которые считают, что данный проект выгоден прежде всего китайской стороне, а для «Газпрома», а значит, и для всей российской экономики в целом он будет характеризоваться минимальной рентабельностью [19]. Кроме того, в условиях санкций и ситуации, когда источники внешних займов отрезаны, общая стоимость строительства газопровода «Сила Сибири» за последние годы повысилась ориентировочно в полтора раза, первоначально первые два тендера по строительству начальной очереди газопровода планировались в 350 млрд рублей, в итоге же их сумма выросла до 552 млрд рублей [20]. В подобных условиях ПАО «Газпром» в восточном направлении может подстерегать ещё одна стратегическая угроза – на рынок сжиженного природного газа в Азиатско-Тихоокеанском регионе может выйти Австралия как полноценный игрок газового рынка, и Китай может постепенно переориентироваться на неё.

Следует обратить внимание на взаимосвязь хозяйственной деятельности ПАО и экономики России в целом. Влияние сырьевого сектора в целом и «Газпрома» в частности на экономику РФ является определяющим. Например, в 2014 г. доля нефтегазовых доходов федерального бюджета превысила 50 % — максимум для российской экономики в постсоветскую эпоху [21]. Безусловно, санкции влияют на бюджетные и экономические процессы в России крайне отрицательно, и в современных условиях российскому руководству придется думать, чем заместить в государственном бюджете недополучаемые доходы. Что же касается новых возможностей ПАО «Газпром», то при сырьевой модели отечественной экономики они неочевидны. На наш взгляд, определяющую роль в развитии корпорации могли бы сыграть два направления деятельности: нефтехимия, базирующаяся на получении новых и традиционных материалов из продуктов переработки нефти и газа, и производство сжиженного газа, которое во многом будет упираться в запрет ввоза оборудования в Российскую Федерацию. Например, в области нефтехимии дочерние предприятия ПАО «Газпром» могли бы сделать долговременный акцент на производстве пластмасс, резинотехнических изделий, различных

видов кислот, удобрений и т.д., что позволило бы диверсифицировать деятельность компании и защититься от возможных рисков.

В целом, подводя итог изложенному материалу, необходимо отметить, что ПАО «Газпром» продолжает устойчивое развитие и стойко «держится» под «гнетом» экономических санкций. Значительный резерв прочности предоставляет разворот компании на Восток, о чем недавно сказал в своем Послании Федеральному собранию на 2016 г. Президент РФ В.В. Путин: «Для России такое партнёрство создаст принципиально новые возможности для наращивания поставок в Азиатско-Тихоокеанский регион продовольствия, энергоресурсов, инжиниринговых, образовательных, медицинских и туристических услуг, позволит нам играть лидирующую роль в формировании новых технологических рынков, а также развернуть на Россию крупные глобальные торговые потоки» [22]. Однако каким образом в дальнейшем будет осуществляться производственная и финансово-экономическая деятельность «Газпрома», как долго продлятся санкции и контрсанкции, как изменятся цены на энергоносители под влиянием Ближневосточного конфликта, сумеет ли Евросоюз диверсифицировать газовые поставки в будущем и уйти от зависимости от России в этом вопросе, насколько плодотворной будет диверсификация и деятельность компании на рынках Юго-Восточной Азии – покажет время.

Кроме того, на наш взгляд, социальная политика «Газпрома» нуждается в немедленной корректировке, в повороте с ориентации на узкокорпоративные интересы, политики «экономического и социального эгоизма», высоких зарплат и бонусов руководства и работников ПАО на нужды, повышение благосостояния всего многомиллионного российского народа. Если угодно, речь должна идти о так называемой корпоративной нравственности, которой компании, на наш взгляд, как раз не хватает в настоящее время, в условиях необходимости объединения общества перед новыми глобальными вызовами. В шуточной песне «Обращение к акционерам «Газпрома» известный шоумен Семён Слепаков задает работникам газовой отрасли правомерный вопрос: «Ведь, все-таки, это наш общий газ, А мечты сбываются только у вас!» [23].

Литература

1. Санкции в связи с украинскими событиями 2014 года. Материал из Википедии – свободной энциклопедии // <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 22.11.2015).
2. Ситников А. (2012) Союзы и союзники России // <http://svpressa.ru/politic/article/55988/> (дата обращения: 22.11.2015).
3. Базанова Е., Штанов В., Фадеева А., Папченкова М. Удастся ли России обойти запрет на ввоз нефтегазового оборудования с помощью параллельного импорта // <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/07/17/601012-udastsya-li-rossii-oboiti-zapret-na-vvoz-neftegazovogo-oborudovaniya-s-pomoschyu-parallelnogo-importa> (дата обращения: 23.11.2015).
4. Российское продовольственное эмбарго (с 2014). Материал из Википедии — свободной энциклопедии // <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 23.11.2015).
5. Обама заявил, что экономика России «разорвана в клочья» благодаря США // <http://ria.ru/world/20150121/1043501146.html> (дата обращения: 23.11.2015).
6. Рейтинг крупнейших компаний России 2014 по объему реализации продукции // http://expert.ru/ratings/rejting-krupnejshih-kompanij-rossii-2014-po-ob_emu-realizatsii-produktsii/ (дата обращения: 23.11.2015).
7. 27 локомотивов: компании из России в глобальном рейтинге Forbes // <http://www.forbes.com/global2000/list/#tab:overall> (дата обращения: 23.11.2015).
8. S&P подтвердило рейтинги «BB+/B» «Газпрома» с негативным прогнозом // <http://ria.ru/economy/20150723/1144281148.html> (дата обращения: 24.11.2015).

9. Пояснения к бухгалтерскому балансу и Отчёту о финансовых результатах ОАО «Газпром» // <http://www.gazprom.ru/f/posts/16/616270/gazprom-accounting-report-2014.pdf> (дата обращения: 25.11.2015).

10. ПАО «Газпром» // <http://www.gazprom.ru/f/posts/05/298369/gazprom-annual-report-2014-ru.pdf> (дата обращения: 25.11.2015).

11. Справочник «Газпром в цифрах 2010-2014» // <http://www.gazprom.ru/f/posts/05/298369/gazprom-annual-report-2014-ru.pdf> (дата обращения: 26.11.2015).

12. Средняя зарплата в «Газпроме» достигла 91 тысячи рублей // <http://www.vestifinance.ru/articles/11535> (дата обращения: 27.11.2015).

13. Сколько зарабатывают сотрудники «Газпрома» // <http://ubiznes.ru/skolkozarabatyvaet/skolko-zarabatyvayut-sotrudniki-gazproma.html> (дата обращения: 27.11.2015).

14. Финансовые битвы: Газпром VS Роснефть // <http://utmagazine.ru/posts/11736-finansovyebitvy-gazprom-vs-rosneft> (дата обращения: 27.11.2015).

15. Путин может обсудить с Миллером уровень зарплат сотрудников «Газпрома» // <http://www.oilcapital.ru/company/266241.html> (дата обращения: 27.11.2015).

16. Фирс Е. Зарплаты в Газпроме: бонусы, надбавки и премии // <http://www.savvy.by/dajdzhest/economic/item/3766-zarplaty-gazprom.html> (дата обращения: 28.11.2015).

17. Топ-6 футбольных проектов «Газпрома» // <http://www.footballtop.ru/news/top-6-futbolnyh-proektov-gazproma> (дата обращения: 28.11.2015).

18. Сила Сибири. Материал из Википедии – свободной энциклопедии // <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 29.11.2015).

19. Россия будет продавать газ Китаю с минимальной рентабельностью // <http://www.rbc.ru/economics/21/05/2014/925291.shtml> (дата обращения: 29.11.2015).

20. Газопровод «Сила Сибири» ожидаемо подорожал в полтора раза // <http://www.proforex.org/novosti-rossii/entry/1008276220.html> (дата обращения: 29.11.2015).

21. Клинова М. В., Сидорова Е.А. Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским союзом // <http://institutiones.com/general/2504-ekonomicheskie-sankcii-vliyani-na-hozyajstvennyye-svyazi-rossii-evropejskim-soyuzom.html> (дата обращения: 29.11.2015).

22. Послание Президента Путина В.В. Федеральному Собранию на 2016 год // <http://anegrinews.ru/201512/031449148498.html> (дата обращения: 30.11.2015).

23. Слепачов С. Обращение к акционерам «Газпрома» // http://prostopesni.net/semen-slepachov/obrashhenie_k_akcioneram_gazproma.shtm (дата обращения: 30.11.2015).

Maliy Vadim I. The Volga Institute of Management named after PA Stolypin ranch of the RF President in the city of Saratov (Saratov, Russian Federation)

E-mail: sreda@email.ru

DOI 10.17223/1998863X/33/8

Gusev Vladimir V. The Volga Institute of Management named after PA Stolypin - RANHiGS branch of the RF President in the city of Saratov (Saratov, Russian Federation)

E-mail: vladgus2006@yandex.ru

DOI 10.17223/1998863X/33/8

RUSSIAN STRATEGIC COMPANIES UNDER THE INFLUENCE OF ECONOMIC SANCTIONS: SOCIAL CHALLENGES AND OPPORTUNITIES (FOR EXAMPLE, PJSC «GAZPROM»)

Keywords: State Corporation, an energy superpower, of gas reserves, accounts receivable, loans, investment programs, the pipeline «Power of Siberia».

The article analyzes the activity of Russia's backbone companies of OJSC «Gazprom» in the face of economic sanctions and the falling demand for products. We study the production, financial, investment and social indicators in recent years, social well-being of employees of the Company, provides recommendations to improve the work and social environment of the Company under adverse macroeconomic conditions.

References

1. Wikipedia.org (n.d.) *Sanktsii v svyazi s ukrainskimi sobytiyami 2014 goda* [The sanctions in connection with the Ukrainian events of 2014]. [Online] Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. (Accessed: 22nd November 2015).

2. Sitnikov, A. (2012) *Soyuzi i soyuzniki Rossii* [Russian unions and allies]. [Online] Available from: <http://svpressa.ru/politic/article/55988/>. (Accessed: 22nd November 2015).

3. Bazanova, E., Shtanov, V., Fadeeva, A. & Papchenkova, M. (2015) *Udastsya li Rossii oboyti zapret na vvoz neftegazovogo oborudovaniya s pomoshch'yu parallel'nogo importa* [Whether Russia will be able to circumvent the ban on the import of oil and gas equipment with the help of parallel imports]. [Online] Avail-

able from: <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/07/17/601012-udastysya-li-rossii-oboiti-zapret-na-vvoz-neftegazovogo-oborudovaniya-s-pomoschyu-parallelnogo-importa>. (Accessed: 23rd November 2015).

4. Wikipedia.org (n.d.) *Rossiyskoe prodovol'stvennoe embargo (s 2014)* [The Russian food embargo (2014)]. [Online] Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. (Accessed: 23rd November 2015).

5. RIA. (2015) *Obama zayavil, chto ekonomika Rossii "razorvana v klochy" blagodarya SShA* [Obama said that Russia's economy is "in tatters" thanks to the US]. [Online] Available from: <http://ria.ru/world/20150121/1043501146.html>. (Accessed: 23rd November 2015).

6. Expert online. (2014) *Reyting krupneyshikh kompaniy Rossii 2014 po ob"emu realizatsii produktsii* [The largest Russian companies in 2014 in terms of sales of products]. [Online] Available from: <http://expert.ru/ratings/rejting-krupnejshih-kompanij-rossii-2014-po-ob-emu-realizatsii-produktsii/>. (Accessed: 23rd November 2015).

7. Forbes. (n.d.) *27 lokomotivov: kompanii iz Rossii v global'nom reytinge Forbes* [Twenty seven locomotives: Russian companies in the global ranking of Forbes]. [Online] Available from: <http://www.forbes.com/global2000/list/#tab:overall>. (Accessed: 23rd November 2015).

8. RIA. (2015) *S&P podverdilo reytingi "VV+/V" "Gazproma" s negativnym prognozom* [S&P affirmed the ratings of BB + / B of Gazprom with a negative outlook]. [Online] Available from: <http://ria.ru/economy/20150723/1144281148.html>. (Accessed: 24th November 2015).

9. OAO Gazprom. (2014) *Poyasneniya k bukhgalterskomu balansu i Otchetu o finansovykh rezul'tatakh OAO "Gazprom"* [Explanation to the Balance Sheet and Statement of Financial Results of JSC "Gazprom"]. [Online] Available from: <http://www.gazprom.ru/f/posts/16/616270/gazprom-accounting-report-2014.pdf>. (Accessed: 25th November 2015).

10. OAO Gazprom. (2014) *Annual Reports*. [Online] Available from: <http://www.gazprom.ru/f/posts/05/298369/gazprom-annual-report-2014-ru.pdf>. (Accessed: 25th November 2015). (In Russian).

11. OAO Gazprom. (2014) *Spravochnik "Gazprom v tsifrakh 2010–2014"* [Gazprom in figures 2010–2014]. [Online] Available from: <http://www.gazprom.ru/f/posts/05/298369/gazprom-annual-report-2014-ru.pdf>. (Accessed: 26th November 2015).

12. Vesti. (2012) *Srednyaya zarplata v "Gazpromе" dostigla 91 tysyachi rubley* [The average salary in Gazprom has reached 91 thousand rubles]. [Online] Available from: <http://www.vestifinance.ru/articles/11535>. (Accessed: 27th November 2015).

13. uBiznes.ru (n.d.) *Skol'ko zarabatyvayut sotrudniki "Gazproma"* [How much do the employees earn in Gazprom]. [Online] Available from: <http://ubiznes.ru/skolko-zarabatyvaet/skolko-zarabatyvayut-sotrudniki-gazproma.html>. (Accessed: 27th November 2015).

14. Utmag. (2015) *Finansovye bitvy: Gazprom vs Rosneft'* [Financial Battles: Gazprom vs Rosneft]. [Online] Available from: <http://utmagazine.ru/posts/11736-finansovye-bitvy-gazprom-vs-rosneft>. (Accessed: 27th November 2015).

15. Oil.Capital.ru (2015) *Putin mozhet obsudit' s Millerom uroven' zarplat sotrudnikov "Gazproma"* [Putin and Miller may discuss salaries of Gazprom employees]. [Online] Available from: <http://www.oilcapital.ru/company/266241.html>. (Accessed: 27th November 2015).

16. Firs, E. (2015) *Zarplaty v Gazpromе: bonusy, nadbavki i premii* [Salaries in Gazprom: Bonuses, allowances and premiums]. [Online] Available from: <http://www.savvy.by/dajdzhest/economic/item/3766-zarplaty-gazprom.html>. (Accessed: 28th November 2015).

17. Footballtop.ru (2013) *Top-6 futbol'nykh proektov "Gazproma"* [Top-6 Football Projects of Gazprom]. [Online] Available from: <http://www.footballtop.ru/news/top-6-futbolnyh-proektov-gazproma>. (Accessed: 28th November 2015).

18. Wikipedia.org (n.d.) *Sila Sibiri* [The Power of Siberia]. [Online] Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. (Accessed: 29th November 2015).

19. Kotsubinskaya, M. (2014) *Rossiya budet prodavat' gaz Kitayu s minimal'noy rentabel'nost'yu* [Russia will sell gas to China with minimum profitability]. [Online] Available from: <http://www.rbc.ru/economics/21/05/2014/925291.shtml>. (Accessed: 29th November 2015).

20. Myakgiy, D. (2015) *Gazoprovod "Sila Sibiri" ozhidaemo podorozhal v poltora raza* [The Power of Siberia expectedly rose a half times]. [Online] Available from: <http://www.profi-forex.org/novosti-rossii/entry/1008276220.html>. (Accessed: 29th November 2015).

21. Klinova, M.V. & Sidorov E.A. (n.d.) *Ekonomicheskie sanktsii i ikh vliyanie na khozyaystvennye svyazi Rossii s Evropeyskim soyuzom* [Economic sanctions and their impact on economic ties between Russia and the European Union]. [Online] Available from: <http://institutiones.com/general/2504-ekonomicheskie-sankcii-vliyanie-na-xozyajstvennye-svyazi-rossii-evropejskim-soyuzom.html>. (Accessed: 29th November 2015).

22. Putin, V.V. (2015) *Poslanie Prezidenta Putina V.V. Federal'nomu Sobraniyu na 2016 god* [Message from President V.V. Putin to the Federal Assembly for 2016]. [Online] Available from: <http://anegrinews.ru/201512/031449148498.html>. (Accessed: 30th November 2015).

23. Slepakov, S. (n.d.) *Obrashchenie k aktsioneram "Gazproma"* [Letter to Gazprom shareholders]. [Online] Available from: http://prostopesni.net/semen_slepakov/obrashhenie_k_aktsioneram_gazproma.shtm. (Accessed: 30th November 2015).

УДК 316.334.52

DOI: 10.17223/1998863X/33/9

А.А. Никонова

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА «ДОСТУПНАЯ СРЕДА НА 2011–2015 ГОДЫ» КАК ФАКТОР ЛИКВИДАЦИИ БАРЬЕРОВ ИНВАЛИДНОСТИ В РОССИИ

Рассматривается вопрос создания безбарьерной среды как направление социальной политики в области инвалидности путем сравнительного анализа реализуемых региональных программ «Доступная среда» в разных регионах Российской Федерации (Саратовская область, Тверская область, Республика Хакасия, Республика Татарстан, Удмуртская Республика). Анализируются факторы, влияющие на успешность реализации программы.

Ключевые слова: люди, имеющие инвалидность; безбарьерная среда, доступная среда; доступность; социальная политика в области инвалидности; барьеры инвалидности.

Вопрос создания свободного и открытого города для людей с инвалидностью встал перед учеными, исследующими пространство, в том числе географами, городскими планировщиками, архитекторами, с середины XX в., когда первые инвалиды-активисты решили бороться за гражданское право свободного перемещения. Один из наиболее ярких примеров – мировой тур канадца-колясочника Рика Хансена «Человек в движении», ставший попыткой убедить общественность в праве, необходимости и возможности свободного передвижения инвалидов как в пределах той территории, где они проживают, так и по всему миру [1]. Стремление изменить среду вокруг себя нашло выход в концепции независимой жизни инвалидов. Именно ее дальнейшее развитие смогло обратить внимание мирового сообщества на людей с инвалидностью. Итогом стало принятие нескольких международных документов, закрепляющих их права. Всемирная программа действий в отношении инвалидов Организации Объединенных Наций (далее – ООН) предусматривала перераспределение политических мер по формированию открытого доступа людей с инвалидностью к различным услугам, системам занятости и образования, тем самым попытавшись искоренить некоторые дискриминационные моменты. Таким образом, мировое сообщество официально подтвердило, что обязательным условием при этом является ликвидация существующих барьеров для достижения полного участия инвалидов в жизни общества [2]. Следующим этапом стало принятие в 2006 г. Конвенции о правах инвалидов ООН, которая в качестве основополагающего принципа соблюдения прав лиц с инвалидностью провозгласила доступность [3]. В Конвенции впервые вводится понятие, имеющее немаловажное значение в рамках его утверждения – «универсальный дизайн» [4]. Смежный этому понятию термин «безбарьерная среда» (или доступная среда), которая включает в себя не только отсутствие физических, но и социальных, экономических и иного рода барьеров. Иными словами, это такая среда, в которой отсутст-

вуют какие-либо физические барьеры к достижению цели или для реализации поставленных задач, как то: свободное использование различных услуг, возможность посещения культурно-массовых и спортивных и иных мероприятий [5]. Именно поэтому сейчас невозможным представляется изучать физическое пространство города отдельно от его социальной составляющей [6].

Необходимо сказать, что выгоду от исключения архитектурных, идейных, социальных, экономических, политических барьеров могут получить не только люди с инвалидностью, но и сами города, становясь сбалансированными, инклюзивными сообществами, в которых комфортно, открыто и безбоязненно смогут сосуществовать совершенно разные категории людей. Однако в России осознание того, что все участники общественной жизни должны быть в состоянии выполнять свою работу и использовать свой досуг эффективно, безопасно и приятно в соответствии с их возможностями и способностями, приходит очень медленными темпами. Еще более сложно обстоят дела с попыткой изменить окружающее пространство, сделать его безбарьерным и универсальным для всех. Только сейчас властями предпринимаются попытки изменить среду обитания и дать возможность инвалидам почувствовать себя комфортно в границах города.

В сравнении с западной политикой создания доступной среды российские правительственные директивы о доступе, дизайне архитектурной среды серьезно отстают, и городская среда представляет собой яркий пример того, как люди с нарушениями могут быть отлучены от общественных благ из-за барьеров различного характера. Современный город, как считает Р. Имре, можно разделить на тех, у кого есть доступ к городскому пространству, и тех, у кого его нет. Он называет это явление «отличительной пространственной демаркацией и исключением» [7. С. 232]. Таким образом, городская среда разделяет людей на две противоположные группы — инвалидов и неинвалидов, трудоспособных и нетрудоспособных, социально включенных и социально исключенных. Конструкция физической инфраструктуры города, включающая архитектуру и транспорт, мешает людям с инвалидностью участвовать в различных областях общественной жизни. Сегрегация по признаку физической доступности создает такую городскую среду, которая определяется западными учеными как «барьерная», «ограниченная», «эксклюзивная» [Б. Глисон, 2001, Р. Имре, 2001]. В зарубежной социологической литературе в конце XX в. для описания физического дизайна среды, строительства зданий и сооружений, которые являются неудобными для жизни, появился термин «архитектурная инвалидность». Он стал использоваться в том числе и с целью предотвращения использования того или иного элемента физической среды в случае его небезопасности для жизни [7. С. 151]. Причем это не всегда касается исключительно людей с инвалидностью. Интересно, что в определенные периоды своей жизни едва ли не 90 % людей сталкиваются с архитектурной дискриминацией (во время болезни, после рождения ребенка и т.д.) [8].

Инфраструктура городов, их конструкция фактически «обездвиживают» человека, максимально отграничивая его от участия в общественной жизни [10. С. 120]. Это приводит к ограниченной мобильности, следствием которой становится избирательный подход к выбору места проживания [11. С. 287].

Помимо физических барьеров, важнейшим сдерживающим фактором является и отсутствие доступа к информационным ресурсам и источникам [12]. Кроме того, физическое пространство имеет социальную составляющую [13]. Городское пространство неравно распределяет условия социальной мобильности между разными группами людей. Среди тех, кому наиболее сложны такие передвижения, оказываются и люди с инвалидностью. Из-за таких сложностей они оказываются отстранены от «кормушки с благами».

Западная наука обратила внимание ученых на изучение степени недоступности физического и социального пространства через рассмотрение государственной политики с 1970-х гг. [14. С. 251]. В качестве примера можно привести исследования Р. Имре, анализирующего политику и практику британских местных властей; Х. Хана, который еще в 1986 г. провел исследование эксклюзивного состояния среды Лос-Анджелеса; исследование доступности окружающего пространства в Новой Зеландии Б. Глисона 1997 г. В большинстве своем эти исследования проблем доступности окружающей среды сконцентрированы на политических дилеммах и устремлены на изучение проблем мобильности, с которыми ежедневно сталкиваются люди с инвалидностью, что только усиливает актуальность региональных и местных дебатов в отношении создания и регулирования окружающей среды. И это наиболее веское основание для дальнейшего изучения политики и регулируемых механизмов, которые имеют своей целью улучшить доступность окружающего пространства. Подобные теоретические изыскания можно считать «традиционными», поскольку они представляют собой первые признанные научным сообществом попытки изучения взаимосвязи инвалидности и открытого городского пространства как социологических категорий и как социальных институтов. Однако несмотря на то, что они играли важную исследовательскую роль, их теоретическое значение достаточно ограничено. При этом расширение рамок социальной теоретизация пространственной доступности сможет как обогатить географическое понимание инвалидности, так и расширить дискуссии о пространстве в западных и российском обществах, которые формируют основные направления географии и городского планирования.

Ратификацией Конвенции о правах инвалидов в 2012 г. Россия взяла на себя обязательство приведения всех сфер человеческой жизни в соответствие с ее основными принципами: социальную, экономическую, архитектурную, транспортную и др. Безусловно, этот факт должен был стать социальным катализатором в развитии и усовершенствовании социальной политики в области инвалидности. Поэтому 17 марта 2011 г. был утвержден проект государственной программы «Доступная среда». В том же 2011 г. были определены и пилотные регионы, которые первыми вступили в стадию реализации этой программы и задали вектор развития региональной социальной политики на несколько лет вперед. Этими регионами стали Саратовская область, Тверская область, Республика Хакасия, Республика Татарстан, Удмуртская Республика.

Все пилотные регионы за исключением Саратовской области продолжают реализовывать мероприятия в рамках программы и отчитываться за них. Программы представлены комплексом мероприятий, направленных на адап-

тацию жилья, транспорта, зданий органов власти, учреждений здравоохранения, социальной защиты населения, объектов сферы занятости, образования, спортивных и культурных объектов, интернет-устройств и средств связи, а также предоставление услуг в вышеперечисленных сферах жизнедеятельности.

Программа состоит из нескольких разделов, включающих мероприятия по формированию доступной среды на территории региона. В разрезе утвержденных программ пилотных регионов значится несколько общих основных направлений: обеспечение доступности жилого фонда и жилой среды; обеспечение доступности транспортной инфраструктуры и предоставления транспортных услуг; обеспечение доступности спортивных объектов и предоставление услуг в сфере физической культуры и спорта; обеспечение доступности объектов культуры и предоставление услуг в сфере культуры; обеспечение доступности объектов социальной защиты и предоставление услуг в области социальной защиты населения; обеспечение доступности объектов медицинских организаций, объектов здравоохранения и предоставление услуг в сфере медицины и здравоохранения; обеспечение доступности объектов образовательной системы и предоставление образовательных услуг; обеспечение доступности объектов сферы занятости и предоставление услуг в области занятости и трудоустройства; обеспечение доступности интернет-ресурсов, устройств связи и предоставление услуг в сфере информатизации и связи.

Сравнительный анализ программ различных регионов позволит показать сходства и различия в реализации мероприятий, утвержденных программами.

Программа «Доступная среда» разных регионов отличается по срокам реализации. В Удмуртской Республике и Республике Татарстан программа рассчитана на пятилетний срок (с 2011 по 2015 г.); в Саратовской области – на три года (с 2011 по 2013 г.); в Тверской области программа утверждается ежегодно с 2011 г. по настоящее время, в Республике Хакасии – обе программы утверждены на трехлетний срок (с 2011 по 2013 г. и с 2014 по 2016 г.).

Однако если в программе Республики Татарстан разработчиком выступает исключительно одно министерство, то в разработке остальных программ участвовали все ведомства, которые в дальнейшем участвовали в реализации программы.

Программы основаны на принципе приоритетности объектов, требующих адаптации или реконструкции. Оценить, насколько приоритетны те или иные объекты, можно, проанализировав уровень финансирования каждого конкретного направления.

Общий бюджет программ составляет:

- в Саратовской области – 2 126 876,6 тыс. руб.;
- в Республике Татарстан (без учета 2013 и 2015 гг.) – 1 881 998,46 тыс. руб.;
- в Тверской области (без учета 2013 г.) – 1 209 228,88 тыс. руб.;
- в Республике Хакасия (по программам 2011–2013 гг. и 2014–2016 гг.) – 73 951,0 тыс. руб.;
- в Удмуртской Республике – 404 980,0 тыс. руб.

В каждой из программ «Доступная среда» пилотных регионов принцип приоритетности выбранных объектов или направлений реализуется по-разному с учетом мнения общественных организаций: «Общественные организации инвалидов по слуху, зрению и наше Всероссийское общество инвали-

дов. Это их приоритеты. Это они выбрали, в первую очередь, объекты здравоохранения. Поэтому и наибольший объем средств соответствует выбранным объектам. Они считают, что инвалид, в первую очередь, приходит в объекты здравоохранения» (И.Ю. Просвирякова, заместитель министра труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан). «Вообще очень разумно и стратегически правильно то, что создавать ее начали, реализовывать с социально значимых объектов. И, конечно, когда разрабатывалась программа, прежде всего, учитывалось мнение общественных организаций инвалидов, слепых и глухих. Эти три организации принимали активное участие в разработке как на федеральном уровне, так и на разработке региональных программ, как у нас в Татарстане» (Р.Ш. Ганибаев, председатель татарского регионального отделения «Всероссийское общество инвалидов»).

Сравнительный анализ ресурсного обеспечения программ показывает, что для каждого региона существуют более и менее значимые направления, на реализацию которых расходуется большая или меньшая часть установленного бюджета.

Большую часть средств регионы запланировали израсходовать на адаптацию транспортной инфраструктуры, однако если в Республике Татарстан и Удмуртской Республике на это направление выделено 17,9 % и 22,4 % бюджетных средств, то в Тверской области и Республике Хакасия – 43,8 % и 51,4 % соответственно, что в разы больше затрат на реализацию мероприятий по остальным направлениям. В Саратовской области транспортная инфраструктура не является приоритетным объектом, поэтому на нее было потрачено 1,8 % бюджета (табл. 1).

Таблица 1

Объем финансирования направления программы «Обеспечение доступности транспортной инфраструктуры и предоставление транспортных услуг»

Регион	Общее финансирование, тыс. руб.	% от общего финансирования
Саратовская область	37653,6	1,8
Тверская область	529075,6	43,8
Удмуртская Республика	90563,32	22,4
Республика Татарстан	337736,85	17,9
Республика Хакасия	38000	51,4

В Республике Татарстан начиная с 2011 г. практически полностью был обновлен состав наземного пассажирского транспорта г. Казани с учетом потребностей граждан с инвалидностью. Однако при этом были выявлены иные аспекты того же вопроса. Первой проблемой является необученность водительского состава правильной парковке на остановочном пункте и пользованию вспомогательными средствами для удобного размещения гражданина с инвалидностью в салон. Незрячие и слабовидящие граждане все еще испытывают проблемы с определением маршрута, поскольку на наземном транспорте (автобусы, троллейбусы и трамваи) практически не озвучиваются номера маршрутов. Это говорит о невыполнении обязанностей по оборудованию остановок общественного транспорта синхронным выводом речевой и текстовой информации, тактильными поверхностями, установке информационного табло с голосовым оповещением о прибытии маршрута,

установке противоскользящих поверхностей. Мероприятия по установке звуковых светофоров проведены лишь частично.

Безусловно, на реализацию программы влияют дополнительные факторы, которые либо способствуют ее осуществлению, либо, напротив, сводят попытки к нулю. Однако некоторые условия могут обладать как явными, так и скрытыми функциями или дисфункциями. К таким условиям принято относить те спортивные мегасобытия, которые популяризируются в России. Успешность исполнения обязательств по проведению мероприятий целевых программ приходит в зависимость от того, будет ли проводиться крупное спортивное событие международного уровня на обозначенной территории. Однако у этой медали две стороны. С одной стороны, благодаря крупным спортивным мероприятиям органы местного самоуправления и ответственные исполнители большое внимание уделяют формированию доступности тех структур, до которых раньше «не доходили руки». К их числу относятся крупнейшие элементы города, символизирующие собой саму возможность пространственной межтерриториальной мобильности, столь важной для человека, имеющего инвалидность, – вокзалы и аэропорты. С другой стороны, по причине концентрированности мероприятий в одном пространственном поле внимание исполнителей направлено, в первую очередь, на «приоритетные» объекты, т.е. те здания и сооружения, которые обладают большей степенью пользовательского спроса. Именно поэтому большую часть мероприятий программы «Доступная среда» по формированию доступности транспортной инфраструктуры составляла адаптация внутригородского подземного и междугородного пассажирского транспорта (железнодорожного транспорта и аэропортов), притом, что доступность речных и автовокзалов до сих пор находится на низком уровне.

При всей важности спортивных мегасобытий они являются еще и тормозящим фактором для дальнейшего исполнения обязательств по программе «Доступная среда» в районах республики, поскольку приоритетность формирования доступности объектов в столице республики снижает значение адаптации среды в районах. С другой стороны, «невнимание» к другим районам республики объясняется тем, что в г. Казани проживает третья часть от общего числа проживающих на территории Республики Татарстан: *«Мы исходим из тех позиций, что Казань – это треть населения республики, как раз треть средств уходит на Казань. Кроме того, численность проживающих маломобильных граждан...Нужно же соблюдать какое-то соотношение. Кроме того, мы смотрим на то, как работают. Кстати, у Нижнекамска и Челнов хорошие программы, им бюджет выделяется достаточный. У некоторых районов не очень сильные программы, поэтому мы смотрим на то, как вообще работают муниципалитеты»* (И.Ю. Просвирякова, заместитель министра труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстана).

То же самое происходит и с адаптацией эксплуатируемых и строительстве новых спортивных объектов. Занимая значительную часть программы «Доступная среда» (всего 9 мероприятий), направление программы по адаптации спортивных объектов в большей степени рассчитано на Казань, чем на районы республики. На долю мероприятия по «обеспечению доступности для инвалидов приоритетных спортивных объектов, возводимых к Всемирной

летней универсиаде 2013 г., и прилегающих к ним территорий, а также объектов, востребованных для занятий адаптивной физической культурой и спортом инвалидов с нарушениями опорно-двигательного аппарата, зрения и слуха», только в 2011 г. из бюджета было выделено 117 млн 300 тыс. рублей, что составляло 17 % от общего бюджета, выделенного на реализацию программы «Доступная среда».

Значительная часть средств как регионального, так и федерального бюджетов расходуется на обеспечение доступности объектов социальной защиты и социальной помощи и предоставление услуг в области социальной защиты и социальной помощи населению Саратовской областью (31,7 %), Удмуртской Республикой (19,2 %) и Республикой Татарстан (17,4 %) (табл. 2.).

Таблица 2

Объем финансирования направления программы «Обеспечение доступности объектов социальной защиты и социальной помощи и предоставление услуг в области социальной защиты и социальной помощи населению»

Регион	Запланировано, тыс. руб.	% от общего бюджета
Саратовская область	673 880	31,7
Тверская область	71330,48	5,9
Удмуртская Республика	77775,12	19,2
Республика Татарстан	327 247,01	17,4
Республика Хакасия	2134	2,9

Еще одно крупное по затратам направление – обеспечение доступности объектов медицинских организаций, объектов здравоохранения и предоставление услуг в сфере медицины и здравоохранения. На его исполнение три региона запланировали расходы в 25,9 % (Тверская область), 25,2 % (Республика Татарстан), 13,7 % (Республика Хакасия), 12,6 % (Удмуртская Республика) (табл. 3).

Таблица 3

Объем финансирования направления программы «Обеспечение доступности объектов медицинских организаций, объектов здравоохранения и предоставление услуг в сфере медицины и здравоохранения»

Регион	Запланировано, тыс. руб.	% от общего бюджета
Саратовская область	86236	4,1
Тверская область	312935,39	25,9
Удмуртская Республика	51113,3	12,6
Республика Татарстан	474 804,90	25,2
Республика Хакасия	10108	13,7

Актуальной на данный момент проблемой является адаптация жилых помещений, в которых проживают граждане, имеющие инвалидность, однако финансирование этого направления нельзя назвать достаточным (табл. 4). С жилым фондом все сложнее. По этой программе не адаптируются квартиры, потому что это личная собственность.

Таблица 4

**Объем финансирования направления программы
«Обеспечение доступности жилого фонда и жилой среды»**

Регион	Запланировано, тыс. руб.	% от общего бюджета
Саратовская область	1105000	52,0
Тверская область	8 000,00	0,7
Удмуртская Республика	7 035,00	1,7
Республика Татарстан	221 900,00	11,8
Республика Хакасия	9000	12,2

По программе «Доступная среда» Тверской области на реализацию данного направления выделено лишь 0,7 % средств, в Удмуртской Республике – 1,7 %, в Республике Татарстан и в Республике Хакасия – 11,8 % и 12,2 % соответственно. Лишь в Саратовской области львиная доля бюджета (52 %) была запланирована на адаптацию жилого фонда и переселение граждан, имеющих инвалидность, в адаптированные квартиры на первом этаже. В Республике Татарстан в рамках мероприятий, связанных с адаптацией жилого фонда, выполнен лишь пункт, касающийся адаптации жилых домов, в которых компактно проживают граждане, имеющие инвалидность по зрению.

Во всех регионах отмечается низкая адаптированность парков отдыха, рекреационных зон, дорожно-тропиночных сетей, тротуаров, пешеходных переходов для людей с различными формами инвалидности. Осложняет ситуацию и малое количество парковочных мест в границах жилых массивов. Несмотря на то, что адаптированность жилого фонда, уличной, дворовой инфраструктуры – серьезный вопрос, в программе Республики Татарстан на реализацию мероприятий этого направления был отведен лишь один год – 2011-й. Особо необходимо отметить пункт программы, связанный с подготовкой предложений по формированию нового жилья для людей с инвалидностью с адаптированными квартирами (!) на первых этажах жилых домов.

Немалая часть бюджета программы в Удмуртской республике (71668,31 тыс. руб.; 17,7 %) и Республике Татарстан (193727,7 тыс. руб.; 10,3 %) запланирована на финансирование направления по адаптации спортивных объектов и предоставление услуг в сфере физической культуры и спорта (табл. 5).

Таблица 5

**Объем финансирования направления программы «Обеспечение доступности
спортивных объектов и предоставление услуг в сфере физической культуры и спорта»**

Регион	Запланировано, тыс. руб.	% от общего бюджета
Саратовская область	31370	1,5
Тверская область	87934,38	7,3
Удмуртская Республика	71668,31	17,7
Республика Татарстан	193727,7	10,3
Республика Хакасия	365	0,5

При этом практически во всех регионах выделяются минимальные средства на исполнение мероприятий по формированию доступности объектов культуры и предоставление услуг в этой сфере (по программе Саратовской области – 0,02 % от общего бюджета, Тверской области – 5,9 %, Татарстана – 6,4 %, Хакасии – 0,8 %). Только в Удмуртии затраты на реализацию данного направления составляют 12,3 % выделенных по программе средств.

На формирование доступной образовательной среды выделяется незначительная часть средств бюджета программы. В Республике Хакасия доля затрат на адаптацию образовательной системы и ее объектов составляет по данным программам 1,6 %, 6,5 % – в Удмуртской Республике, 6,6 % – в Республике Татарстан, 7 % – в Саратовской области и 7,8 % – в Тверской области. В рамках создания доступной среды образовательных школ реализуются два соглашения, по которым выделяются средства: *«По первому соглашению финансируются все отрасли, кроме школ. Адаптация школ идет по отдельному соглашению. Но профтехобразование проходит через общую программу. Школы выделены из общей программы, потому что у них отдельные индикаторы. Потому что считается, что это совершенно другое направление, в котором запланировано внедрение принципов инклюзивного образования. Дошкольное образование пока не брали, потому что средств не так много»* (И.Ю. Просвирякова, заместитель министра труда, занятости и социальной защиты).

Таблица 6

Объем финансирования направления программы «Обеспечение доступности объектов образовательной системы и предоставление образовательных услуг»

Регион	Запланировано, тыс. руб.	% от общего бюджета
Саратовская область	149 106,00	7,0
Тверская область	93826	7,8
Удмуртская Республика	26153,93	6,5
Республика Татарстан	124 077,60	6,6
Республика Хакасия	1216	1,6

На мероприятия по обеспечению доступности системы занятости и ее объектов выделены объемы финансирования, не соответствующие значимости проблемы: в Республике Татарстан запланированы расходы в размере 2,7 % от общего бюджета программы, в Тверской области – 1,7 %, в Саратовской области – менее 1 % (0,002 %) (табл. 7). В Хакасии и Удмуртии бюджет программы и вовсе не рассчитан на проведение мероприятий по трудоустройству и занятости граждан, имеющих инвалидность.

Таблица 7

Объем финансирования направления программы «Обеспечение доступности объектов сферы занятости и предоставление услуг в области занятости и трудоустройства»

Регион	Запланировано, тыс. руб.	% от общего бюджета
Саратовская область	47,9	0,002
Тверская область	19970,22	1,7
Удмуртская Республика	0	0
Республика Татарстан	51351	2,7
Республика Хакасия	0	0

Еще меньше бюджетных средств запланировано на расходы по направлению «Обеспечение доступности интернет-ресурсов, устройств связи и предоставление услуг в сфере информатизации и связи» (Удмуртская Республика – 1,9 %, Саратовская область – 1 %, Тверская область – 0,9 %, Республика Татарстан – 0,3 %, Республика Хакасия – 0 %) (табл. 8)

Таблица 8

Объем финансирования направления программы «Обеспечение доступности интернет-ресурсов, устройств связи и предоставление услуг в сфере информатизации и связи»

Регион	Запланировано, тыс. руб.	% от общего бюджета
Саратовская область	21300,5	1,0
Тверская область	11338	0,9
Удмуртская Республика	7767,22	1,9
Республика Татарстан	5 821,60	0,3
Республика Хакасия	0	0

В рамках этого направления наиболее актуальным является мероприятие по разработке и внедрению программного продукта для создания информационного банка данных и карты доступности объектов социальной и транспортной инфраструктуры. Такая карта в Татарстане была введена в пользование в 2012 г., однако она не рассчитана на людей, имеющих проблемы со зрением. Только в 2011 г. на ее создание было выделено 1,5 млн рублей. Для сравнения – альтернативная карта инициативной группы «Город без преград» barierovnet.org, созданная в системе Google с обозначением социально-бытовых объектов и информации об их доступности для граждан с ограниченными возможностями, формируемая самой инициативной группой или любым желающим. В отличие от карты, созданной Министерством информатизации Республики Татарстан, альтернативная карта, не требующая финансовых инвестиций, рассчитана на пользование людьми с любой формой инвалидности и позволяет увидеть барьеры на всем протяжении пути. К тому же для того, чтобы желаемый объект появился на карте, должна пройти его паспортизация, а это занимает немало времени.

В связи с тем, что программа «Доступная среда» рассчитана на создание, прежде всего, безбарьерной физической среды, особое значение приобретает мероприятие по разработке формы паспорта объектов социальной, транспортной, инженерной, образовательной инфраструктуры и жилого фонда на предмет доступности.

За все время реализации программы в Республике Татарстан с финансовой точки зрения приоритетными направлениями являются адаптация объектов транспортной инфраструктуры, доступность организаций социальной защиты и медицинских организаций (см. табл. 3). Причем финансирование направления по адаптации объектов медицины и здравоохранения составляет 25 % от общего бюджета, запланированного на пять лет (474 804,902 тыс. руб.). Такой дисбаланс является результатом медиализации общества, конструирующей социальную политику в области инвалидности и создания доступной среды. При этом на мероприятия, способствующие изменению общественных установок, запланировано минимальное финансирование. Почти в четыре (3,8) раза меньше бюджетных средств планируется потратить на реконструкцию объектов образования (124 077,6 тыс. руб.) и в девять раз меньше — на адаптацию объектов сферы занятости (51 351,0 тыс. руб.).

И если небольшое финансирование на адаптацию объектов сферы занятости можно объяснить их малым количеством, то низкое бюджетное обеспе-

чение направления адаптации образовательных учреждений и жилого фонда объяснимо только невниманием к этим областям со стороны государственного заказчика и ответственных исполнителей. Тем более что и количество требующих реконструкции объектов жилого фонда в разы больше, чем объектов других областей деятельности.

Серьезные вопросы вызывает финансирование мероприятий по формированию толерантного отношения общества к людям с инвалидностью, направленных на повышение интеграции людей с инвалидностью в общество. Так, в программе Республики Татарстан на эти цели выделяется всего 0,05 % от общего бюджета программы (900,0 тыс. руб.), в Саратовской области по направлению «Повышение уровня социальной интеграции граждан пожилого возраста и инвалидов» – 0,5 % (10 669,4 тыс. руб.). Важным элементом политики инвалидности выступает политика репрезентаций инвалидов, осуществляемая как от имени большинства, так и самими инвалидами. Медийные образы инвалидов, конструируемые в социальных и общих СМИ, отличаются. Общие СМИ зачастую отодвигают положительный образ инвалидов, занимающихся спортом, танцами или другой формой деятельности, на второй план. Фокус публикаций газеты, в первую очередь, направлен на констатацию факта изменения окружающего пространства, а уже потом на достигнутые инвалидами результаты

Анализ региональных программ «Доступная среда на 2011–2015 годы» пилотных регионов (Республика Татарстан, Республика Удмуртия, Республика Хакасия, Саратовская и Тверская области) показал, что они имеют однонаправленный вектор развития, пытаясь обеспечить доступность исключительно физической инфраструктуры, выделяя приоритетные объекты архитектуры и строительства, подлежащие адаптации. Исследование установило серьезный перекоп в сторону крупного финансирования одних мероприятий (обеспечение доступности учреждений здравоохранения, социальной защиты, транспортной инфраструктуры) и недостаточного финансирования социально значимых направлений по доступности образовательной системы, системы занятости и т.д. Например, в Тверской области и Республике Хакасия большая часть бюджета запланирована на улучшение транспортной инфраструктуры, при этом определены минимальные затраты на адаптацию объектов социальной защиты. Бюджетом программы Саратовской области, напротив, наименьшие расходы предусмотрены на транспортную составляющую и наибольшие – на социальную защиту и адаптацию жилого фонда. Распределение бюджетных средств зависит от мнения представителей общественных организаций. Во всех пилотных программах уделяется недостаточное внимание системам образования и занятости. Определяющими факторами в формировании доступной среды в Республике Татарстан является проведение на ее территории спортивных мегасобытий международного уровня. С одной стороны, этот факт исполняет каталитическую функцию, способствуя адаптации среды г. Казани. С другой — он является тормозящим фактором для дальнейшего исполнения обязательств по программе «Доступная среда» в районах республики, поскольку приоритетность формирования доступности объектов в столице республики снижает значительность реконструкции среды в районах. Финансирование

адаптации объектов здравоохранения в Республике Татарстан составляет большую часть ресурсного обеспечения. Такой дисбаланс является результатом медиализации, конструирующей социальную политику в области инвалидности и создания доступной среды.

Краеугольным камнем является вопрос о конструировании положительного отношения к инвалидам в обществе. Средства массовой информации (пресса и телевидение), которые являются одним из основных создателей медийных образов, не проявляют серьезного интереса к теме инвалидности.

Литература

1. Челпанова П. Вокруг света в кресле-каталке / Peoples.ru. URL: http://www.peoples.ru/state/statesmen/rick_hansen/ (дата обращения: 25.11.2013).
2. Всемирная программа действий в отношении инвалидов / un.org: официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog.shtml.
3. Конвенция о правах инвалидов // un.org: официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml.
4. Бронников В.А., Надьмова М.С. Глоссарий по комплексной реабилитации инвалидов. Пермь 2007 Программа сотрудничества ЕС и России (Тасис). С. 70.
5. Государственная программа «Доступная среда» на 2011–2015 годы от 17.03.2011 г. № 175 // consultant.ru: КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.10.2012).
6. Ильин И.В. Социальная структурация в транзитивном пространстве современного мегаполиса // Мир России. 2010. № 1. С. 89–125.
7. Imrie R. Barrired and Bounded Places and the Spatialities of Disability // Urban Studies. Vol. 38, No. 2. 2001. P. 232.
8. Goldsmith S. Designing for the Disabled: the new paradigm. Oxford: Architectural Press, 1997. 427 с.
9. Wylde M., Baron-Robbins A. and Clark S. Building for a Lifetime; the design and construction of fully accessible homes. Connecticut: TauntonPress, Newtown, 1994. 295 с.
10. Наберушкина Э.К. Город для всех: социологический анализ доступности городского пространства для инвалидов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. 14 (3). С. 119–139.
11. Kitchen R. and Law R. The Socio-spatial Construction of (In)accessible Public Toilets // Urban Studies. 2001. Vol. 38, No. 2. P. 287–298.
12. Atkins W.S. Older People: Their Transport Needs and Requirements, Department of Transport Local Government and the Regions (DTLR). London, 2001.
13. Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетея, 2005.
14. Gleeson B. Disability and the Open City // Urban Studies. 2004. Vol. 38, No. 2. P. 251.

Nikonova Anna A. Kazan State Medical University (Kazan, Russian Federation)

E-mail: anna-nik89@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/33/9

THE STATE PROGRAM «ACCESSIBLE ENVIRONMENT» AS CONDITION OF DISSOLUTION OF DISABILITY BARRIERS IN RUSSIA

Keywords: disabled people; free-barrier environment, accessible environment; accessibility; social policy of disability; barriers of disability.

The paper analyzes the programs, creating accessible environment at the experimental regions of Russia. The object of the survey is the state program «Accessible Environment» 2011-2015. The subject of the survey is implementation of the state program «Accessible Environment» 2011-2015 at the five experimental regions of Russia (Saratov region, Tver region, The Republic of Khakassia, The Republic of Tatarstan, The Udmurt Republic). The aim of the survey is analysis of implemented measures at specified regions within the framework of creating accessible environment (barrier-free environment). The tasks of the survey are: 1. To conduct historical excursus on creating an accessible environment and the development of sociological research. 2. To conduct a comparative analysis of

activities in the following areas: ensuring the accessibility of accommodation and living environment, transportation and transport services, sport buildings and services in the field of sport, cultural facilities and services in the field of culture, social welfare and services in the field of social welfare, accessibility of medical organizations, health care facilities and services in the field of medicine and public health; providing access to facilities of the educational system and the provision of educational services; providing access to objects in employment and provision of services in the field of employment and occupation; providing access to Internet resources, communication devices and services in the field of information and communication. The main research method is a comparative documentary analysis. Additional method is expert interview (with representatives of Tatarstan ministries and non-governmental organizations).

The main conclusion is an imbalance between large funding of some activities and low financing of some others. In addition, all of the programs implemented in the region, focused on the creation of accessible (or a barrier-free) physical environment. Regional agencies give a little attention to creating a positive attitude towards disabled people in society.

References

1. Chelpanova, P. (n.d.) *Vokrug sveta v kresle-katalke* [Around the world in a wheelchair]. [Online] Available from: http://www.peoples.ru/state/statesmen/rick_hansen. (Accessed: 25th November 2013).
2. UNO. (n.d.) *Vsemirnaya programma deystviy v otnoshenii invalidov* [The World Programme of Action Concerning Disabled Persons]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog.shtml.
3. UNO. (n.d.) *Konventsia o pravakh invalidov* [The Convention on the Rights of the Disabled]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml.
4. Bronnikov, V.A. & Nadymova, M.S. (2007) *Glossariy po kompleksnoy reabilitatsii invalidov* [The Glossary for comprehensive rehabilitation]. Perm: Perm State University. p. 70.
5. Russian Federation. (2011) *Gosudarstvennaya programma "Dostupnaya sreda" na 2011–2015 gody ot 17.03.2011 g. № 175* [State program № 175 "Available environment" for 2011–2015 of March 17, 2011]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (Accessed: 25th October 2012).
6. Ilin, I.V. (2010) Social Structuration in the Transitional Space of Russian Megapolis. *Mir Rossii – The Universe of Russia*. 1. pp. 89–125. (In Russian).
7. Imrie, R. (2001) Barrired and Bounded Places and the Spatialities of Disability. *Urban Studies*. 38(2). 2001. p. 232. DOI: 10.1080/00420980124639
8. Goldsmith, S. (1997) *Designing for the Disabled: the new paradigm*. Oxford: Architectural Press.
9. Wylde, M., Baron-Robbins, A. & Clark, S. (1994) *Building for a Lifetime; the design and construction of fully accessible homes*. Connecticut: TauntonPress.
10. Naberushkina, E.K. (2011) Gorod dlya vseh: sotsiologicheskiy analiz dostupnosti gorodskogo prostranstva dlya invalidov [City for All: the sociological analysis of urban space accessibility for disabled]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 14(3). pp. 119–139.
11. Kitchen, R. & Law, R. (2001) The Socio-spatial Construction of (In)accessible Public Toilets. *Urban Studies*. 38(2). pp. 287–298. DOI: 10.1080/00420980124395
12. Atkins, W.S. (2001) *Older People: Their Transport Needs and Requirements*. London: Department of Transport Local Government and the Regions (DTLR).
13. Bourdieu, P. (2005) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Translated from French by N.A. Shmatko. St. Petersburg: Aleteya.
14. Gleeson, B. (2004) Disability and the Open City. *Urban Studies*. 38(2). p. 251. DOI: 10.1080/00420980123531

УДК 314.74

DOI: 10.17223/1998863X/33/10

Н.П.Погодаев

**РИСКИ «КОЛОНИЗАЦИИ БУДУЩЕГО»:
РУССКИЙ АВОСЬ И ТАДЖИКСКИЙ ТАВАККАЛАН
В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТОМСКА**

Введение

Образовательная миграция из Таджикистана во второй половине нулевых годов XXI в. стала одним из существенных трендов взаимодействия России и Таджикистана в постсоветский период. В отличие от представителей трудовой миграции, молодёжь, которая едет учиться в российские университеты, не просто адаптируется к жизни в принимающем сообществе, но и вовлекается в процесс инкультурации. Идеальный тип образовательной миграции представлен процессами освоения значимых паттернов принимающего общества и русского языка в трёх его ипостасях – разговорного, письменного и профессионального арг, получения качественных знаний по изучаемому направлению, формирования устойчивых социальных связей в университетской среде. Эти процессы формирования человеческого капитала представляют собой, как пишет английский социолог Энтони Гидденс, «колонизацию будущего», т.е. открывают в дальнейшем для студентов из Таджикистана путь к дефицитным социальным ресурсам и на родине, и в Российской Федерации. Те, кто останется в России, станут частью её гражданской нации, пополняя ряды «новых русских азиатов» – выходцев из стран Центральной Азии, получивших высшее образование в России или добившихся здесь успеха в сфере бизнеса. Но реалии образовательной миграции далеки от идеального типа. Одной из причин трудностей, возникающих у некоторых студентов-мигрантов, является плохое владение русским языком. Эти проблемы рассматриваются в рамках теории «общества рисков», сформулированной в работах уже упоминавшегося Энтони Гидденса и немецких социологов Ульриха Бека и Никласа Лумана.

В статье анализируется статистика образовательной миграции из Таджикистана, сущность рисков, связанных с низким уровнем владения русским языком частью студентов из Таджикистана, причины отсутствия на протяжении почти десяти лет системы качественного обучения русскому языку студентов из этой страны, причины пониженной чувствительности студентов к существующим рискам и те ответы на упомянутые проблемы, которые постепенно формируются в практиках томских университетов.

В статье используются материалы индивидуальных глубинных интервью, проводимых автором данной публикации со студентами из Таджикистана, обучающимися в университетах Томска, руководителями таджикской диаспоры в сибирских городах, сотрудниками томских университетов и другими

представителями принимающего сообщества. Материалы интервью цитируются с сохранением лексических и грамматических особенностей речи респондентов. Это ещё один аспект метода кейс-стади – возможность показать степень владения русским языком студентами томских университетов из Таджикистана [22].

Тенденции образовательной миграции из Таджикистана

Данные университетов, органов региональной и федеральной власти позволяют проанализировать тенденции образовательной миграции в количественном отношении. Начиная с 2006 года, по данным на 1 октября, в университетах Томска было следующее количество студентов из Таджикистана [21](табл. 1).

Таблица 1

Университет	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Томский государственный университет (ТГУ)	2	5	13	10	19	16	21	20	28	46
Томский политехнический университет (ТПУ)	4	7	8	11	7	7	8	12	12	22
Томский университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР)	1	1	1	2	6	21	12	9	14	13
Томский государственный архитектурно-строительный университет (ТГАСУ)	0	0	0	0	0	14	39	28	36	31
Томский государственный педагогический университет (ТГПУ)	2	1	0	0	1	1	12	57	115	158
Сибирский государственный медицинский университет (СибГМУ)	0	1	1	1	1	2	2	3	3	5
Итого	9	15	22	24	34	61	94	129	208	275

Приток студентов из Таджикистана в томские университеты ставит вопрос о масштабах проблемы, о локусах подготовки специалистов из этой страны. Информация об этом, начиная с 2013/14 учебного года, может быть получена на сайте Министерства образования и науки Российской Федерации [18]. Эти данные позволяют сравнить количество студентов за последние два года [19](табл. 2).

Таблица 2

	2014 г.	2015 г.
Всего студентов из Таджикистана в высших учебных заведениях России	8777	11731
За бюджетные ассигнования федерального бюджета	3525	5146
По договорам об оказании платных образовательных услуг	5212	6517
На очной форме обучения	5709	8366
За бюджетные ассигнования федерального бюджета	3368	4935
По договорам об оказании платных образовательных услуг	2302	3365
На заочной форме обучения	2800	3049
За бюджетные ассигнования федерального бюджета	128	170
По договорам об оказании платных образовательных услуг	2675	2877
На очно-заочной форме обучения	268	316
За бюджетные ассигнования федерального бюджета	33	41
По договорам об оказании платных образовательных услуг	235	275
	2014	2015
Всего субъектов РФ	84	84
Количество субъектов РФ, в которых учатся студенты из Таджикистана	76	79
Количество субъектов РФ, в которых учатся 100 и более студентов из Таджикистана	20	29

Наибольшее количество студентов из Таджикистана обучается в Москве и С.-Петербурге (табл. 3).

Таблица 3

	2014г.	2015г.
Москва	1002	1131
С.-Петербург	740	798

По субъектам Сибирского федерального округа студенты из Таджикистана распределяются следующим образом (табл.4).

Таблица 4

Название региона	2014 г.	2015 г.
Республика Алтай	1	1
Алтайский край	228	389
Республика Бурятия	13	16
Забайкальский край	8	3
Иркутская область	139	167
Кемеровская область	359	454
Красноярский край	164	381
Новосибирская область	217	259
Омская область	12	20
Томская область	175	270
Республика Тыва	0	0
Республика Хакасия	6	4
Сибирский федеральный округ в целом	1322	1964

Как следует из приведенной таблицы, томские университеты по количеству студентов из Таджикистана занимали в СФО в 2014 и в 2015 гг. четвертое место.

По остальным федеральным округам в данной статье приводится информация лишь по субъектам РФ, в которых насчитывается 100 и более студентов из Таджикистана (табл. 5).

Таблица 5

Центральный федеральный округ		
Название региона	2014 г.	2015 г.
Воронежская область	202	211
Ивановская область	352	304
Костромская область	102	188
г.Москва	1002	1131
Московская область	177	142
Рязанская область	107	108
Тверская область	62	123
Тульская область	73	103
Ярославская область	241	295
Южный федеральный округ		
Название региона	2014 г.	2015 г.
Ростовская область	103	125
Северо-Западный федеральный округ		
Название региона	2014 г.	2015 г.
г.С.-Петербург	740	798
Уральский федеральный округ		
Название региона	2014 г.	2015 г.
Свердловская область	202	273
Тюменская область	146	321
Челябинская область	77	104
Приволжский федеральный округ		
Название региона	2014 г.	2015 г.
Республика Башкортостан	92	176
Республика Марий Эл	48	328
Республика Мордовия	1	155
Республика Татарстан	325	601
Нижегородская область	142	146
Пензенская область	52	188
Самарская область	210	359
Дальневосточный федеральный округ		
Название региона	2014 г.	2015 г.
Приморский край	89	121
Северо-Кавказский федеральный округ		
Название региона	2014 г.	2015 г.
Ставропольский край	66	149

Из приведенных данных видно, что студенты из Таджикистана учатся почти по всей России. Больше всего их в двух столичных городах, в университетах Центральной России, Поволжья, Урала и Сибири.

Риски рисков: предвосхищение будущих угроз

Проблемы, возникающие в процессе инкультурации студентов из Таджикистана в принимающем сообществе, можно рассматривать не только как собственно риски, но и как знание о рисках: «В классовых обществах бытие определяет сознание, в то время как в обществах риска сознание определяет бытие. Знание приобретает новое политическое значение. Соответственно политический потенциал общества риска должен раскрываться и анализироваться в социологии и теории возникновения и распространения знания о рисках» [1. С. 14]. У. Бек говорит, что «риски имеют дело с предвидением, с ещё не наступившими, но надвигающимися разрушениями, которые сегодня реальны именно в этом значении» [1. С. 22]. Н. Луман пишет, что «оценка риска и готовность принять риск – это проблема не только ментальная [psychische], но прежде всего социальная» [16. С. 136]. При этом он обращает внимание на проблему «отбора риска» – какой риск учитывать, а какой нет. Этим отбором управляют некие социальные факторы. Анализируя смысл понятия «риск» как неуверенность в будущем, Н. Луман использует дихотомию «риск/опасность» [16. С. 150]. Таким образом, риск рассматривается как некая проекция нынешних проблем в будущее. Вторжение в то временное пространство, которое ещё впереди, Э. Гидденс называет «колонизацией будущего». [3. С. 109]. Безусловно, современное образование является одной из активных форм этого процесса колонизации тех символических и материальных пространств, которые человек планирует присвоить. Отношения с будущим меняются именно в нынешнюю эпоху «поздней современности», говорит английский социолог. «Поскольку признается, что будущее, в сущности, непостижимо и оно все резче отделяется от прошлого, это будущее становится новым поприщем – пространством контрфактических возможностей. Будучи однажды определена таким образом, эта область открывается для колониального вторжения, опирающегося на контрфактическое мышление и исчисление риска». Если У. Бек рассматривает риск в основном применительно к экологическим и прочим техногенным проблемам, то Э. Гидденс смотрит на проблему шире, говоря, что рискам подвержены все стороны человеческого существования: «Любая деятельность, даже строго увязанная с установленными образцами, в принципе исчисляется в понятиях риска, т.е. поддается своего рода общей оценке степени ее рискованности с точки зрения возможных результатов» [3. С. 109].

«Роковые моменты» как основной временной локус риска в жизни студентов-мигрантов

Риск становится частью самоидентичности практически любого индивида, так как он в уже гораздо меньшей степени полагается на судьбу. Причем, по мысли мэтра, ощущение риска, реагирование на него происходят в «роковые моменты». Под такими моментами, скорее всего, следует понимать те ситуации, в которых человек уходит из привычных комфортных обстоятельств жизни, из уже наработанных и понятных ему повседневных практик и с большей или меньшей долей осознания переходит к чему-то новому – неизвестному, непонятному и потому рискованному, способному привести

как к успеху и улучшению того, что было создано в рамках его индивидуальных и социальных практик в прошлом, так и к негативным последствиям, которые не только не оправдают его надежд, но и вообще изменят жизненную траекторию в худшую сторону. Под «роковыми моментами» Э. Гидденс понимает «переходные моменты, последствия которых имеют ключевое значение не просто для будущей манеры поведения индивида, но для его самоидентичности. Ибо значимые решения, однажды принятые, перестраивают рефлексивный процесс самоидентификации, воздействуя на образ жизни индивида» [3. С. 133]. К такому «роковому моменту» – переходу от привычных практик к неопределенности – можно отнести и поступление таджикского студента в российский университет. «Роковые моменты – это время, когда обстоятельства сходятся таким образом, что человек оказывается как бы на перепутье своего существования, или когда человек узнает нечто, имеющее для него судьбоносное значение» [3. С. 110].

Русский язык для студентов-мигрантов: симбиоз «значимого» и «проблематичного»

Сущностной характеристикой «роковых решений», продуцирующих риск, по мнению Э. Гидденса, является соединение в них «значимого» и «проблематичного». Именно через призму этих понятий можно рассматривать проблему изучения таджикскими студентами русского языка во всех трёх его ипостасях – разговорном, письменном и профессиональном аргю. Значимость этой составляющей процесса инкультурации связана не просто с возможностью полноценных контактов с представителями принимающего сообщества, но и с качественным освоением множества учебных дисциплин, преподаваемых, естественно, на русском языке. Всё это непосредственным образом влияет на формирование человеческого капитала в его положительной и отрицательной ипостасях.

Обучение в университетах ведется преподавателями, использующими разные варианты лексического и образного ряда, обладающими разным качеством произношения. Респондентка – преподаватель университета, обращает внимание на то, что иностранец в гораздо большей степени, нежели россиянин, выросший в русскоязычной среде, зависит от качества дикции преподавателя: *«... ко мне подошел один мужчина (преподаватель. – Н.П.), говорит, что вьетнамцы вообще не понимают ничего, они вообще не понимают русский язык (респондентка изобразила крайне неразборчивую шепелявую речь собеседника). Я так вот стою, слушаю, думаю: «Ну так вот и я же не понимаю тебя, дорогой» [7].* Немалое значение имеет даже темп речи преподавателя, так как в начале обучения многие студенты из Таджикистана невольно переводят услышанное на родной язык. При ведении конспекта лекции все эти переменные отражаются на уровне восприятия и фиксации информации. Плохое знание языка студентами из Таджикистана может иметь мультипликативный эффект: непонимание некоторых слов и образных выражений ведет к утрате смысла получаемой информации; возникающие трудности при сокращении информации в ходе конспектирования ведут к избыточной психологической напряженности. Всё это может вести к отказу от конспектирования (в качестве защитной реакции) и порождать проблемы при подготовке

к семинарам, зачетам и экзаменам. По свидетельству преподавателя: *«Их лекции ... они хуже, чем у тех, кто из дальнего зарубежья учат специально русский язык в больших объемах. То есть невозможно прочитать – вот у меня где-то есть ксерокс – копия лекции студента – там вообще невозможно понять, что он пишет. Если у него не сформировано фонематическое письмо, например, на русском языке ... даже когда записывает, он записывает не те буквы. Естественно прочитать он потом не может»* [7]. Значимость качественного освоения русского языка связана с затратой больших временных, интеллектуальных и материальных ресурсов, необходимых для формирования профессиональных знаний и человеческого капитала в целом. Но плохое владение русским языком во многом обесценивает затрачиваемые ресурсы.

Надежда на авось / таваккалан

Проблематичность освоения русского языка складывается из целого ряда составляющих. Среди них и языковая ситуация в Таджикистане, где русский всё больше уходит из сферы бытового общения; и значительное отличие грамматической основы двух языков (в таджикском, например, нет грамматического рода и потому таджики часто путают «он» и «она»); и «фантом былого билингвизма», когда на студентов из Таджикистана, родившихся уже после распада Советского Союза и исхода из республики русских, по-прежнему смотрят как на граждан Таджикской ССР, где все жители так или иначе владели русским языком. Кроме того, формально нет оснований учить студентов из Таджикистана русскому языку: *«Считается, – говорит преподаватель университета, – что они знают русский язык, он у них стоит в аттестатах. Их сюда принимают, потому что у них есть оценка по русскому языку»* [7]. Все эти причины носят скорее объективный характер. Но есть и ещё одна причина проблематичности освоения русского языка студентами, которая является скорее проблемой субъективного свойства – бытующая и в русской, и в таджикской культурах надежда на благоприятное стечение обстоятельств, которое должно компенсировать отсутствие институализированных мер и собственных усилий индивида. По сути, это хорошо известная «надежда на авось» в русском образном и лингвистическом ряду. Подобные термины, отражающие сходное мировосприятие, есть и в таджикском: *авось, не опоздаем – шояд дер намонем; на авось – таваккалан; идти (положиться) на авось – таваккал кардан; авось пронесёт – натиҷ, ааш шояд ба хайр бошад; авось поможет – эх, тимол ба манфияти мо бошад и т.п.* В языке таджиков, живущих в Горнобадахшанской автономной области, есть слово «ногин» («авось»). Если операционализировать этот образный ряд, то можно выделить вполне конкретные составляющие не обоснованных чем-либо надежд на благоприятное стечение обстоятельств по овладению русским языком. Во-первых, у студентов из Таджикистана, где в школах так или иначе изучается русский язык, возникает надежда, что они его знают. Чаще всего у тех, кто поступает в российские университеты, на уровне разговорной лексики это и подтверждается. Тем более что, попав в Россию, они улучшают лексический ряд. В этой ситуации многие из них не обращают внимания на качество владения русской грамматикой, на русский язык в его письменном

выражении, на глубину понимания русского литературного языка со всей его образностью, многозначностью слов и переносом смыслов. Ещё меньше они задумываются, видимо, о специальном тезаурусе своей специальности, который исторически сформировался в определенной предметной и понятийной среде. Поверхностное знание языка становится препятствием в освоении не только русского письменного, но и профессиональной тематики. Во-вторых, проведение в университетах массовых «ритуальных» тестирований по методикам РКИ (русский как иностранный) лишь усугубляет проблему, формируя у части студентов ошибочную уверенность в том, что, претендуя на получение полновесного университетского образования, можно не прилагать особых дополнительных усилий для более качественного освоения русского языка. Студент-старшекурсник одного из технических университетов Томска в ответ на вопрос о том, ходил ли он на дополнительные занятия по русскому языку, говорит: *«Не, не ходили, там, просто у нас тестирование прошло, кто нормально тестирование проходил, им, сказали, не надо. Мы написали очень... на среднее написали, и нам сказали, не надо. И мы, каждый раз там вот на всяких лабораторных, конференциях участвовали и активно в университете образ жизни проводили, и из-за этого свободно разговариваем»* [9]. В-третьих, ситуация во многом зависит от отношения к этой проблеме в университетах. Здесь также может возобладать надежда на то, что студенты из Таджикистана *авось понимают* то, что слышат на лекциях и семинарах. Хотя, говорит респондентка, *«... они не всё понимают, иногда приходится медленнее проговаривать, потому что я вижу, что они замирают, когда что-то там быстро говорят»*. И продолжает, рассказывая об учёбе конкретного студента из Таджикистана: *«... тяжело ему давалось само произношение – я его через раз понимала»* [8].

Отсутствие серьезной рефлексии по поводу необходимости дополнительной работы со студентами из ближнего зарубежья, плохо владеющими русским языком, не способствует созданию в университетах системы, которая позволяла бы студентам из Таджикистана эффективно учить русский с первого дня занятий в университете. Магистрантка из Таджикистана в одном из томских университетов говорит: *«...Ну, как я приехала, я говорила, что я затрудняюсь по поводу языковой и я понимаю очень хорошо, но я не могу выражать своего мысля, как я хочу, как я понимаю, потому что мне хватает этого. Ну, мне посоветовали, что есть такой курс русского языка в нашем университете, мне познакомили с преподавателем. Э-э-э...этот преподаватель со мной пообщалась. А...она говорила, что, «моя группа состоит из китайцев»... очень более, такой, как называется... «на уровне моего студента, Вы на один ступенька выше»; поэтому Вы зря своего время тратите, с моими студентами ходите, потому что они изучают слова еще, а Вы очень много слов знаете, но просто Вы на втором ступеньке, а до этого еще мы не прошли. Так что у меня группа, к которой меня поставили, не соответствовала, поэтому ... я сама начинала самостоятельно учить»* [11]. Из-за плохого знания языка трудности возникают при подготовке к семинарским занятиям, когда необходимо прочитать материал, осмыслить его и выступить на занятии. Иногда, говорит респондентка, можно рассчитывать на помощь одногруппников, хотя и не всегда: *«... что будет непонятно, обращаюсь культурно,*

они объясняют всё. Если не хотят, то говорят: “не смогу”, или “забыла”, “ой, я сама не знаю, спроси другого”. Это нормально, я думаю». [11].

Проблематичность освоения русского языка может выражаться в форме отставания в учёбе, увеличения количества всякого рода «долгов» по зачётам, экзаменам и курсовым работам, в форме общей фрустрации. Последняя связана с тем, что, не владея свободно языком, студент не в состоянии расширять свой профессиональный кругозор в приоритетной профессиональной сфере. Этот процесс замещается поиском неких упрощенных алгоритмов профессиональной деятельности на предметном поле: «Я-то думал, – говорит один из респондентов, – что они подскажут, как мне или нам, группе, как войти в ...международную среду бизнеса, как... показать входы и выходы.... как создать свою компанию, там, например. И как войти в рынок, быть конкурентоспособными. Ну, мне этого не хватает реально... А про реальное вхождение, там, например, так-то нам ничё не говорят ...» [12]. Неудовлетворенность результатами учебного процесса, которая чувствовалась в ответах респондента, с его точки зрения, объяснялась тем, что его не научили тому, как быть эффективным специалистом, который мог бы получить хорошую работу в таджикских или российских госструктурах или в сфере частного консалтинга. Не объяснили, как стать участником престижных международных товарных или финансовых рынков. Его рефлексия, видимо, не предполагала, что освоение специальности, присвоение профессионального пространства требует более серьезных усилий в теоретической и практической областях, что связано в том числе и с более глубоким знанием русского языка.

Недостаточно хорошее владение языком может отражаться и на отношении российских студентов к студентам-мигрантам. В целом университетская среда весьма толерантна и, по мнению респондентов-преподавателей, какого-либо отчуждения между местными студентами и студентами-мигрантами не заметно. Но сами таджики порой по-иному оценивают отношения в студенческой группе: «Начинается пара и говорят: разделитесь по группам, чтобы сделать задание. Получается так, что ты попадаешь в группу и те, кто с тобой в группе, ну, мимикой, не знаю, тоном разговора тебе дают ясно понять, что мы, вот, будем работать, а ты ничего не сделаешь, потому что, ну, как бы ты не шаршишь, не знаешь ... бывали такие моменты, что вот приходилось ... говорить, что ну зачем, если не хотите, то я буду, ну как бы даже один работать, но не надо вести себя так» [10].

Причины пониженной чувствительности к рискам в среде студентов-мигрантов

Сохранение проблемы «плохого русского языка» в период учебы в университете в латентном состоянии связано с тем, что Э. Гидденс называет «приемлемыми границами» риска [З. С. 120]. Работы Э. Гидденса и У. Бека не являются настольными книгами студентов, они не мыслят по поводу своего будущего в категориях риска. На уровне повседневных практик студенты из Таджикистана воспринимают ситуацию с русским языком, скорее, как некие трудности, носящие преходящий характер. То есть не выделяют проблему с русским языком из общего континуума проблем студенческой жизни.

Эта проблема вписывается в целостную картину рисков, существующих в период учебы. Всё это выступает неким защитным фоном, «защитным коконом», как говорит Э. Гидденс, верой студентов из Таджикистана в то, что сам факт учебы в российском университете гарантирует им реалии, которые рассматриваются в качестве символов успеха: жизнь в стране с более высоким уровнем жизни, наличие в этой стране рабочих мест с хорошим заработком, успешное трудоустройство в Таджикистане при наличии российского диплома, доступ к другим дефицитным жизненным ресурсам. «Защитный кокон», о котором говорит Э. Гидденс, характеризуя пониженную чувствительность людей к рискам, представлен для студента из Таджикистана не только той институализированностью студенческой жизни, которая существует для любого-каждого российского студента, но и сравнением уровней жизни двух стран и подспудной верой в то, что после окончания университета он окажется не на бирже труда в Таджикистане, а на высокооплачиваемой работе в России. «Оценка риска по большей части происходит на уровне практического сознания», – отмечает английский социолог [3. С. 121]. Нарушение «защитного кокона», встреча студента-мигранта с более жесткой реальностью могут произойти либо в период обучения в университете, если уровень качества его знаний окажется ниже допустимых пределов, либо в послеуниверситетский период поиска хорошей работы, хорошего заработка и доступа к иным дефицитным ресурсам. Трудоустройство выпускников университетов является большой, болезненной проблемой, говорит один из руководителей таджикской диаспоры в крупном промышленном центре Сибири: *«...здесь, вот, в нашем крае вот такая проблема, что иностранные студенты, которые заканчивают, сложно ... в дальнейшем работать здесь. Потому что не берут таких, не каждого берут, и не каждый может по профессии работать... Это очень большая головной бол для нас тоже, для молодёжь, потому что мы сколько лет учились здесь, заканчивали, да, мы не можем здесь по диплому работать уже»*. На вопрос о причинах сложившейся ситуации, респондент сказал: *«Вот это проблема власти»* и добавил: *«Увидят – не русский... Такая проблема существует и здесь существует»* [13].

Ощущение риска уменьшается, если результаты происходящего отсрочены, пишет Э. Гидденс: *«Риск, далекий от повседневного контекста жизни индивида – такой, как риск со значительными последствиями, – также может быть вынесен за скобки Umwelt'a (среды – нем. – Н.П.)*. Иначе говоря, связанные с таким риском опасности кажутся человеку слишком далекими от его собственных дел, чтобы серьезно задумываться об их возможности» [3. С. 124–125]. Будучи погружен в повседневные практики студенческой жизни, ощущая улучшение жизни по сравнению с тем, что было на родине, студент из Таджикистана воспринимает возможные проблемы с языком как нечто, очень отдаленное и потому не требующее немедленного реагирования. Он надеется, что всё *«авось–таваккалан»* как-нибудь образуется само собой. Хотя предчувствия будущих неудач могут подспудно существовать и беспокоить. Тем более что речь идет о сфере институционального риска, а не простой случайности. И потому требует не просто надежды на провидение, а институализированных и персонализированных усилий. Их суть – преумножение человеческого капитала, необходимого на конкурентном поле

послеуниверситетских реалий, на конкурентном рынке труда, который представляет собой универсальную независимую систему. Студент способен присвоить в будущем определенное символическое и материальное пространство лишь в том случае, если обладает необходимым качеством человеческого капитала. Многие, конечно, вернутся в Таджикистан, где диплом российского университета является хорошим стартовым капиталом для трудоустройства. Но и там могут возникнуть проблемы, если диплом не подкрепляется хорошей профессиональной подготовкой: *«У ребят нету практики. Учеба одно, а практика – другое. Во время учебы прохождение практики они за это короткое время они не могут... я считаю так, что ребята не готовы»* [13].

Риски формирования отрицательного человеческого капитала в среде студентов-мигрантов

Оставаясь в России, выпускник университета, не получивший подготовки должного качества, так или иначе будет сталкиваться с негативными последствиями сложившейся ситуации. Своё стремление к «колонизации будущего» он, возможно, будет реализовывать иными средствами, нежели его более успешные однокашники: либо замыкаясь в национальном анклав, либо пытаясь добиться изменения существующего положения с помощью различных нелегитимных способов. Здесь он, скорее всего, может обратиться к существующим образцам – участию в криминальных структурах или в террористических формированиях. То есть нерешенная проблема индивида выходит на более широкий план и становится проблемой для общества: «Роковые моменты обнажают высокосignификантный для индивида риск, сопоставимый и с риском, характерным для деятельности сообщества» [3. С. 111]. В близком контексте на эту проблему обращает внимание известный германский политик, бывший сенатор Берлина Тило Саррацин, когда говорит о том, что исламские террористы «редко были выходцами из бедных семей и зачастую посещали колледж или университет» [23. С. 244]. В подобной ситуации возникает феномен отрицательного человеческого капитала. То есть некоего сформировавшегося запаса «... особенных и специфических знаний, псевдознаний, навыков, моральных и психологических отклонений индивидуума, позволяющих ему получать для себя доходы и другие блага за счет противоправной, аморальной, мошеннической или некомпетентной деятельности, мешающей созидательной деятельности других лиц и созданию ими новых благ и доходов» [15. С. 9]. Наиболее интенсивно отрицательный человеческий капитал может себя проявлять в определенные кризисные для общества и личности моменты.

Ответы на риски: новые вызовы для университетов

Берясь за обучение иностранных студентов, университеты принимают на себя дополнительные обязанности по адаптации образовательного процесса к потребностям этого контингента. В отношении студентов из дальнего зарубежья данная парадигма отрефлексирована. Но студенты из ближнего зарубежья всё ещё воспринимаются иначе. Известно, что суждение о надежности системы выносится по состоянию её наиболее слабого звена. В существующей ситуации происходит нечто обратное. О знании русского языка скорее

судят по тем студентам-мигрантам, которые выросли в русскоязычной среде и хорошо им владеют. Это прежде всего студенты из Казахстана и Киргизии. Поэтому институциональной основой для возникновения вышеупомянутых рисков является недостаточное внимание к обучению студентов из Таджикистана русскому языку. По свидетельству респондента-преподавателя одного из томских университетов, количество часов по русскому языку для студентов из ближнего зарубежья в разы отличается от нагрузки по этому предмету для студентов из дальнего зарубежья: *«Чтобы учиться в российском университете, нужен уровень не менее Б-1. Это 600–700 часов русского языка как иностранного... А у них вот эти 120 часов»* [7]. Это ведет к тому, что некоторые студенты из Таджикистана чувствуют себя на занятиях первые годы весьма некомфортно: *«Им тяжело – они и у студентов спросить не могут – я не знаю – бояться или ещё что-то. И у преподавателя тоже (не спрашивают. – Н.П.) – такой вот страх. Я говорю, хорошо, когда понимают преподаватели и стараются их как-то настроить: подойди ко мне, спроси у меня»* [8].

Разные университеты Томска находятся на разных стадиях решения проблемы. В одном из них, как говорит респондент, найден реальный механизм улучшения ситуации: *«В прошлом году, когда эта тема возникла, мы организовали для этих студентов первый раз платные курсы по русскому языку – с минимальной ценой – меньше ста рублей час ... вместо курса «Русский язык и культура речи». А в этом году мы уже заранее похлопотали и вместо дисциплины «иностранный язык» мы ввели русский язык по результатам тестирования»* [7]. Результаты того тестирования показали, что *«тридцать человек почти сдали русский язык на уровне А-1, то есть элементарный. То есть у них нет грамматики и нет лексики никакой, кроме как элементарной. Они говорят еле-еле»* [7]. (Интервью было записано в феврале 2016 г.)

В 2015 г. для новаций в обучении студентов из ближнего зарубежья русскому языку появилось правовое основание. Министерство образования и науки РФ выпустило письмо «Об обучении иностранных граждан русскому языку как иностранному» от 23 января 2015 года N ВК-74/05. В нём, со ссылкой на Закон № 273-ФЗ, даётся разъяснение, что Федеральный государственный образовательный стандарт «предоставляет ряд <http://docs.cntd.ru/document/902389617> возможностей для освоения иностранными студентами русского языка как иностранного» [17]. Речь идет о том, что, во-первых, в качестве иностранного языка (например, английского) может изучаться и русский язык. Во-вторых, университеты могут по своему усмотрению использовать в этих целях вариативную часть ФГОС. В-третьих, русский язык может изучаться на факультативах за пределами основной образовательной программы. В-четвертых, университетами могут создаваться он-лайн курсы для изучения русского языка иностранцами ещё до поступления в высшее учебное заведение.

На обучении студентов из ближнего зарубежья может сказываться и то, что информация о гражданстве студентов есть у руководства университетов и в деканатах, но преподаватели об этом знают не всегда: *«Может быть, недоработка ... деканата, – говорит представитель администрации одного из томских университетов, – потому что мы не сообщаем ... преподавате-*

лю, что вот в вашей группе гражданин ... Таджикистана, будьте любезны хоть как-то к нему по-другому относиться. Наверно, надо будет просто вот здесь поставить такую задачу...» [8].

Помощь студентам из ближнего зарубежья в освоении русского языка является лишь одним из аспектов весьма сложной и многогранной проблемы приспособления принимающего сообщества к образовательной миграции. Толчком к обсуждению этой темы становятся повседневные практики, которые привносят в жизнь университетов новое видение ситуации: «... Я как-то зашла (в аудиторию. – Н.П.), – говорит преподаватель университета, – стоит у меня на таблице Менделеева ... студент – молится, совершает намаз... Надо было коленочками на что-то встать, коврика не было. Что-то вот случилось – надо было человеку. Тут же китаянка, тут же другие студенты, они ему не мешают, он себе в уголочке. Я развернулась, вышла – думаю, надо, значит надо, что тут можно сделать» [7].

Окончив университеты, «новые русские азиаты» могут пережить ещё один «роковой момент» в своей жизни – момент выхода на российский рынок труда. Они окажутся в совершенно иной социальной страте России. Пока они были студентами, на них распространялся лимит толерантности. Это обусловлено тем, что, во-первых, студенты-иностранцы локализованы в университетах и студгородках. Во-вторых, юный возраст распространяет на них образ «детей» со всеми соответствующими предпочтениями. В-третьих, они если и присутствуют на рынке труда, то в качестве весьма удобной для предпринимателей рабочей силы (с гибкой занятостью, невысокой оплатой труда и низким уровнем социальной защиты и социальных притязаний). Но после окончания университетов они будут лишены защитного кокона студенческого статуса, на них могут распространиться те или иные характеристики социального клеймения. И плохое знание русского языка может быть одним из основных провоцирующих обстоятельств. Трактую проблемы трудоустройства, каждая из сторон может выдвигать свой аргумент: работодатель – профессионализм, наёмный работник – национальный фактор. «У меня племянник закончил ТУСУР, говорит представитель таджикской диаспоры Томска, – ... Ну, и находит ... работу, там испытательный срок. На испытательном сроке он показывает себя достаточно... ну, достаточно хорошо. А ... напарник отстает от него, ну там за какой-то определенный период надо больше установок запустить, он отстает, и в результате потом руководитель говорит, что ты не прошел испытательный срока, мы, мол, тебя не берем. А была причина именно в зависти и то, что он нерусский, а хотя он хороший специалист» [14]. Другой респондент рассказал о трудоустройстве в Томске студента из Юго-Восточной Азии: «Вьетнамец, о котором я говорил ... ещё будучи студентом устроился – он РВП получил и устроился... Вообще вьетнамца бы не взял никто – если вот к таджикам такое отношение представлять, да. А он вообще кто такой – вьетнамец. И русский у него ещё хуже, чем, да, у таджика, я думаю. Но при этом он неплохой специалист был по компьютерам там, программировал что-то и его взяли в фирму... в Академгородке... Он конкретно занимался базой данных по нашим медицинским учреждениям. То есть ему доверили большую серьезную работу, будучи ещё студентом. Так что вот эти все претензии, что не берут на работу, они

неправильные, нет. И платили ему нормальные деньги, официально устроил-ся, вообще проблем нет... Большие скажу, сейчас, допустим, учебные заведения они только «за» обеими руками. Вы ведь знаете, что сейчас один из показателей – сколько иностранных специалистов у вас работает. Если он иностранный специалист замечательный, хороший, то его возьмут и будут платить больше, чем русскому» [6].

Риски образовательной миграции вообще и из стран Центральной Азии в частности могут быть связаны в будущем с преобразованиями российской университетской системы. Пока количество иностранных студентов в общей массе студентов относительно невелико, а количество бюджетных мест достаточно большое. Тем не менее часть представителей принимающего общества уже сейчас в ходе интервью интересуются, за счет каких ресурсов идет обучение иностранцев. Одна из респонденток сказала, что заинтересовалась образовательной миграцией из ближнего зарубежья, когда её сын заканчивал школу и собирался поступать в университет: *«Я начала эту тему прорабатывать, что и как происходит и вдруг я косвенно начала понимать ...что есть эээ...некий поток молодых людей из... стран, скажем так, ближнего зарубежья...которые каким-то образом попадают в наш университет».* По информации, которую респондентка получила от своих университетских знакомых, как она говорит, среди иностранных студентов были и сильные, и те, у кого *«... по русскому все пятерки, а человек двух слов связать не может».* Респондентка сама некогда окончила один из томских университетов, относится к числу руководителей среднего звена и является достаточно типичным представителем принимающего сообщества Томска. *«...Я их воспринимала как конкурентов моему ребенку, который, как я бы хотела, поступил (бы – Н.П.) на бюджетное место и если на эти бюджетные места претендуют люди из-за границы, мне это, конечно, очень не понравилось... я, например, считаю, что в первую очередь надо финансировать талантливых людей местных... Почему, это просто пример, берут таджикского мальчика, его финансируют, а русского мальчика не финансируют. Вот это непонятно [5].*

Если сфера качественного высшего образования в России будет сужаться, а количество иностранных студентов – увеличиваться, то вопрос об источниках финансирования их обучения будет актуализироваться и обостряться. Не исключено, что рано или поздно вопрос будет поставлен так, как он прозвучал в Германии из уст председателя ХДС Земли Северный Рейн-Вестфалия Рутгерса в ходе одной из острых полемик по поводу привлечения в Германию мигрантов из Индии – «Kinder staat Inder». То есть «Наши дети вместо индийцев» [20, 188]. Чтобы понять глубину этой фразы, надо учесть, что Юрген Рутгерс относится к числу тех германских политиков, которые выступали за возвращение к социальной рыночной экономике, то есть к реалиям, существовавшим до перехода правящих элит Европы и США к политике неолиберализма и свёртывания целого ряда значимых социальных программ «государства всеобщего благоденствия». В нынешних реалиях это достаточно популистский лозунг левого спектра. Он вполне может быть востребован теми или иными силами и в политической жизни России.

В принимающем обществе начинает ставиться вопрос о новом отношении к выходцам из ближнего зарубежья, получающим российское гражданст-

во и остающимся в России на постоянное жительство. Об этом шла речь на «круглом столе» в Красноярске в декабре 2015 года. По мнению руководителя одного из Центров социальной и культурной адаптации мигрантов, *«если раньше мы всё-таки отталкивались, как и всё европейское сообщество, в том числе и мы, от понятия поликультурности, то сейчас в определение адаптации мигрантов вводятся всё-таки такие понятия, как изменение психологических установок и стереотипов и встраивание в систему общественных и межэтнических связей. А это уже процессы достаточно сложные, глубинные, которые требуют ...постоянного отслеживания, мониторинга, изучения... и на психологическом уровне, и на лингвистическом уровне, и на экономическом...»* [4]. Но возникает вопрос о том институциональном инструментарии, который может использоваться принимающим обществом для решения этой задачи. В ходе упомянутой дискуссии в Красноярске было отмечено, что, *«к сожалению, во многих вузах сегодня у нас фактически везде закрыты Подготовительные отделения. Во всех европейских вузах любой иностранный студент первое, что он сделает, он пройдет Подфак, сдаст экзамен по языку той страны, в которой он обучается, только после этого он имеет право поступить в вуз»* [4].

Заключение

Статистика свидетельствует о росте образовательной миграции из Таджикистана. Индивидуальные глубинные интервью со студентами-мигрантами и мнение преподавателей университетов говорят о том, что многие студенты из Таджикистана приезжают с плохим знанием русского языка. Поступление в томские университеты становится для таджикской молодёжи переломным моментом, связанным с переходом от сложившихся на родине практик к неопределённости. Кто-то из нынешних студентов-мигрантов вернется в Таджикистан, кто-то останется в России, пополняя ряды «новых русских азиатов» – выходцев из Центральной Азии, добившихся в России заметных результатов. Одним из ключевых условий их инкультурации является хорошее владение русским языком. Кроме объективных причин, затрудняющих выполнение этой задачи, есть и субъективная – *надежда на авось* или, как скажут таджики, *таваккалан*. Находясь в «защитном коконе» студенческого статуса, молодёжь из Таджикистана плохо представляет себе грядущие проблемы социализации на рынке труда в России. Разделение студентов на дальнее и ближнее зарубежье до недавнего времени не позволяло университетам использовать в подготовке бакалавров и магистров из Центральной Азии те же механизмы и программы, которые существуют для студентов из Юго-Восточной Азии, Африки и Латинской Америки. Но реакция Министерства образования и науки Российской Федерации на эту проблему дала возможность начиная с 2015 г. учить, в случае необходимости, русский язык в качестве иностранного взамен традиционно занимающих эту нишу европейских языков. Теперь всё зависит от того, как университеты смогут воспользоваться этой возможностью. Вузы являются именно тем социальным институтом, который призван отвечать на многие вызовы времени. В том числе уменьшать риски, создаваемые появлением в составе российской гражданской нации людей с низким потенциалом инкультурации и способных вы-

звать к жизни то, что Э. Гидденс называет «непреднамеренными и непредвиденными последствиями человеческих действий», – фрустрацию, неприязнь к принимающему сообществу, поиск выхода из создавшегося положения в составе криминальных или террористических группировок [2. С. 27]. Как минимум годичное полноценное обучение студентов из ближнего зарубежья на подготовительных отделениях может помочь избавиться от надежды на авось/*таваккалан* и значительно повысить качество обучения студентов из Центральной Азии. Опыт томских университетов в этом направлении может совершенствоваться во взаимодействии с другими вузами России.

Обучение иностранных студентов способно обострить рефлексию среди коренного населения российских регионов по поводу использования бюджетных средств на образование. Но этот конфликт традиционалистского менталитета и процессов глобализации вряд ли может помешать стремлению российских университетов примерить на себя опыт развитых стран по привлечению талантливой молодёжи. Если для государств Центральной Азии стремление молодёжи получить образование в российских университетах является признаком развития, то для российских университетов обучение иностранных студентов, кроме всего прочего, является и механизмом уяснения своего места на международном рынке образовательных услуг и значимым фактором формирования совершенно новых качеств открытого принимающего общества, привлекательного для молодёжи разных стран и континентов. Но качество образования студентов-мигрантов, их инкультурация в данном контексте имеют принципиальное значение. Если Н. Луман в работе «Понятие риска» отдаёт предпочтение дихотомии «риск/опасность», то в нашем случае предпочтительнее упоминаемая им дихотомия «риск/надёжность». [16. С. 150]. То есть снижение рисков связано с повышением надёжности работы системы образования. «Мягкая сила» образования – один из самых надёжных инструментов «колонизации будущего» в постколониальную эпоху.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
2. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с. [Электронный ресурс] :URL: <http://gigabaza.ru/doc/69733.html> (дата обращения: 17.10.2015).
3. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. Вып. 5. С.107–134.
4. Круглый стол «Адаптация мигрантов – фактор цивилизованного общества» // V Международная научно-практическая конференция «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы». Сибирский федеральный университет (г. Красноярск) 30 ноября – 2 декабря 2015 г. Архив автора
5. Интервью ЖТ-1 – Архив автора.
6. Интервью ПАУ-3 – Архив автора.
7. Интервью ПАУ-4 – Архив автора.
8. Интервью ПАУ-5 – Архив автора.
9. Интервью СТТ-2 – Архив автора.
10. Интервью СТТ-4.1 – Архив автора.
11. Интервью СТТ-5 – Архив автора.
12. Интервью СТТ-7 – Архив автора.
13. Интервью ТДКр-1 – Архив автора.
14. Интервью ТДТ-6 – Архив автора.

15. Корчагин Ю. Человеческий капитал – интенсивный социально-экономический фактор развития личности. [Электронный ресурс]. URL: <http://psy.hse.ru/orgps/humancapital> (дата обращения: 12.02.2016).

16. Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. Вып.5. С.135–160.

17. Министерство образования и науки Российской Федерации. Письмо от 23 января 2015 года N ВК-74/05 «Об обучении иностранных граждан русскому языку как иностранному». [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420258447> (дата обращения: 10.02.2016).

18. Министерство образования и науки Российской Федерации. Департамент стратегии, анализа и прогноза. [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/министерство/статистика/информация-2014> (дата обращения: 3.01.2016).

19. Министерство образования и науки Российской Федерации. Департамент стратегии, анализа и прогноза. [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/министерство/статистика/информация-2015> (дата обращения: 16.01.2016).

20. Окольский М. Наступающие цивилизации, уходящие цивилизации на закате XIX века. Взгляд с точки зрения демографии // Мир в зеркале международной миграции. Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир. М., 2002. Вып. 10. С. 175–195.

21. Основные результаты деятельности системы высшего и профессионального образования Томской области. 2015. [Электронный ресурс (дата обращения: 05.01.2016)].

22. Погодаев Н.П. Стратегия «Кейс-стади» при изучении проблем социально-культурной адаптации студентов из Таджикистана в университетской среде Томска // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. С. 232–248.

23. Саррацин Т. Германия: самоликвидация : пер. с нем. М.: Рид Групп, 2012. 400 с.

Используемые аббревиатуры

ЖТ – житель Томска.

ПАУ – представитель администрации университета.

СТГ – студент-таджик из Таджикистана.

ТДКр – руководитель или активный член таджикской диаспоры в Красноярске.

ТДТ – руководитель или активный член таджикской диаспоры в Томске.

Pogodaev Nikolai P. the candidate of historical sciences, the senior lecturer of department of social work of Tomsk state university

E-mail: nik-pogodaev@yandex.ru

DOI: 10.17223/1998863X/33/10

THE RISKS OF ‘COLONIZING THE FUTURE’: THE RUSSIAN AVOS’ AND TAJIK TAVAKKALAN IN THE UNIVERSITY SPACE OF TOMSK

Keywords: risks, migrant students, new Russian Asians, fateful moments, avos’ / tavakkalan.

The steady growth of educational migration from Tajikistan to Russia and issues of enculturation of migrant students who are likely to stay in Russia raise the question of improving Russian language learning. The article, drawing on methodological approaches laid out in E. Giddens’s, U. Beck’s and N. Luhmann’s work, studies this question through the prism of ‘risk’. The habit of relying on avos’ / tavakkalan or hope that things will somehow work out on their own is considered the subjective reason behind poor knowledge of the Russian language. It is believed that the quality of human capital acquired over the years at the university may result in the division of migrant students from Tajikistan into the successful ‘new Russian Asians’ who got well educated in Russia and achieved a lot and those who found themselves on the sidelines of life because of poor education. The latter may start harboring bad feelings toward the host society and join criminal or terrorist groups. The decision of the Russian Ministry of Education and Science making possible the learning of the Russian language instead of a foreign one is seen as a tool which will help better the quality of education. The article draws on in-depth individual interviews conducted by the author with students from Tajikistan, leaders of the Tajik diaspora in Siberian cities, and the faculty of Tomsk universities as well as other host society members. It is written in the framework of the project ‘Man in a Changing World. Identity and Social Adaptation: Past and Present’ (the Russian government grant #14.B25.31.0009).

References

1. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern* [Risk Society. On the way to another modernity]. Translated from German by V. Sedelnik, N. Fedorova. Moscow: Progress-Traditsiya.
2. Giddens, A. (1999) *Sotsiologiya* [Sociology]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.
3. Giddens, A. (1994) Sud'ba, risk i bezopasnost' [The fate, risk and safety]. *Thesis*. 5. pp.107–134.
4. Siberian Federal University. (2015) Adapting migrants as a factor of the civilized society: Proc. of the discussion. *The Fifth International Research Conference "The specifics of ethnic migration in Central Siberia in the 20th – 21st centuries: Experience and prospects*. Krasnoyarsk. November 30 – December 2, 2015. From the author's archives. (In Russian).
5. Interview VT-1. From the author's archives. (In Russian).
6. Interview PAU-3. From the author's archives. (In Russian).
7. Interview PAU-4. From the author's archives. (In Russian).
8. Interview PAU-5. From the author's archives. (In Russian).
9. Interview STT-2. From the author's archives. (In Russian).
10. Interview STT-4.1. From the author's archives. (In Russian).
11. Interview STT-5. From the author's archives. (In Russian).
12. Interview STT-7. From the author's archives. (In Russian).
13. Interview TDKr-1. From the author's archives. (In Russian).
14. Interview TDT-6. From the author's archives. (In Russian).
15. Korchagin, Yu. (n.d.) *Chelovecheskiy kapital – intensivnyy sotsial'no-ekonomicheskiy faktor razvitiya lichnosti* [Human capital as an intensive socio-economic factor of personality development]. [Online]. Available from: <http://psy.hse.ru/orgps/humancapital>. (Accessed: 12th February 2016).
16. Luman, N. (1994) Ponyatie riska [The concept of risk]. *Thesis*. 5. pp.135–160.
17. The Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2015) *Letter N VC-74/05 of January 23, 2015, "On teaching Russian as a foreign language to foreign citizens"*. [Online]. Available from: <http://docs.cntd.ru/document/420258447>. (Accessed: 10th February 2016). (In Russian).
18. The Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2014) *Departament strategii, analiza i prognoza* [Department of Strategy, Analysis and Forecasting]. [Online]. Available from: <http://minobrnauki.rf/ministerstvo/statistika/informatsiya-2014>. (Accessed: 3rd January 2016).
19. The Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2015) *Departament strategii, analiza i prognoza* [Department of Strategy, Analysis and Forecasting]. [Online]. Available from: <http://minobrnauki.rf/ministerstvo/statistika/informatsiya-2015>. (Accessed: 16th January 2016).
20. Okolskiy, M. (2002) Nastupayushchie tsivilizatsii, ukhodyashchie tsivilizatsii na zakate XIX veka. Vzgl'yad s tochki zreniya demografii [Upcoming civilizations, leaving civilizations at the dawn of the 19th century. From the point of view of demography]. In: Iontsev, V.A. (ed.) *Mir v zerkale mezhdunarodnoy migratsii* [The world in the mirror of international migration]. Moscow: MAKS Press. pp. 175–195.
21. Pushkarenko, A.B. & Shpachenko, I.A. (2015) *Osnovnye rezul'taty deyatelnosti sistemy vysshego i professional'nogo obrazovaniya Tomskoy oblasti* [The main results of the system of higher and professional education in Tomsk region]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
22. Pogodaev, N.P. (2015) [The case-study strategy in the study of the problems of socio-cultural adaptation of the Tajik students in the university environment of Tomsk]. *Chelovek v menyayushchemsya mire. Problemy identichnosti i sotsial'noy adaptatsii v istorii i sovremenности* [Man in a changing world. Identity and social integration in the history and the present]. Proc. of the International Research Conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 232–248. (In Russian).
23. Sarratsin, T. (2012) *Germaniya: samolikvidatsiya* [Germany: Self-destruction]. Translated from German by T.A. Nabatnikova. Moscow: Rid Grupp.

УДК: 316.4

DOI: 10.17223/1998863X/33/11

Т.Д. Подкладова

МУЖЧИНА-ОТЕЦ В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ: ВОВЛЕЧЕННОСТЬ VS. ИСКЛЮЧЕННОСТЬ

Современный мужчина-отец – это человек меняющийся. Происходящие трансформации носят противоречивый, сложный, порой, конфликтный характер. Трансформация института семьи, гендерных ролей, формирование модели маскулинности приводят к появлению «вовлеченного отца», для которого отцовство – это важнейшая часть его жизни и самореализации.

Ключевые слова: отцовство, маскулинность, мужчина, отец, семья, «включенное отцовство».

Исследования феномена отцовства, отцовских практик в современном обществе становятся востребованными в научном сообществе и привлекают внимание исследователей в рамках самых различных направлений: психологии, социологии, психиатрии, философии. Актуализация данного направления обусловлена несколькими факторами. В первую очередь, это связано с продолжающимися гендерными трансформациями, «перестройкой гендерного порядка» [1. С. 26] в современном обществе и, в частности, с изменением ролевой структуры мужчины.

Перемены в ролевом поведении мужчин и женщин, безусловно, связаны с меняющимися эталонами маскулинности и феминности, которые становятся менее однозначными и жесткими. Происходит очевидное ослабление традиционной гендерной поляризации. Фактически речь идет о формировании новой модели маскулинности как «внешне», так и «внутренне».

На этом фоне естественным образом происходит пересмотр ресурсов маскулинности: ролей, сценариев и инструментов ее реализации. Ресурсы, которыми пользуется большинство мужчин: статус, деньги, знаки престижа, семья, карьера, – сегодня недостаточны или не работают. «Мужественность» нового типа демонстрирует значимость иных ресурсов, таких как интеллектуальность, образованность, выдержанность. По мнению И. Костериной, важны не столько вышеуказанные качества сами по себе, сколько умение их использовать, демонстрировать и сочетать друг с другом [2].

Развивающийся в течение XX–XXI вв. конфликт между жесткими патриархальными нормами и перераспределением властных отношений в приватной сфере, как правило, иллюстрируется женскими трансформациями. Тем не менее мужчин это тоже касается. Кризис маскулинности обусловлен ослаблением традиционного мужского доминирования и связанного с этим изменения существующих представлений о мужественности, конфликт между трудовыми и семейными обязанностями. Все чаще отмечается противоречивость гендерных трансформаций. В частности, Кон писал о проявлениях данных противоречий у мужчин, когда покорность и покладистость в общественной жизни компенсируются жестокой тиранией дома и в семье по

отношению к жене и детям, а «социальная пассивность и связанная с нею беспомощность компенсируются бегством от личной ответственности в беззаботный игровой мир вечного мальчишества. Не научившись в детстве самоконтролю и преодолению трудностей, такие мужчины навсегда отказываются от личной независимости, а вместе с ней от ответственности, передоверяя социальную ответственность начальству, а семейную – жене» [3. С. 101].

По мнению Ребекки Кей, современный российский мужчина по-прежнему определяет себя, опираясь на советские представления о добытчике и трудяге, день и ночь зарабатывающем деньги, чтобы прокормить семью. Того, кто не может играть роль кормильца, клеймят как неудачника, слабака, неполноценного мужчину [4]. Это приводит к сильным эмоциональным переживаниям, нахождению в постоянной стрессовой ситуации, к депрессии.

Российские мужчины, в первую очередь молодые, постоянно испытывают давление со стороны сверстников, балансируя между ролью хорошего сына и крутого парня, довольно долго остаются экономически зависимыми от родителей, живут с ними. Безусловно, степень осознанности этих изменений и противоречий самим мужчиной во многом зависит от уровня его образованности, культуры, а также возможности выделить время для ролевой и Я-рефлексии в повседневной жизни.

Современный мужчина меняется. Сегодня мужчина более эмоционален, заботлив, нежен. Он признает необходимость гендерного равенства и ответственного отцовства. Повышение уровня образования и разнообразие культурного опыта делают его более терпимым. Но с другой стороны, мы можем наблюдать своеобразную дифференциацию, когда параллельно сосуществуют проявления маскулинности разных типов.

Одной из ведущих ролей мужчины является роль «отца». Варианты ее реализации разнообразны, и семья сегодня не является единственным пространством для этого. Современная семья, как известно, переживает серьезные изменения. Нужность самого института семьи и эффективность сосуществования людей в таком формате сегодня, как бы мы к этому ни относились, оценивается неоднозначно. Увеличивается число людей, не заключающих браки и выбирающих жизнь без детей. Так или иначе, общественные институты сегодня более ориентированы на личные потребности и интересы. И семья зачастую оказывается препятствием, «слабым звеном» в жизни человека. Статус полноценного члена общества все больше ассоциируется, например, с профессиональной деятельностью, с возможностью иметь свободу личного выбора во всех сферах собственной жизни. И в нашей стране стали более распространенными такие явления, как малодетность, отложенное материнство и отцовство, нестабильность брака. Также увеличивается число разводов и число одиноко проживающих людей, существует негативный образ многодетной семьи.

В то же время понятие «традиционная семья» в последние годы является одним из востребованных в российском общественно-политическом и бытовом дискурсе. Сегодня существуют различные типы семей: монородительские семьи, приемные семьи, гостевые семьи, семьи, существующие в рамках так называемого «гражданского брака», семьи с зарегистрированным браком, но проживающие раздельно.

Современные исследователи обращают внимание на важность отца для развития личности ребенка. В традиционной семье отец выступает, как правило, в трех «лицах»: как кормилец, как высший дисциплинатор и пример для подражания, как проводник во внесемейной общественной деятельности и отношениях. В современной семье, в первую очередь городской, эти традиции ослабели по причине изменения роли женщины, вовлечения женщин в профессиональную работу, пространственной разобщенности труда и быта, тесного семейного быта, где для отца, как пишет Ю.В. Борисенко, «не предусмотрено пьедестала» [5. С. 60]. В свою очередь, женская эмансипация также позволяет ему расслабиться и покинуть пьедестал основного или единственного кормильца в семье, меняются также распределение обязанностей, когда оба супруга работают. Гендерные трансформации и кризис семьи позволяют говорить о переходном периоде в общественном восприятии отца, реализации отцовских практик. И.С.Кон определяет это как кризис отцовства [5].

В рамках традиционной модели маскулинности выделяют «традиционного отца» и «отсутствующего отца». В последнем случае речь идет о психологической, эмоциональной отстраненности отца. Это является средством сохранения социальной дистанции между детьми и отцом для поддержания отцовской власти, но в современном мире это также может быть связано с отсутствием культуры взаимодействия между отцом и детьми, недостаточным арсеналом инструментов реализации роли отца.

В рамках новой модели маскулинности выделяют типы: «ответственный отец», «вовлеченный отец», «новый отец». Общее в данных типах – это более активное включение отца в процесс ухода за ребенком и его воспитание. «Вовлеченное отцовство» предполагает также более тесную психологическую, эмоциональную связь с детьми. Отличительная черта этой новой модели отцовства заключается в том, что она в равной степени ориентирует мужчин на самореализацию в профессиональной и семейной сферах. Необходимо отметить, что здесь тоже существует определенное противоречие. С одной стороны, отцовство становится более факультативным [6], но в то же время увеличивается количество мужчин, для которых роль отца – это необходимая часть их самореализации наряду с профессиональной и социальной. Процессы унификации мужских и женских ролей в обществе и семье ставят вопрос об уникальности или же взаимозаменяемости материнских и отцовских ролей.

Переход к новой модели отцовства имеет на своем пути определенные препятствия, выраженные в существующих поло-ролевых стереотипах, тесной связи мужчины и материального обеспечения, высоких требованиях к профессиональной карьере мужчины, ограничение мужской роли в воспитании гедонистической активностью. Кроме этого, властные и контрольные функции в семье, главенство которых характерно для «традиционного отца», более престижны по сравнению с воспитанием и заботой о детях. Необходимо отметить, что мужчина как отец оценивается по традиционному женским критериям, по деятельности, которой отцы раньше никогда всерьез не занимались, к которой они социально, психологически и, возможно, биологически плохо подготовлены [7. С. 61]. В то же время в обществе мужчина традиционно оценивается, прежде всего, по своим внесемейным достижениям. Любые социальные неудачи, вроде потери работы, снижают его семейный

статус, а вместе с ним – и самоуважение [5]. Мужчина, потерявший работу, испытывающий финансовые затруднения, проводит с детьми больше времени, но существенно страдает качество этого взаимодействия, так как факт его социальной несостоятельности, несостоятельности как «кормильца» семьи влияет существенным образом на его психологическое самочувствие и осложняет отношения с детьми. Психологическое самочувствие и психическое здоровье мужчины, отца довольно редко становится объектом изучения по сравнению, например, с изучением аналогичных вопросов материнства.

Проблема включенности отца в воспитание и повседневную жизнь своих детей касается как полных, так и неполных семей. Точной информации о количестве отцов в России, в одиночку воспитывающих детей, нет. По разным данным, число таких неполных семей составляет от 300 до 800 тысяч [8]. Термин «отец-одиночка» в российском законодательстве отсутствует. При этом одиноким отцом считается мужчина, имеющий одного ребенка или нескольких детей, мать которых умерла, пропала без вести, лишена родительских прав, долгое время пребывает в лечебном учреждении, оставила детей отцу при разводе или находится в местах лишения свободы. Дети могут быть как родные, так и не родные (отцом-одиночкой может считаться отчим, опекун, приемный отец). В большинстве случаев отец-одиночка – это мужчина около 40 лет с одним ребенком.

Одним из признаков распространения новой модели отцовства является выстраивание индивидуальных отношений с ребенком, когда отец играет множество ролей и качество взаимоотношений имеет большее значение, чем их количество. С этим связана практика отцовства, реализующаяся в ситуации развода родителей. На сегодняшний день наличие детей не является существенным препятствием для развода. В то же время вопрос воспитания детей и взаимодействия родителей после развода относится к числу наиболее значимых для супругов [9. С. 29]. По-прежнему преобладает дефицитарная модель отношений в ситуации развода и негативный образ отца, проживающего вне семьи, реализующего свою функцию факультативно и преимущественно в досуговой сфере. И в этой ситуации отец нового типа, например «вовлеченный отец», зачастую становится жертвой, заложником ситуации, в которой выполнение отцовских функций и отцовская самореализация затруднены. В значительной степени на выстраивание отцовско-детских отношений в случае развода оказывает влияние мама детей.

Тем не менее, как это ни парадоксально, дети зачастую выигрывают после развода, т.к. отец выходит за рамки привычных функций «отца-кормильца» и для поддержания отношений с ребенком, а нередко и для «искупления вины», например, специально продумывает и реализует стратегию и тактику отношений с ребенком, уделяя этому больше времени и смысла. Хотя, как показывают исследования [10. С. 75] в большинстве своем развод приводит к увеличению дистанции между ребенком и отцом и меняет форму и качество реализации отцовской роли в сторону сокращения ее компонентов: отец менее активно участвует в процессе формирования личности ребенка, разрываются эмоциональные и коммуникативные связи, сокращается время совместного досуга, приобретают иное качество экономическая и хозяйственно-бытовая функции.

Кроме развода, современная семья сталкивается с множеством социальных, экономических и психологических трудностей. Например, практика подготовки женщин к материнству широко распространена, а мужчин никто не готовит к отцовству. К сожалению, и в процессе профилактической и реабилитационной социальной работы с семьей, испытывающей трудности или являющейся неблагополучной, ресурс отца используется крайне незначительно, а чаще всего игнорируется. Специалисты помогающих профессий, как правило, в своей работе с семьями опираются на женщину, мать, возлагая на нее ответственность за реабилитацию семьи, детей, мужа. Таким образом, мужчина утверждается в своей исключенности из семьи, которая подтверждается действиями представителей государственных, общественных институтов, не видящих в нем человека, способного взять на себя ответственность за семью, детей и себя. При этом ресурс отца может сыграть существенную роль в функциональном восстановлении и реабилитации семьи. Существуют примеры включения этого ресурса: создание кризисных центров для мужчин (г. Барнаул), групп взаимопомощи, центры для одиноких отцов (Екатеринбург), региональных ассоциаций отцов (Алтайский край, Челябинская область, Архангельская область и др.), специализированные интернет-ресурсы (<http://papaland.ru>, <http://papa-pape.ru>, <http://www.muzhmir.ru> и др.). На сегодняшний день это единичные практики, при этом отец в России обладает теми же правами и может рассчитывать на те же социальные гарантии и социальные выплаты, которые получает одинокая мать. Но фактический доступ к реализации некоторых прав у женщин и мужчин разный: определение места проживания ребенка после развода, усыновление, принятие под опеку ребенка мужчиной, «больничные» на работе в случае воспитания ребенка в неполной отцовской семье.

Современный мужчина-отец – это человек меняющийся. Происходящие трансформации носят медленный, противоречивый, сложный, порой конфликтный характер. Проблемы роли и функций мужчины в семье дают серьезный толчок к исследованиям, которые довольно долгое время было в тени изучения женского вопроса и материнства. Процесс актуализации мужской, отцовской темы в современной науке сегодня вполне закономерен и востребован обществом.

Литература

1. Кон И.С. Маскулинность в меняющемся мире // Вопросы философии. 2010. №5. С. 25–36;
2. Костерина И.В. «Ботаники» против Джеймса Бонда: некоторые тренды современной маскулинности [Электронный ресурс]: Неприкосновенный запас. 2012. №3. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/k5.html>
3. Кон И.С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 99–114.
4. Kay R. Men in Contemporary Russia: The Fallen Heroes of Post-Soviet Change? Aldershot, UK: shgate, 2006.
5. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
6. Кон И.С. Кризис отцовства и вертикаль власти [Электронный доступ]: Полит.ру. 2009. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2009/12/18/fatherness/>
7. Борисенко Ю.В. Психология отцовства. Москва; Обнинск: «ИГ-СОЦИН», 2007. 220 с.
8. Сивашенкова Д. Отец-одиночка: пособие по выживанию [Электронный ресурс]: Милосердие.ru – 2015. Режим доступа: <https://www.miloserdie.ru/article/otets-odinochka-posobie-po-vyzhivaniyu>

9. Воронина Т.Д. Развод как социальный феномен в современной России: причины и последствия / Опыт регионального исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1. С. 21–31

10. Гафизова Н.Б., Смирнова Д.И. Отцовство как социальный феномен в полных и неполных семьях (вследствие развода) (на примере г. Иваново) // Женщина в российском обществе. 2015. №3/4. С. 67–77

Podkladova Tatyana D. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: tanyatomsk@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/33/11

THE MAN-FATHER IN THE FAMILY AND IN SOCIETY: INVOLVEMENT VS. EXCLUSION

Keywords: fatherhood, “involving fatherhood”, parental roles, masculinity.

The article discusses fatherhood as a social phenomenon. The realization of this role is a sum of educational, domestic, economic, communicative, leisure and social control functions in the family. Fatherhood is characterized as a complex phenomenon formed as a result of interaction between normative societal regulations and individual attitudes emerging from father and child relationship and from the relationship between man and woman as parents. Father's role is slow and the “involved and caring father” is so far just the image present in the social consciousness.

References

1. Kon, I.S. (2010) Maskulinnost' v menyayushchemsya mire [Masculinity in the changing world]. *Voprosy filosofii*. 5. pp. 25-36.

2. Kosterina, I.V. (2012) “Botaniki” protiv Dzheyma Bond: nekotorye trendy sovremennoy maskulinnosti [Nerds against James Bond: Some trends of modern masculinity]. *Neprikosnovenny zapas*. 3.

3. Kon, I.S. (2010) Menyayushchiesya muzhchiny v izmenyayushchemsya mire [Changing men in the changing world]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 6. pp. 99-114.

4. Kay, R. (2006) *Men in Contemporary Russia: The Fallen Heroes of Post-Soviet Change?* Aldershot: Ashgate Publishing.

5. Kon, I.S. (2009) *Muzhchina v menyayushchemsya mire* [Man in the changing world]. Moscow: Vremya.

6. Kon, I.S. (2009) *Krizis otsovstva i vertikal' vlasti* [The crisis of fatherhood and the vertical of power]. [Online] Available from: <http://polit.ru/article/2009/12/18/fatherhood/>.

7. Borisenko, Yu.V. (2007) *Psikhologiya otsovstva* [Psychology of fatherhood]. Moscow; Obninsk: IG-SOTSIN.

8. Sivashenkova, D. (2015) *Otets-odinochka: posobie po vyzhivaniyu* [Single Fathers: A Survival Guide]. [Online] Available from: <https://www.miloserdie.ru/article/otets-odinochka-posobie-po-vyzhivaniyu>.

9. Voronina, T.D. (2011) Divorce as a Social Phenomenon in Contemporary Russia: Causes and Consequences. Experience in Regional Research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 1. pp. 21–31. (In Russian).

10. Gafizova, N.B. & Smirnova, D.I. (2015) Otsovstvo kak sotsial'nyy fenomen v polnykh i nepolnykh sem'yakh (vsledstvie razvoda) (na primere g. Ivanovo) [Fatherhood as a social phenomenon in complete and incomplete families (after divorce) (a case study of Ivanovo)]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve – Woman in Russian Society*. 3/4. pp. 67–77.

УДК 316.454.54

DOI: 10.17223/1998863X/33/12

Т.Р. Сингизов

ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА ИСЛАМСКОЙ УММЫ В ХАНТЫ-МАНСЬИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ – ЮГРЕ

Рассматриваются вопросы изменения национального состава мусульманского населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Значительное внимание уделяется внутренним противоречиям в мусульманской умме. Анализируются этнический состав населения региона и зарегистрированные религиозные объединения. В этническом составе населения преобладают славянская, тюркская и финно-угорская языковые группы. По принадлежности к религиозным конфессиям преобладают православные и мусульмане. Мусульмане представлены следующими этническими группами: поволжские мусульмане, среднеазиатские мусульмане, кавказские мусульмане (северокавказские и закавказские) и другие. Основную часть как членов мусульманских общин, так и руководителей мусульманских религиозных организаций составляли поволжские мусульмане (татары и баикиры). В последние годы значительно выросла доля кавказских и среднеазиатских мусульман. Увеличение доли кавказских мусульман, являющихся приверженцами более политизированного толкования ислама, приводит к их открытому противостоянию как с органами власти, так и с остальным мусульманским населением автономного округа. Основным фактором, влияющим на изменение этноконфессионального состава мусульманского мира Югры, являются активные миграционные потоки в автономный округ из мусульманских регионов России и стран СНГ, которые в рассматриваемый период были стабильно высокими, в том числе и из «горячих точек». Эти миграционные процессы внесли основной вклад в нарушение внутреннего баланса мусульманской уммы. По информации силовых структур, в округе были зарегистрированы случаи, когда представители исламистских движений пытались вербовать мусульман, проживающих в Югре, для экстремистской деятельности. Единство исламской уммы на территории Югры на данный момент довольно условное, а сама жизнь мусульманской общины наполнена глубокими внутренними противоречиями. В статье сделан акцент на вопросах профилактики радикальных проявлений ислама и экстремизма в мусульманской среде. В настоящее время в регионе работает программа гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, направленная на развитие межэтнической интеграции и профилактику проявлений экстремизма.

Ключевые слова: мусульманская умма, Югра, миграционные потоки, этноконфессиональный состав.

Изменение национального состава населения Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) – Югры и этнической структуры мусульманской уммы в последние два десятилетия всё чаще приводит к конфликтам внутри мусульманских общин как внутри приходов населённых пунктов, так и в масштабах всего округа. Потенциально достаточно резкое изменение баланса между различными традициями толкования ислама (мазхабами) может вылиться в серьёзные противоречия.

Этнический состав населения автономного округа представлен 136 национальностями и этническими группами, многие из которых имеют свои национально-культурные объединения. На территории автономного округа на конец 2010 г. было зарегистрировано 124 религиозных общественных объединения и 78 национальных общественных объединений [1].

В этническом составе населения округа преобладают в основном представители славянской (русские, украинцы, белорусы), тюркской (татары, башкиры, азербайджанцы, чуваша, кумыки и пр.) и финно-угорской языковой групп (ханты, манси, ненцы, мордва, марийцы, коми и пр.) [2]. Представители каждой из проживающих в Югре этнических групп являются носителями уникальной многовековой культуры, включающей и определенные ментальные установки.

Известно, что, даже когда различные народы исповедуют одну религию, каждая этническая группа имеет свои особенности. Этнический состав населения является одним из самых важных факторов, влияющих на его конфессиональную структуру. Религиозный состав населения Югры в основном представлен православными и мусульманами.

В статье анализируется этническая структура мусульманской уммы, динамика её развития и возможные перспективы, а также последствия этих процессов для всего населения округа. Объектом изучения является массив этнических мусульман. Понимая уязвимость подобной позиции, автор тем не менее считает этнический фактор в процессе воспитания и усвоения моральных, этических и религиозных принципов достаточно важным.

Хронологически исследование охватывает период с 1989 по 2010 г., включающий три переписи населения, первая из которых была проведена в 1989 г., когда мы являлись свидетелями начала этнического и религиозного ренессанса. Две другие проведены в постсоветский период и отражают достаточно существенные сдвиги в этноконфессиональном составе округа. Однако при анализе материалов автор оставляет за собой право обращения к данным переписей, выходящих за хронологические рамки исследования. Для характеристики динамики доли и численности этих групп использованы материалы переписей населения за период с 1939 по 2010 г. [3–5].

По мнению автора, мусульман необходимо разделить на следующие этнические группы: поволжские мусульмане, среднеазиатские мусульмане, кавказские мусульмане (северокавказские и закавказские) и другие.

Структурно мусульманские общины автономного округа входят в состав Регионального Духовного управления мусульман Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (далее – РДУМ ХМАО), которое канонически подчиняется Центральному Духовному управлению мусульман России. Председатель РДУМ ХМАО с момента его образования в 1999 г. – Тагир Габдулхакович Саматов, «штаб-квартира» которого находится в Соборной мечети г. Сургута. В большинстве населённых пунктов (за исключением самых маленьких) при активной поддержке региональных и муниципальных властей и представителей мусульманских общин автономного округа построены мечети и молельные дома, которые позволяют проводить религиозные обряды и праздники в полном объеме и соответствии с исламом. По состоянию на конец исследуемого периода в состав РДУМ ХМАО входило 26 местных религиозных организаций, имеющих 18 мечетей и 9 молельных комнат. Издаётся газета «Магрифат» тиражом 999 экз. [6].

Традиционно основную часть как членов мусульманских общин, так и руководителей мусульманских религиозных организаций составляли поволжские мусульмане (татары и башкиры), являющиеся представителями

довольно умеренного ханифитского мазхаба (суннизм). Однако начиная с конца 80-х гг. XX в. ситуация стала серьёзно и достаточно быстро меняться. Динамика доли различных этнических групп внутри мусульманской уммы представлена в таблице.

Таблица

**Распределение численности мусульман в ХМАО по годам
и доля в общей численности мусульман, чел.**

Этническая группа мусульман	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Мусульманская община в целом, чел.	2332	3313	15836	47694	-	221057	248790
Доля в численности всего населения	-	2,53%	5,84%	8,36%	-	15,43%	16,24%
Поволжские турки, в т.ч. доля в общей численности этнических мусульман	2236	3029 (91,43%)	15290 (96,55%)	44420 (93,1%)	128840	143444 (64,89%)	144327 (58,01%)
Кавказские мусульмане, в т.ч. доля в общей численности этнических мусульман, из них:	5	0	285 1,8%	2343 (4,9%)	-	59610 (26,97%)	75029 (30,16%)
закавказские (азербайджанцы), в т.ч. доля в общей численности этнических мусульман	0	0	136 (0,86%)	1263 (2,65%)	12846	25088 (11,35%)	26037 (10,46%)
северокавказские, в т.ч. доля в общей численности этнических мусульман	5	0	149 (0,94%)	1080 (2,43%)	-	34522 (15,62%)	48992 (19,7%)
Среднеазиатские, в т.ч. доля в общей численности этнических мусульман	91	103 (3,1%)	261 (1,65%)	928 (1,9%)	-	17124 (7,75%)	29157 (11,72%)

Исходя из приведённых данных, видно, что доля мусульман в период с 1939 по 2010 г. в регионе постоянно увеличивалась – с 2,53% до 16,24%. В таблице показано, что на протяжении всего рассматриваемого периода и особенно начиная с переписи 1989 г. в каждой группе намечались тенденции, нарастающие с каждым десятилетием, а именно [3–5]:

- рост доли этнических мусульман в общей численности населения региона (заметный, но незначительный);
- стремительное падение доли мусульман Поволжья в общей численности этнических мусульман — с 93,1% до 58,01%;
- резкий рост доли кавказских и среднеазиатских мусульман.

Все группы этнических мусульман за исключением поволжской группы растут стремительными темпами. Подобная ситуация является, как видится

автору, следствием трёх основных причин:

- внутрироссийской межрегиональной миграции этнических мусульман из Северо-Кавказского региона;
- увеличения межгосударственных миграций в рамках СНГ в постсоветский период;
- значительных ассимиляционных процессов в семьях поволжских мусульман, особенно усилившихся в последние два десятилетия.

Причиной последних являются следующие факторы:

- 1) межнациональные браки;
- 2) узкая сфера использования татарского и башкирского языков;
- 3) значительный отток поволжско-мусульманского населения из региона в 1960–1980-е гг. на историческую родину (Татарстан, Башкортостан, Тюменская область).

Увеличение доли кавказских мусульман, являющихся приверженцами более политизированного толкования ислама [7. С. 6], приводит к их открытому противостоянию как с органами власти, так и с остальным мусульманским населением автономного округа, для большинства из которых они являются представителями чуждых культурных традиций, причём как религиозных, так и светских.

Разделение по этническому признаку в мусульманских общинах округа углублялось практически с самого момента их создания, усиливаясь в 90-е гг. Руководство ДУМ АЧР в своей работе с населением округа также использует национальный фактор. Как сообщает Я.С. Черняк [8. С. 105], руководство этой организации, с одной стороны, настраивает сибирских татар против имамов – выходцев в основном из Татарстана и Башкортостана, а с другой стороны, стремится опереться на представителей северокавказских диаспор и на основании того, что кавказцы не понимают молитв на арабском языке, предлагает назначать имамами выходцев из их среды

В условиях стихийно протекающего процесса размежевания этноконфессиональных общностей и соответствующих организаций их разделение и дистанцирование начинает принимать территориальный характер. Причем существуют разные формы самого этого разделения. Так, в г. Сургуте постоянными прихожанами мечети являются в основном таджики, а имам, татарин по национальности, ведет служение на арабском и татарском языках. Чеченцы, не довольные имамом, для исполнения обрядов пригласили старика, знающего арабский язык, который проводит служение в отдельном помещении на территории мечети. Таким образом, в данном случае налицо этноконфессиональное разделение мусульман в пределах одной мечети.

Как отмечает Я.С. Черняк [8. С. 105], процесс разделения начинается уже на стадии образования национально-культурных объединений и автономий. То же относится и к религиозным группам. Так, по его мнению, при решении вопросов о предоставлении земельных участков для строительства культовых зданий администрация Сургута учитывает несколько факторов: территориальную концентрацию верующих, близость к городской транспортной сети, совместимость с архитектурной концепцией развития города, традиции религиозного зодчества, перспективы комплексного строительства при храме сопутствующих зданий и т.п. Кроме того, не остается без внимания допусти-

мость соседства храмов разных конфессий. Для предотвращения конфликтов площадка для строительства православного храма и площадки для молитвенных домов протестантских конфессий были отведены на значительном удалении друг от друга, а вот участки мусульманам и баптистам, отношения которых достаточно лояльны, отведены по соседству.

В течение всего исследуемого периода случаи внутриобщинного противостояния просачиваются как в светские, так и в мусульманские средства массовой информации [9]. В большинстве муниципалитетов Югры существует по две или более мусульманские общины, причём одну из них посещают в большинстве своём татары и башкиры, а другую – кавказские мусульмане, при этом закавказские и среднеазиатские мусульмане не имеют подобной поляризации, и их можно встретить в общине практически поровну.

Ситуация усугубляется ещё и тем, что разделение начинает нарастать и в среде поволжских тюрков по линии татары – башкиры. Татаро-башкирские объединения возникли в 1992 г. в г. Сургуте, в 1993 г. – в г. Нижневартовске, в 1994 г. – в г. Лангепасе. К 1998 г. в округе было зарегистрировано 9 татаро-башкирских обществ, но затем наметилась тенденция к их диссоциации. К настоящему времени региональные автономии татар и башкир зарегистрированы отдельно [10. С. 2].

В свете растущих татаро-башкирских противоречий в Башкортостане эта тенденция представляется необратимой [11. С. 1], хотя во время визита в г. Сургут в январе 2002 г. правительственной делегации Республики Татарстан её представители говорили о едином татаро-башкирском населении округа [12. С. 69].

Основным фактором, влияющим на изменение этноконфессионального состава мусульманского мира Югры, являются активные миграционные потоки в автономный округ из мусульманских регионов России и стран СНГ, которые в рассматриваемый период были стабильно высокими, в том числе и из «горячих точек». Эти миграционные процессы внесли основной вклад в нарушение внутреннего баланса мусульманской уммы [13–14].

Резкое увеличение доли кавказских мусульман в умме уже неоднократно приводило к конфликтам, один из которых закончился временным расколом и переходом в 1999 г. двух приходов в Духовное управление мусульман азиатской части России и Сибири Нафигуллы Аширова [15. С. 1–2].

В последнее время в урегулировании возникающих внутренних конфликтов в мусульманской умме значительную роль стали играть религиозные авторитеты, не относящиеся канонически к Центральному Духовному управлению мусульман России, всё чаще являющиеся представителями Северо-Кавказского региона, что, безусловно, не может являться фактором стабилизации в таком регионе, как Югра. Ситуация возникновения разногласий по вопросу отправления мусульманских обрядов осложняется ещё и кадровым голодом, при котором руководителями общины или их помощниками становятся выходцы из регионов Северного Кавказа и Средней Азии [16].

Изменение соотношения в этнической структуре мусульманской уммы вызывает внимание и настороженность немусульман, которые раньше относились терпимо к последователям данной религии [17. С. 6]. Эти факторы

приводят к дальнейшему отчуждению, радикализации внутриобщественного и внутрирелигиозного раскола.

Следует отметить, что в рассматриваемый период и окружные и муниципальные средства массовой информации достаточно часто при публикации материалов акцентировали внимание на этнической составляющей преступности, наиболее выделяя такие сферы преступной деятельности, как незаконный оборот наркотиков, организованные преступные группировки, нелегальная миграция, драки на бытовой почве и т.п. Автором проведён анализ периодической печати за период с 1991 по 2010 г. (газеты «Новости Югры», «Мегионские новости», «Новости Приобья». В ряде случаев в опубликованных материалах религиозная и этническая принадлежность экстремистов звучит весьма явно. Так, например, в своем материале «Контрабанда привела за решётку» С. Шахматов рассказывает, что один из руководителей местной мусульманской организации занимается контрабандой наркотиков: «Помощник имама Нижневартовска получил срок за контрабанду героина. По данным следствия, подсудимый, вылетая из аэропорта Шереметьево рейсом Москва – Баку, под съёмным дном спортивной сумки пытался перевезти 56,83 г. героина. Согласно приговору, помощник имама будет отбывать наказание в колонии общего режима. Между тем имам-хатыб Нижневартовска Марат Гильфанов, с которым связались «Новости Югры», уточнил, что Вагиф Нурбаев в настоящее время уже не является его помощником. По словам имама, Нурбаев работал в этой должности до марта нынешнего года...» [18. С. 3]. Всего в местной печати было найдено более 30 подобных материалов, большинство из которых опубликованы в сборнике [19].

Специфическими чертами, присущими исламу на Кавказе, являются: многоликость, исходящая из этнической пестроты кавказских мусульман, тесное переплетение с местными традициями, обычаями и нравами разных народов и этнических групп; принадлежность к разным направлениям ислама (сунниты и шииты), к разным догматико-правовым школам (ханафиты, шафииты), к разным суфийским братствам (накшбандийа, кадирийа, шазилийа). Весь этот комплекс отличий в богослужении часто приводит к внутриобщинным религиозным конфликтам, информация о которых время от времени появляется в СМИ. Представители кавказских мусульман, являясь более политизированными, всё чаще являются носителями и проводниками религиозного экстремизма.

По данным коллегии федеральных органов исполнительной власти Югры при полномочном представителе президента РФ в УрФО, в последнее время возрос интерес некоторых зарубежных исламских экстремистских организаций к автономному округу. Всплеск их активности наблюдается особенно во время предвыборных кампаний.

По информации силовых структур, в округе были зарегистрированы случаи, когда представители исламистских движений пытались вербовать мусульман, проживающих в Югре, для обучения в международных организациях. Предполагалось, что эти люди будут задействованы в террористических актах в России и других странах. Попытки вербовки были своевременно пресечены [20. С. 23]

Так, например, по данным МВД РФ, в 2007 г. сотрудниками оперативно-розыскного бюро № 2 Главного управления МВД России по Южному федеральному округу проведена операция по захвату 25-летнего уроженца села Чонтаул Кизилюртовского района Дагестана – бывшего боевика из банды Ахмеда Авдорханова. Подручный печально известного своей жестокостью, уничтоженного в 2005 г. бандглаваря по кличке Дурной Ахмед был задержан в Сургуте, где работал охранником в салоне игровых автоматов «Созвездие». Он был взят под стражу, доставлен в Грозный и помещён в следственный изолятор. Бывший боевик находился в федеральном розыске за преступления, предусмотренные ст. 317 УК РФ (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов), принимал участие в нападении ваххабитов на Дагестан в 1999 г.

Также информанты сообщали: «В Нижневартовске сотрудниками правоохранительных органов задержали боевика, находившегося в федеральном розыске и пытавшегося организовать террористическую деятельность. По его словам, в Нижневартовск боевик приехал с родственниками, пытаясь организовать террористическую деятельность на территории Югры. В настоящее время правоохранительные органы автономного округа располагают ориентировками на 36 человек, разыскиваемых за совершение преступлений на территории Чечни. Всего с начала года правоохранительные органы в Пыть-Яхе, Покачи и Нефтеюганске задержали трёх боевиков, находящихся в международном и федеральном розыске [17. С. 6].

Фактически регион стал использоваться как тыловая база для значительного количества исламских радикалов [17. С. 6], в том числе и такой одиозной и запрещённой в Российской Федерации экстремистской организацией как «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». Оценки количества представителей радикального ислама и его влияния на жизнь мусульманской уммы Югры также разнятся. Так, муфтий РДУМ ХМАО Тагир хазрат Саматов отмечает, что, несмотря на значительные внутренние противоречия, на территории Югры насчитывается не более 100 мусульман, которых можно отнести к салафитам. Однако совершенно иное мнение приводит один из источников агентства, близкий к мусульманскому миру России: называется цифра в пределах от двух до трёх тысяч мусульман, являющихся последователями салафитов. «Конкретное число назвать сложно, потому как салафиты часто спутаны с представителями партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». К примеру, в г. Радужном есть сплоченная община салафитов, насчитывающая более 50 человек. Более того, местный имам даже отказался от проведения мавлида (празднования дня рождения пророка), его в итоге проводили в доме одного из верующих. Приход в Радужном полностью принадлежит салафитам.

Крупнейшая община салафитов Югры, по словам источника, находится в г. Нижневартовске, здесь радикальным мусульманам принадлежит целая мечеть, прихожанами которой являются не менее трёхсот человек. Отдельные общины есть практически во всех городах региона, в том числе и в столице автономного округа. Количество салафитов достигает 2–3 тыс. человек.

Также следует указать и такой не менее интересный факт – в своё время в г. Ханты-Мансийске работал имам Кудакаев, ставший в 2012 г. фигурантом дела о неудачном покушении на муфтия Татарстана Илдуса Файзова. В окру-

ге он работал с 2000 г. Его сняли с должности после того, как обнаружили, чем занимается Кудакбаев в автономном округе [9].

Проявления экстремизма резко осуждаются официальными руководителями мусульманского духовенства. В средствах массовой информации регулярно появлялись статьи, в которых руководители мусульманских организаций критиковали радикализм, с характерными названиями: «Терроризм и вера – вещи несовместимые» [21, С. 2], «Должны жить люди в терпимости и любви» [22, С. 3], «Наша религия проповедует мир» [23, С. 2]. Всего за несколько лет выявлено более 10 подобных статей [19]. Однако в связи с тем, что официальное духовенство не имеет реального влияния на представителей радикального движения, они не имели эффекта для стабилизации ситуации.

Следует поставить акцент также на том, что у радикального ислама, ставшего уже фактором реальной жизни и не только в Югре, существует своё, и достаточно структурированное, ощущение ислама в системе координат современной геополитики.

«С точки зрения ислама пространство делится на три области:

1. Область ислама (дар уль-ислам), или область веры (дар уд-дин);
2. Область войны (дар уль-харб);
3. Область мира (дар ус-сульх).

Область ислама включает все страны, находящиеся под властью мусульман и управляемые по законам шариата. Область войны состоит из населённых мусульманами и немусульманами стран, которые, однако, находятся под властью немусульман. С этими странами считается возможным заключать перемирие сроком на 10 лет, которое может быть продлено путём возобновления договора. Территория, образующая область мира, принадлежит немусульманским странам с немусульманскими правительствами, которые, однако, признают первенство мусульманского мира и находятся в зависимости от него» [24, С. 6].

Таким образом, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, относясь к области войны, имеет все шансы стать территорией этноконфессиональных конфликтов.

В конце 2010 г. Правительство автономного округа подвело своеобразные итоги года. Повестка оказалась весьма обширной. В частности, на заседании стало понятно, как в ближайшие годы будут выстраиваться в Югре межкультурные и межконфессиональные отношения.

Среди принятых правительством документов оказалось две целевые программы. Первый программный документ затронул вопросы гармонизации межэтнических и межкультурных отношений. Проект был рассчитан на 2011–2013 гг. Документ предусматривает воспитание толерантности через систему образования, средства массовой информации. Программа направлена на профилактику экстремизма, укрепление межэтнических, межкультурных отношений, поддержку межконфессионального мира и совершенствование механизма международного и межрегионального сотрудничества в автономном округе.

Программа рассчитана на поэтапную реализацию. Сначала предлагается разработать методологические, научно-методические и технологические основы гармонизации. Затем сформировать толерантную среду в сферах, связанных с межэтническим, межконфессиональным и межкультурным взаимодействием.

Так, программой предусматривается увеличение числа школьников, изучающих культурное наследие народов России и мира, на 35%. В два раза вырастет количество прошедших курсы повышения квалификации по формированию установок толерантного отношения. Также в Югре станет больше тематических выставок работ студентов, направленных на развитие межкультурной интеграции и профилактику проявлений экстремизма. Более чем вдвое увеличится количество изданий национальных авторов на разных языках в общедоступных библиотеках региона [25. С. 3].

Таким образом, единство исламской уммы на территории Югры довольно условное, а сама жизнь мусульманской общины наполнена глубокими внутренними противоречиями. Ранее фактически преобладало гомогенное религиозное пространство, отсутствовала сама причина для возникновения конфликта между мусульманами на религиозной почве. Однако спустя два десятилетия после начала религиозного ренессанса и с учётом массовых миграционных процессов, влияющих на многие стороны жизни югорчан, в регионе сформировались предпосылки для дестабилизации ситуации.

Литература

1. Информационная система «Реестр региональных социально ориентированных некоммерческих организаций – получателей поддержки, оказываемой органами государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». <http://91.198.71.133/> (дата обращения: 02.02.2015)
2. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://garant-federal.complexdoc.ru/451029.html> (дата обращения: 02.02.2015)
3. Всероссийская перепись населения 2002. Национальный состав и владение языками, гражданство. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 02.12.2014)
4. Всероссийская перепись населения 2010. Национальный состав и владение языками, гражданство. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 02.12.2014)
5. Российское информационное агентство. ХМАО. [Электронный ресурс]. URL: <http://ura.ru/content/khanti/29-04-2013/news/1052157321.html> (дата обращения: 02.12.2014)
6. Духовное управление мусульман Югры. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.югражанин.рф/unseen/muslims/> (дата обращения: 02.02.2015)
7. *Новости Югры*. 2004. 10 марта. № 27 (17990).
8. Черняк Я.С. Этнос и конфессии в социокультурном пространстве северного города. М.: Агент, 1999.
9. Загуменнов А. Разбирать конфликт в мечети Нефтеюганска приехала спецделегация из Дагестана [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moidagestan.ru.news/report.24528> (дата обращения: 12.01.2015)
10. *Местное время*. 2005. № 62.
11. *Новости Приобья*. 1997. № 71.
12. Тюгашев Е.А., Выдрин Г.А., Попков Ю.В. Этноконфессиональные процессы в современной Югре. Новосибирск: Нонпарель, 2004.
13. Демографическое развитие Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: ситуация, прогноз, политика / под ред. Л.Л. Рыбаковского, А.В. Филипенко. М.: Экон-информ, 2002. 213 с.
14. Информационный демографический бюллетень: 2004 год / А.В. Филипенко, Н.Л. Запандова, Т.Н. Успенская и др. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2005. 152 с.
15. Корниенко А. Восток дело тонкое. Тем более на Севере // *Новости Югры*. 1999. 18 мая.
16. Социальный облик имамов Урала начала XXI века: региональный аспект. [Электронный

ресурс]. URL: <http://www.idmedina.ru/books/regions/?3850> (дата обращения: 02.02.2015).

17. Меркушев В. Экстремизм – миф или реальность // Новости Югры. 2007. 12–18 июля.

18. Новости Югры. 2010. 31 июля. № 118 (18144).

19. *Этноконфессиональные отношения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре*: дайджест / автор-сост. Т.Р. Сингизов, Сургут, 2016. 272 с.

20. Новости Югры. 2006. 23 февр. – 1 марта.

21. Новости Приобья. 2001. 27 окт.

22. Мегионские новости. 2006.20 окт.

23. Новости Югры. 1999. 17 июля.

24. Модестов С.А. Геополитика ислама. М.: Мол. гвардия, 2003. 190 с.

25. Новости Югры. 2010. 25 дек.

Сингизов Timur P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: meg@dtszhmao.ru

DOI: 10.17223/1998863X/33/12

THE DYNAMICS OF THE COMPOSITION OF THE MUSLIM UMMAH IN THE KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS REGION - YUGRA

Keywords: Ethno-confessional relations, ethnic composition, Muslim Ummah, Khanty-Mansiysk Autonomous Region – Yugra

This article discusses the changes in the national composition of the Muslim population of the Khanty-Mansiysk Autonomous region – Yugra. Special attention is paid to the internal contradictions of the Muslim ummah. It analyzes the ethnic composition of the population of the region and official religious associations. In the ethnic composition of the population the Slavic, Turkic and Finno-Ugric language groups are dominated. By Facilities to religious beliefs the Orthodox and Muslims are dominated. Muslims are represented by the following ethnic groups: the Volga Muslims, Central Asian Muslims, Caucasian Muslims (North Caucasian and Caucasian), and others. The Volga Muslims (Tatars and Bashkirs) formed the main part of as members of the Muslim community, as the heads of Muslim religious organizations. In recent years the proportion of Caucasian and Central Asian Muslims is increased significantly. The growing number of Caucasian Muslims who are following to a politicized interpretation of Islam, causes to an open confrontation, both with the authorities and the rest of the Muslims autonomous region. The main factor influencing on the change in the ethno-religious composition of the Muslim world of Ugra is active migration flows to the Autonomous Region from Muslim Russian regions and CIS countries. In the period under review these flows have been consistently high, including from "hot spots". It contributed in violation of the internal balance of the Muslim Ummah. According to information of law enforcement agencies in the region many cases have been reported when the representatives of the Islamist movement tried to recruit Muslims in Ugra for extremist activity. The unity of the Islamic Ummah in Ugra today is quite nominal, and the life of the Muslim community itself is filled with deep internal divisions. The article focuses on the issues of prevention of the manifestations of radical Islam and extremism in the Muslim world. Currently a program directed to harmonization of interethnic and intercultural relations is realized in the region.

References

1. Khanty-Mansiysk Autonomous District. (n.d.) *Informatsionnaya sistema "Reestr regional'nykh sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy – poluchateley podderzhki, okazyvaemoy organami gosudarstvennoy vlasti Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry"* [Information system "Register of regional socially oriented non-profit organizations–recipients of support provided by the public authorities of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra"]. [Online] Available from: <http://91.198.71.133/>. (Accessed: 2nd February 2015)

2. Russian Federation. (2012) *Ukaz Prezidenta RF ot 19 dekabrya 2012 g. N 1666 "O Strategii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda"* [Presidential Decree N 1666 of December 19, 2012, "On Russian State National Policy Strategy till 2025"]. [Online] Available from: <http://garant-federal.complexdoc.ru/451029.html>. (Accessed: 2nd February 2015).

3. Russian Federation. (2002) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2002. Natsional'nyy sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo. Naselenie po natsional'nosti i vladeniyu russkim yazykom po sub'ektam Rossiyskoy Federatsii* [National Population Census 2002. National structure and language skills, citizenship. Population by nationality and ownership of the Russian language on the subjects of

the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>. (Accessed: 2nd December 2014).

4. Russian Federation. (2010) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010. Natsional'nyy sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo. Naselenie po natsional'nosti i vladeniyu russkim yazykom po sub"ektam Rossiyskoy Federatsii* [National Population Census 2010. National structure and language skills, citizenship. Population by nationality and ownership of the Russian language on the subjects of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. (Accessed: 2nd December 2014).

5. Khanty-Mansiysk Autonomous District. (n.d.) *Rossiyskoe informatsionnoe agentstvo. KhMAO* [The Russian news agency. Khanty-Mansiysk Autonomous District]. [Online] Available from: <http://ura.ru/content/khanti/29-04-2013/news/1052157321.html>. (Accessed: 2nd December 2014).

6. Khanty-Mansiysk Autonomous District. (n.d.) *Dukhovnoe upravlenie musul'man Yugry* [Spiritual Administration of Muslims of Ugra]. [Online] Available from: <http://ucitizen.ru/unseen/muslims/>. (Accessed: 2nd February 2015)

7. *Novosti Yugry*. (2004) 10th March. 27 (17990).

8. Chernyak, Ya.S. (1999) *Etnosy i konfessii v sotsiokul'turnom prostranstve severnogo goroda* [Ethnic groups and religions in the socio-cultural environment of the northern city]. Moscow: Agent.

9. Zagumennov, A. (2013) *Razbirat' konflikt v mecheti Nefteyuganska priekhala spetsdelegatsiya iz Dagestana* [A special delegation from Dagestan comes to tackle the conflict in the mosque in Nefteyugansk]. [Online] Available from: <http://moidagestan.ru/news/report/24528>. (Accessed: 12th January 2015)

10. *Mestnoe vremya*. (2005) 62.

11. *Novosti Priob'ya*. (1997) 71.

12. Tyugashev, E.A., Vydrina, G.A. & Popkov, Yu.V. (2004) *Etnokonfessional'nye protsessy v sovremennoy Yugre* [Ethno-confessional processes in modern Ugra]. Novosibirsk: Nonparel'.

13. Rybakovskiy, L.L. & Filipenko, A.V. (eds) (2002) *Demograficheskoe razvitie Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry: situatsiya, prognoz, politika* [The demographic development of the Khanty-Mansiysk Autonomous District–Yugra: Situation, outlook, policy]. Moscow: Ekon-inform.

14. Filipenko, A.V., Zapadnova, N.L. & Uspenskaya, T.N. (2005) *Informatsionnyy demograficheskii byulleten': 2004 god* [Information Demographic Bulletin: 2004]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist.

15. Kornienko, A. (1999) *Vostok delo tonkoe. Tem bolee na Severe* [East is a delicate matter. Especially in the North]. *Novosti Yugry*. 18th May.

16. Mukhetdinov, D.V. (ed.) (2009) *Sotsial'nyy oblik imamov Urala nachala XXI veka: regional'nyy aspekt* [The social image of Imams in the Urals in early 21st century: The regional aspect]. Moscow, Nizhny Novgorod: Medina.

17. Merkushev, V. (2007) *Ekstremizm – mif ili real'nost'* [Extremism – Myth or Reality?]. *Novosti Yugry*. 12th–18th July.

18. *Novosti Yugry*. (2010). 31st July. 118 (18144).

19. Singizov, T.R. (2016) *Etnokonfessional'nye otnosheniya v Khanty-Mansiyskom avtonomnom okruge – Yugre* [Ethno-confessional relations in Khanty-Mansiysk Autonomous District – Ugra]. Surgut: [s.n.].

20. *Novosti Yugry*. (2006). 23rd February.

21. *Novosti Priob'ya*. (2001) 27th October.

22. *Megionskie novosti*. (2006) 20th October.

23. *Novosti Yugry*. (1999) 17th July.

24. Modestov, S.A. (2003) *Geopolitika islama* [Geopolitics of Islam]. Moscow: Molodaya gvardiya.

25. *Novosti Yugry*. (2010) 25th December.

УДК: 316.7

DOI: 10.17223/1998863X/33/13

А.В. Скрипник

МАРКЕТИНГОВЫЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИМИДЖА ГОРОДА (НА МАТЕРИАЛЕ г. ТОМСКА)

Часть 1. Теоретические аспекты территориального имиджирования

В современных условиях постиндустриального общества одним из способов привлечения внимания к региону/городу является создание его положительного имиджа. Автор рассматривает маркетинговые и культурологические подходы к пониманию имиджа территории и предлагает свою модель имиджа города на основе семиотики и имагинальной географии.

Ключевые слова: имидж города, территориальный маркетинг, семиосфера, имагинальная география.

Имидж – многогранное и многоаспектное понятие, вошедшее в инструментарий большинства гуманитарных (и не только) наук: психологии, педагогики, культурологии, философии, социологии, экономики, PR и рекламы, географии и, конечно же, имиджологии. В экономической и культурологической литературе встречаем различные определения имиджа. Приведем некоторые из них с целью выявления основных характеристик данного понятия с экономической и культурологической точки зрения.

1. «Имидж – целенаправленно формируемый образ (какого-либо лица, явления, предмета), призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и т.п.» [1].

2. В Современном экономическом словаре даны два значения термина «имидж»:

«1) образ делового человека, представление о нем, складывающееся у окружающих, репутация; 2) образ фирмы, товара, услуг, обеспечивающий положение фирме на рынке, верность покупателя фирменной марке» [2].

3. В Энциклопедическом словаре «Основы духовной культуры» акцентируются следующие характеристики имиджа: закрепленное в общественном сознании, созданное у окружающих мнение о человеке, организации, деле, их ведущих качествах, обеспечивающее затем целостное и устойчивое их восприятие. <...> Наличие имиджа заставляет человека (организацию) последовательно следовать заданной поведенческой модели, что делает более устойчивым поведение людей, подчас даже вопреки их внутренним изменениям. Имидж формируется самими людьми, иногда с помощью рекламы, средств массовой информации. Технология создания имиджа составляет самостоятельную отрасль социальной психологии» [3].

Обобщая приведенные определения, отметим, что имидж трактуется как целенаправленно сформированный и закрепленный в общественном сознании образ (репутация) лица, явления, предмета, организации, способствующий

щий повышению экономической эффективности деятельности имиджируемого субъекта посредством следования заданной поведенческой модели.

1. Маркетинговые аспекты имиджа территории

Приведенные определения не учитывают тот факт, что в связи с интенсивным развитием территориального маркетинга все большее распространение получает такое направление имиджирования, как имидж территории (города, региона, страны). В настоящее время идет работа над созданием имиджа и бренда Российской Федерации, брендов регионов и отдельных городов [4], но в силу того, что территориальный маркетинг в России является молодым направлением, не получившим пока необходимого теоретического и практического оснащения, данные проекты терпят неудачу и в дизайнерском плане, и в плане позиционирования среди основных целевых аудиторий (российских и зарубежных инвесторов, туристов, а также местных жителей).

Понятие имиджа, уже подробно изученное и описанное западными учеными, только с 1990-х гг. начинает входить в сферу российского бизнеса. Теоретическое осмысление в трудах отечественных ученых феномен имиджа получил лишь к началу XXI в. Советские ученые исследовали имидж только в рамках критики буржуазной идеологии.

XXI век расставляет новые акценты в исследовании имиджа. Большое развитие получают изучение имиджа территории, разработка эффективных процессов его формирования, значимых составляющих элементов. Из зарубежных источников классическим считается труд Ф. Котлера, К. Асплунда, И. Рейна, Д. Хайдера «Маркетинг мест», в котором проблемы имиджирования территорий рассматриваются на примере Европы. Авторы разрабатывают терминологический аппарат маркетинга территорий, описывают разные виды территорий и способы их позиционирования и продвижения на рынок, предлагают свою классификацию имиджей территорий, способы продвижения имиджа для разных целевых аудиторий: местных жителей, инвесторов, туристов. Имидж территории понимается как сумма впечатлений и представлений о данной территории, сложившаяся в сознании целевых аудиторий и определяющая их отношение к данной территории [5. С. 204–205].

В отечественной литературе данное направление представлено трудами А.П. Панкрухина, И.С. Важениной, С.Г. Важенина, Г. Хасаева, И.Л. Акулича, Н.М. Старинщикова и др.

И.С. Важенина и С.Г. Важенин понимают под имиджем территории «набор ощущений и образных, эмоционально окрашенных представлений людей, которые возникают по поводу природно-климатических, исторических, этнографических, социально-экономических, политических, морально-психологических и других особенностей данной территории» [6. С. 2], т.е. имидж обусловлен когнитивными процессами мыслительной деятельности человека. С понятием имиджа тесно связано понятие репутации территории, которая «выступает как объективно сложившаяся и подтвержденная практикой совокупность ценностных убеждений и рациональных мнений о территории, сформировавшихся у людей (человека) на основе полученной достоверной информации о регионе, личного опыта взаимодействия или опосредованных контактов» [6. С. 2]. Имидж воспринимается авторами как некая абстракция,

связанная более с чувственными аспектами человеческого восприятия, тогда как репутация – это область гасіо, дополненная личным деловым опытом человека. Данные определения имиджа и репутации, равно как и приведенное выше определение из словаря «Основы духовной культуры», указывают на связь имиджа, мышления и познания, поскольку имидж предстает как некая чувственная категория нашего мышления, напрямую зависящая от субъективных процессов восприятия информации. Следовательно, процессы имиджирования могут быть репрезентативны и в контексте разговора о когнитивной науке.

Авторы выделяют следующие компоненты (важные для различных целевых аудиторий) в качестве основных слагаемых репутации любой территории: 1) эмоциональная привлекательность; 2) особенности региональной экономики; 3) развитие производственной и социальной инфраструктуры; 4) инвестиционная привлекательность; 5) инновационная активность; 6) качество отношений с партнерами; 7) репутация руководства; 8) социальная ответственность региона; 9) финансово-экономические показатели [6. С. 2–3].

А.П. Панкрухин считает, что имидж территории может восприниматься на разных уровнях сознания: бытовом, деловом, финансовом, социально-экономическом, являясь результатом взаимодействия психологических, политических и экономических факторов. В своей книге «Маркетинг территорий» А.П. Панкрухин анализирует три уровня территориального маркетинга: страны, региона и города. Имидж является неотъемлемым компонентом всех указанных уровней, хотя зачастую подменяется брендингом территории, направленным не на формирование искомого образа, а лишь на продвижение художественных символов, логотипов территории, часто не связанных с реальностью и текущим положением региона. Схожую точку зрения встречаем в материале А. Дружинина и Н. Бережной, где перечислены наиболее интересные работы в области брендинга территорий, появившиеся за последние годы [4]. Несмотря на наличие весьма удачных и креативных проектов брендов, которые успешно функционируют в некоторых городах и по сей день (например, часто упоминающийся в отечественной литературе бренд Урюпинска – столицы провинции), многие из этих проектов нежизнеспособны в силу своей оторванности от реальной социально-экономической ситуации в городе.

«Имидж города формируется на базе распространяемой о нем информации, соответствующих индексов и рейтингов, реально существующих аргументов функционирования и развития городов» [7. С. 214]. Не стоит забывать и о географических, климатических, национальных и экономических различиях, а также о той роли, которую город играет в народном хозяйстве страны (донора или реципиента) [7. С. 155]. Кроме маркетинга имиджа, для региона и города большое значение имеют маркетинг достопримечательностей, развлечений и маркетинг инфраструктуры, а также маркетинг персонала. Как и в случае с имиджем страны, имидж города в значительной мере определяется наличием городской символики (герба и флага города), городских наград, словесных символов, имиджем выдающихся личностей, проживавших и живущих, работавших и работающих в городе.

2. Культурологические аспекты имиджа территории

В культурологическом аспекте феномен имиджа города может быть рассмотрен в контексте следующих подходов.

1. Имидж как способ моделирования новой (популяризированной) реальности в массовой культуре

В сфере шоу-бизнеса и массовой культуры имидж давно стал одним из инструментов манипулирования общественным мнением. «Имидж в такой ситуации превращается в органичный текст массовой культуры, приобретая статус легитимного и оперативного способа познания мира, становясь оптимальным манипулятивным инструментом, задающим стереотипные контексты для выстраивания ценностных ориентаций в социуме» [8. С. 3].

Имидж в массовой культуре становится способом моделирования новой псевдокультурной реальности, насквозь пропитанной псевдокультурными образами – симулякрами. В такой ситуации имидж города имеет двойственную природу, являясь одновременно продуктом легитимной культурной среды и маргинальной (возможно, контркультурной) среды, которые наделены культуротворческим потенциалом.

Имидж города призван популяризировать необходимые его создателям культурные, исторические и прочие смыслы, которые часто на поверку оказываются симулякрами. В то же время имидж города в качестве дополнительного компонента включает в себя и отношение самих жителей к городу, которое может противоречить формируемой властными структурами положительной концепции имиджа. Таким образом, в сфере массовой культуры возникает своеобразная модель имиджа города как «культурно-маргинального симулякра», сложного переплетения преднамеренных и непреднамеренных коммуникаций.

2. Имидж города как семиотический феномен

По мысли Ю.М. Лотмана, город как семиотический феномен может быть рассмотрен на двух уровнях: город как имя и город как пространство.

Имя города (его бренд) – одна из основных составляющих его имиджа. В имени содержится первичная знаково-символическая информация, которая при первом приближении дешифруется даже недостаточно осведомленным адресатом. Так, например, название «Санкт-Петербург» указывает на святость данного места и на его связь с основателем, а при более глубоком исследовании культурно-исторического контекста приводит к соотносению Петербурга с Римом, Новгородом, к представлению о Петербурге как о святом имперском городе, «Новом Риме», вскрывает проевропейскую ориентацию Петра Первого [9. Т. 3. С. 206]. Таким образом, имя города обладает семиотическим потенциалом и может служить культурно-историческим маркером определенной эпохи, орудием манипулирования общественным мнением (речь идет, в частности, о переименованиях городов в советское, а затем и в постсоветское время) или стать одной из основных составляющих концепции имиджа города.

С именем города семантически связан такой компонент имиджа, как герб: «Имя и герб предстают как словесное и визуальное выражение одной общей идеи» [9. Т. 3. С. 206].

Второй уровень – город как пространство – подразумевает восприятие города как «сложного семиотического механизма, генератора культуры», представляющего собой «котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням. <...> Реализуя стыковку различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, город осуществляет разнообразные гибридизации, перекодировки, семиотические переводы, которые превращают его в мощный генератор новой информации» [10. Т. 2. С. 13–14]. Имидж города в данном случае предстает как семиотическая игра с историческим прошлым, обнажение и популяризация одних символов, затемнение других. Параллельно идет процесс моделирования новой имиджированной реальности: имя города, архитектурные, природные, культурные объекты лежат в основе конструирования имиджа.

Отметим также оппозицию концентрического и эксцентрического города в семиотическом пространстве. Концентрическое положение города связано с положением города на горах, эксцентрическое – с положением города «на краю культурного пространства: на берегу моря, в устье реки» [10. Т. 2. С. 10], что неизбежно рождает эсхатологические мифы, связанные с данным городом, поскольку он создан вопреки природе и находится в постоянной борьбе с нею. Таков Петербург, воспринимаемый писателями XIX в. как мифический «болотный» город, обреченный на гибель. Эсхатологический контекст Томска, являющегося также эксцентрическим городом, не ощущается жителями, скорее наоборот, город воспринимается как существующий вопреки всем невзгодам, который будет существовать еще не одно столетие. Расположенный на краю экономического и культурного пространства (в отдалении от Транссибирской магистрали), являющийся традиционным местом ссылки каторжников, окруженный болотами, тайгой, имеющий суровый климат, город тем не менее предстает в сознании жителей как крупнейший научно-образовательный центр, в котором был открыт первый вуз Сибири. Один из старейших сибирских городов, когда-то игравший главную роль в культурно-экономическом пространстве Сибири, но позднее вытесненный более крупными городами (например, Новосибирском), Томск по-прежнему воспринимается жителями как «Сибирские Афины», «Особая экономическая зона», как возможная столица Сибири (в случае установления независимости от России, слухи о возможности которой появились в 1990-е гг.).

Кроме обозначенных уровней, входящих в состав имиджа города, можно сказать, что в целом имидж являет семиосферу, обладающую следующими характеристиками. 1. Отграниченность: граница между «своим» и «чужим» пространством может быть преодолена посредством процесса семиотизации несемиотичных объектов. Применительно к имиджу города данный признак может быть рассмотрен в аспекте выделения репрезентативных явлений культуры (в том числе и массовой), определения их знаковых характеристик и использования их в качестве фундаментальной основы имиджа. 2. Семиотическая неравномерность, сводящаяся к делению на ядро и периферию [11. Т. 1]. Ядро имиджа могут составлять знаковые для каждого конкретного города образы, мотивы, сюжеты, имеющие потенциал сохранения и распространения культурных ценностей, накопленного социального опыта. В то же время имидж должен быть вписан в круг интересов целевой аудитории, вос-

приниматься ею позитивно, следовательно, должен эксплуатировать значимые для нее образы и знаки, современные достижения НТП.

Ранее нами была разработана семиотическая модель имиджа учреждения культуры [12]. Поскольку имидж города является более сложным образованием, то семиотическую модель имиджа города можно представить следующим образом:

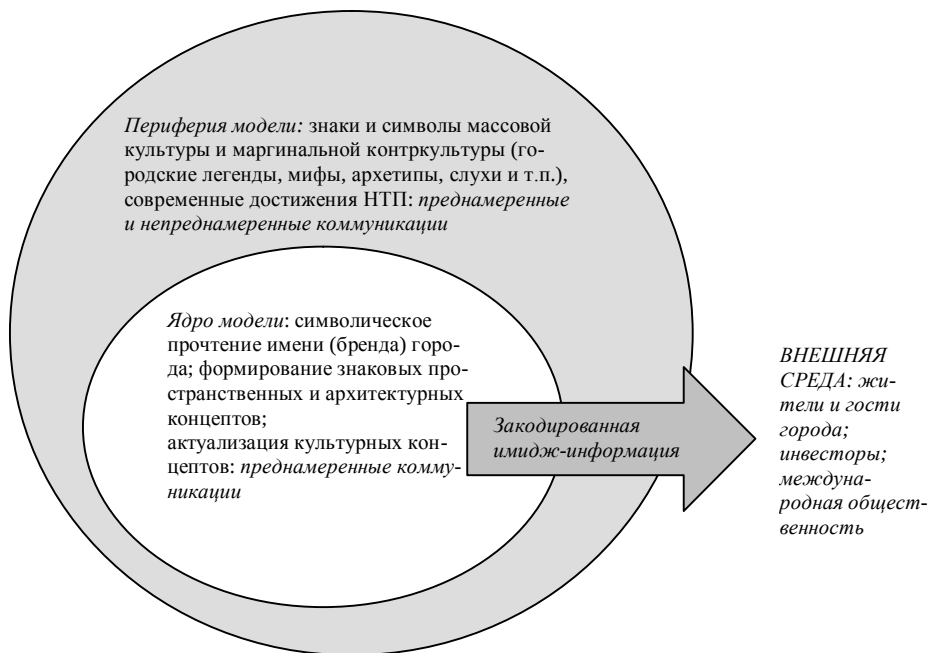

Рис. 1. Семиотическая модель имиджа города

Восприятие имиджа (и бренда) города как социально-экономического и культурно-семиотического географического феномена приводит нас к понятию *имажинальной географии*, изучающей «особенности и закономерности формирования географических образов, их структуры, специфику моделирования, способы и типы репрезентации и интерпретации» [13. С. 27]. Имажинальная география функционирует на стыке нескольких гуманитарных дисциплин (культурной географии, культурологии, культурной антропологии, культурного ландшафтоведения, когнитивной географии, мифогеографии, истории, философии, политологии, когнитивных наук, искусствоведения, языкознания и литературоведения, социологии, психологии) и может стать эффективным инструментом универсальной концепции имиджа, синтезирующей в себе достижения указанных выше подходов.

В качестве методологической основы науки выступает метод образно-географического картографирования. «Образно-географическая карта (или карта географических образов) – графическая модель географических образов какой-либо территории или акватории» [13. С. 30]. При этом географический образ трактуется с позиции семиотики как «система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко

и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию» [13. С. 29]. Поскольку такая карта является образной, то при ее создании основное внимание уделяется знаковым концептам и символам определенного географического пространства. Здесь нет необходимости строго соблюдать масштаб, традиционные картографические правила и проекции либо вообще не соблюдаются, либо соблюдаются частично. Главная задача такой карты – дать образное, знаково-символическое отображение какой-либо местности. При необходимости географические образы могут быть разделены на образы разных порядков, имеющих соответствующие обозначения.

На наш взгляд, имагинальная география обладает необходимым инструментарием для разработки различных концепций имиджа города. Можно построить любое количество образно-географических карт, ориентированных на разные общественные сегменты. Данные карты будут отражать ключевые моменты в построении имиджа города – его архитектурно-пространственные компоненты, которые войдут в ядро семиосферы имиджа, дополнятся официальной и неофициальной (легенды, мифы, слухи и т.п.) культурно-имиджевой информацией, которая будет подана адресату с соответствующим ключом дешифровки.

Приведем пример образно-географической карты, предназначенной для моделирования имиджа Томска для туристов.

Согласно «Стратегии развития города Томска до 2020 года (с прогнозом до 2030 года)» [14], одним из актуализированных стратегических направлений развития города Томска стало направление «Широкие возможности для самореализации горожан». Указанное направление существовало и в предыдущей стратегии, но называлось иначе («Внешнее позиционирование города») и включало в себя работу по созданию и продвижению бренда и имиджа Томска. Переименование вызвано тем, что новое направление включает в себя (помимо работы по позиционированию) работу по развитию городского сообщества. Причем указанные типы работ должны осуществляться при активном участии горожан. Так, работа по созданию территориального имиджа города ведется силами горожан в рамках «Конкурса на лучшую концепцию визуального и вербального стиля территориального бренда Томской области». Но, к сожалению, концепции, предложенные конкурсантами, кажутся непродуманными и наивными, слабыми в графическом исполнении, с большим количеством орфографических ошибок.

Метод образно-географического картографирования поможет правильно выбрать направления имиджирования для конкретной аудитории и грамотно расставить акценты, представив основные компоненты имиджа наглядно.

Туризм не является одним из приоритетных направлений развития, упомянутых в «Стратегии», но на «Инвестиционном портале Томской области» можно найти основные направления туризма: экстремальный туризм, агротуризм, охотничье-рыболовный туризм, культурно-исторический и образовательный. На наш взгляд, сюда можно добавить и паломничество (в контексте легенды о Федоре Томском). Для каждого вида может быть составлена своя образно-географическая карта, на которой будут обозначены ключевые тур-объекты.

Широко известная в силу частого транслирования в СМИ легенда о старце Федоре Кузьмиче – пример томского локального мифа. Данная ле-

генда стала знаковым моментом при разработке экскурсионного историко-культурного маршрута по городам России – местам пребывания старца (якобы императора Александра I). Приведем примерный образец образно-географической карты, предназначенной для разработки туристско-паломнического имиджа г. Томска.

Рис. 2. Макет образно-географической карты, предназначенной для разработки туристско-паломнического имиджа г. Томска

Отметим, что нами выделены лишь образы первого порядка, которые могут быть положены в основу имиджа города для паломников. Данная карта может быть дополнена и расширена образами второго порядка.

Описанные выше концепты имиджа будут транслироваться целевым аудиториям посредством преднамеренных коммуникаций (имиджевая реклама, имиджевые мероприятия территориального маркетинга и т.п.).

Модель имиджа города обязательно должна иметь разное содержание для разных целевых аудиторий. Только в этом случае она может стать эффективным инструментом позиционирования города в глазах инвесторов, международной общественности, туристов и т.д.

Литература

1. *Большой энциклопедический словарь*. М., 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru>
2. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999.
3. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург, 2000.
4. Дружинин А., Бережная Н. Территориальный маркетинг. Бренд вместо территории // Sostav.ru: реклама, маркетинг, PR. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sostav.ru/publication/top-brendov-gorodov-14605>.
5. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2005. 381 с.
6. Важенкина И.С., Важенкин С.Г. Типологизация и ранжирование территорий на основе характеристик имиджа и репутации // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 31 (310). С. 2–11.
7. Панкрусин А.П. Маркетинг территорий. СПб.: Питер, 2010. 416 с.

8. Кузьмина Е.С. Онтологический статус имиджа в современной культуре: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2012. 21с.
9. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн: Александра, 1993. Т. 3. С. 201–212.
10. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн: Александра, 1993. Т. 2. С. 9–21.
11. Лотман Ю.М. О семиосфере // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 11–24.
12. Скрипник А.В. Семиотическая модель имиджа учреждения культуры // *Gaudeamus igitur*: научный журнал Томского института бизнеса. 2015. № 3. Современные гуманитарные исследования. С. 45–47.
13. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 26–50.
14. *Стратегия развития города Томска до 2020 года (с прогнозом до 2030 года)* // Инвестиционный портал Томской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.investintomsk.ru/>

Scripник Alena V. Tomsk State Pedagogical University, Tomsk Business Institute (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: blackstrawberry@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/33/13

MARKETING AND CULTURAL COMPONENTS OF THE IMAGE OF THE CITY (ON THE BASIS OF TOMSK)

Keywords: an image of a town, territorial marketing, semiosphere, humanitarian geography.

An image is a multi-faceted term which is used in different humanitarian sciences. If we generalize definitions, which are in economic and cultural literature, we can see that the image is described as a purposefully created type of a men, object, organization for definite society. This image is created for a rising of economic efficiency of activity of an image's subject with the help of ordered behavioral model. These definitions don't take into consideration the fact that nowadays marketing of a territory develops rapidly. Such section of image studies as the image of a territory is widespread now.

In our study we create a semiotic model of the image of the town. This model represents a semiosphere, core of which are different concepts: the name of the town as a symbol (with different meanings for different segments), town symbols; formation of symbolic spatial and architecture concepts (which are marked in different figurative and geographic maps and based on interests of each segment); topical for specific target audience culture concepts (e.g. memorable places of outstanding personalities). These concepts will be transmitted to the target audience with the help of intentional communication (image advertising, image events of territorial marketing). The periphery of the model consists of signs and symbols of mass culture and marginal counterculture (legends of the town, myths, archetype, gossip), which will be transmitted to the target audience with the help of unintentional communication.

In the context of our research of humanitarian geography we create approximate sample of figurative and geographic map on the base of which we can work out tourist and pilgrimage image of Tomsk.

The image's model of the town should have different content for different target audience obligatorily. In this case it could be an effective tool of promotion of the town for investor, international community and tourists.

References

1. Prokhorov, A.M. (ed.) (2000) *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Great Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya
2. Rayzberg, B.A., Lozovskiy, L.Sh. & Starodubtseva, E.B. (1999) *Sovremennyy ekonomicheskiy slovar'* [Modern Dictionary of Economics]. 2nd ed. Moscow: INFRA-M.
3. Bezrukova, V.S. (2000) *Osnovy dukhovnoy kul'tury (entsiklopedicheskiy slovar' pedagoga)* [Basics of Spiritual Culture (The Encyclopedic Dictionary of the Teacher)]. Ekaterinburg: [s.n.].

4. Druzhinin, A. & Berezhnaya, N. (2015) *Territorial'nyy marketing. Brend vmesto territorii* [Territorial Marketing. A brand instead of the territory]. [Online] Available from: <http://www.sostav.ru/publication/top-brendov-gorodov-14605.html>.
5. Kotler, F., Asplund, K., Rein, I. & Haider, D. (2005) *Marketing mest* [Marketing places Europe]. Translated by M. Akkaya, V. Mishuchkov. St. Petersburg: The Stockholm School of Economics.
6. Vazhenina, I.S. & Vazhenin, S.G. (2013) Tipologization and ranging of territories on basis of image and reputation characteristics. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika – Regional economics: theory and practice*. 31(310). pp. 2–11. (In Russian).
7. Pankrukhin, A.P. (2010) *Marketing territoriy* [Marketing territory]. St. Petersburg: Piter.
8. Kuzmina, E.S. (2012) *Ontologicheskii status imidzha v sovremennoy kul'ture* [The ontological status of the image in the contemporary culture]. Abstract of Culturology Cand. Diss. St. Petersburg.
9. Lotman, Yu.M. & Uspenskiy, B.A. (1993) Otvuki kontseptsii “Moskva – Tretiy Rim” v ideologii Petra Pervogo (K probleme srednevekovoy traditsii v kul'ture barokko) [Echoes of the concept of “Moscow – the Third Rome” in the ideology of Peter the Great (to the medieval tradition of the problem in the Baroque culture)]. In: Lotman, Yu.M. *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Vol. 3. Tallinn: Aleksandra. pp. 201–212.
10. Lotman, Yu.M. (1993) *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Vol. 2. Tallinn: Aleksandra. pp. 9–21.
11. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Vol. 1. Tallinn: Aleksandra. pp. 11–24.
12. Skripnik, A.V. (2015) Semioticheskaya model' imidzha uchrezhdeniya kul'tury [The semiotic model of the image of cultural institutions]. *Gaudeamus igitur: nauchnyy zhurnal Tomskogo instituta biznesa*. 3. pp. 45–47.
13. Zamyatin, D.N. (2010) Humanitarian Geography: Space, Imagination, and Interaction between Contemporary Human Sciences. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 9(3). pp. 26–50. (In Russian).
14. Investment portal of Tomsk Region. (n.d.) *Strategiya razvitiya goroda Tomsk do 2020 goda (s prognozm do 2030 goda)* [The development strategy of the city of Tomsk until 2020 (with outlook until 2030)]. [Online] Available from: <http://www.investintomsk.ru/>.

УДК 316

DOI: 10.17223/1998863X/33/14

Ю.Ю. Чилипенко

**ПРОФСОЮЗЫ, АССОЦИАЦИИ ПРОМЫШЛЕННИКОВ
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ, СЛУЖБЫ ЗАНЯТОСТИ
И КАДРОВЫЕ АГЕНТСТВА:
ОТНОШЕНИЯ С МАЛЫМ И СРЕДНИМ БИЗНЕСОМ**

Основной целью данного исследования стало изучение соответствия классической модели социально-трудовых отношений современной модели этих отношений в малом и среднем бизнесе. На основании анализа эмпирических данных были получены результаты, характеризующие существенную специфику последней.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, малый и средний бизнес.

Введение

В классической индустриальной модели социально-трудовых отношений определяются следующие ее основные субъекты:

- работодатели и их представители (объединения, союзы и ассоциации);
- наемные работники и их представители (профсоюзы);
- государство в лице его уполномоченных органов и представителей (Министерство труда и социальной защиты населения и т.д.)

Эта модель предполагает соответствующую традиционную схему взаимодействия между субъектами, известную под названием «трипартизма». В России эта модель реализуется в работе Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений. Однако сегодня мы наблюдаем ситуацию, при которой далеко не все участники российского рынка труда охвачены этой системой. Традиционные схемы во многих случаях больше не актуальны, так как изменился не только состав субъектов, но и сами направления, способы, формы и принципы социально-трудового взаимодействия, сложились новые, нетрадиционные схемы.

В наибольшей степени все эти трансформации касаются такой достаточно новой сферы для российской экономики, как малый и средний бизнес. Это самый молодой, самый гибкий, самый разнообразный и достаточно многочисленный сегмент современного рынка. Согласно статистике, в России в 2013 г. насчитывалось 2063,1 тыс. малых предприятий, что составляет 42,6 % от общей численности всех российских предприятий. Что касается численности работающих, то на малых предприятиях в 2013 г. было занято 16 % от всего занятого населения [1. С. 311–312]

Однако сегодня сфера социально-трудовых отношений именно в малом и среднем бизнесе представляется недостаточно изученной. Причин этому несколько: от сложности доступа к данным и информации до быстрой смены условий деятельности и существования, но главная сложность – огромное разнообразие самих объектов исследования и изучаемых ситуаций и практик. Как следствие возникает целый комплекс проблем, связанных с анализом

социально-трудовых отношений в малом и среднем бизнесе и спецификой взаимодействия субъектов этих отношений. Одна из проблем, которую хотелось решить в этой связи, состоит в проверке применимости классической, традиционной схемы социально-трудовых взаимодействий к малому и среднему бизнесу. Являются ли профсоюзы представителями работников малого и среднего бизнеса? Каковы отношения работодателей из малого и среднего бизнеса с их объединениями? Какую роль играет служба занятости как представитель государства в урегулировании их отношений? И, наконец, каковы отношения субъектов малого и среднего бизнеса с независимыми посредниками на рынке труда, например кадровыми агентствами? Эти вопросы мы и постараемся рассмотреть в нашем исследовании.

Метод и выборка

В соответствии с целями нашего исследования мы использовали следующие методы сбора и анализа эмпирических данных:

1. Анкетирование сотрудников предприятий малого и среднего бизнеса

Респондентами явились 500 человек, работающих на предприятиях малого и среднего бизнеса. Из них на микропредприятиях (численностью от 1 до 15 человек) работают 175, на малых (численностью от 16 до 100 человек) – 260 и на средних предприятиях (численностью от 101 до 250 человек) работают 65 наших респондентов. Данное распределение соответствует общероссийской статистике [2. С.10]. Также, опираясь на данные Росстата по малому и среднему бизнесу, было определено и необходимое количество респондентов по видам деятельности предприятий [2. С. 14].

Таблица 1. Распределение респондентов по видам деятельности (чел.)

	Микро	Малые	Средние
Производство	25	54	34
Строительство	22	35	8
Услуги	62	95	13
Торговля	66	76	10
Итого	175	260	65

Мужчин и женщин опрошено примерно поровну. Анкетирование было проведено в марте – апреле 2015 г. Для всех респондентов это основная работа. Данные были проанализированы с помощью программы SPSS, версия 19.0.

2. Полуструктурированные интервью с собственниками предприятий малого и среднего бизнеса (n=68). Интервью были проведены осенью 2015 г. Для осуществления контент-анализа транскриптов интервью была использована программа QDA Miner Lite, версия 1.3.

Что касается характеристик респондентов, то по категориям они распределились следующим образом:

1. В категории *форма собственности* по указанным ниже трем кодам произошло следующее распределение: ИП =38; ООО =28; НОУ=2.

2. В категории *количество работающих в организации* коды распределились следующим образом: 1–15 чел.=24; 16–100 чел.=35; 101–250 чел.=9, что также соответствует данным общероссийской статистики⁹.

3. Категория *сфера деятельности* представлена так: торговля=25; услуги=20; строительство=9; информационные технологии=6; производство=4; сельское хозяйство=2; научная и проектная деятельность=2.

4. Что касается категории *давность существования*, большинство высказываний (n=32) отражают код «от 10 до 20 лет»; организаций, старше 20 лет оказалось немного (код – «старше 20 лет», n=7), молодые организации (код – «до 3 лет») представлены только в пятой части (n=16), примерно столько же существуют «от 3 до 10 лет» (n=13).

5. По территориальному охвату половина высказываний представляют код «только в своем городе и области» (n=39), примерно четверть – «по России» (n=24) «и в странах бывшего СНГ» «и за рубежом» (n=5).

Четыре **экспертных интервью** с представителями интересующих нас: а) профсоюзов (муж., 56 лет); б) ассоциации промышленников и предпринимателей (муж., 65 лет); в) службы занятости (муж., 62 года); г) кадрового агентства (жен., 44 года). Все эксперты занимают высокие руководящие должности. С ними осенью – зимой 2015 г. были проведены глубинные интервью продолжительностью приблизительно 1,5 часа каждое.

Результаты

1. Взаимодействие с профсоюзами

Мнение работодателей

В классической схеме взаимодействий субъектов социально-трудовых отношений работники, как правило, являются членами профсоюза, которые представляют их интересы, а работодатель активно контактирует с профсоюзами. Кроме того, согласно Трудовому кодексу РФ, работодатель обязан обеспечить условия для деятельности представителей работников [3. Ст. 32].

В категории «отношение с профсоюзами» все высказывания работодателей объединились под кодом «*мои сотрудники не являются членами профсоюза*». Поэтому мы решили остановиться на причинах этого явления. Здесь нам удалось вычленить следующие коды: «они не имеют смысла» (n=10), «это актуально только для крупного бизнеса» (n=4), «им не верят» (n=3), «они важны, если выполняют свои функции» (n=1).

Услышали мы и единичные высказывания, касающиеся потенциальной положительной роли профсоюзов: «хорошо бы вернуться к советским традициям», «хорошо бы, если б были», «профсоюзы – это было хорошо», «это может быть выгодно». Отмечено и еще одно показательное высказывание о том, что «профсоюзы должны быть подконтрольны руководству предприятия».

А вот следующие высказывания (нам пришлось объединить их под одним кодом «я и есть профсоюз») представляют некую нетрадиционную картину (или возвращают нас к патерналистской системе отношений «работник – работодатель»): «теперь я их профсоюз», «раньше заботилось государство, а теперь наша организация», «я их профсоюз и социалита».

Мнение работников

91% наших респондентов ответили, что не являются членами профсоюза, остальные затруднились ответить. При ответе на вопрос: «Хотели бы Вы

стать членом профсоюза?» ответивших «да» оказалось 5%, «нет» – 70%, «не знаю» – 25%.

Интересными оказались и ответы на вопросы о привлекательности членства в профсоюзных организациях и причинах нежелания быть членами таких организаций (табл. 2, 3).

Таблица 2. Что Вас привлекает в идее профсоюза? (%)

Не знаю, но кажется, что у работников должно быть свое объединение	40
Возможные льготы	36,5
Помощь в решении различных проблем	28
Возможность отстаивать свои интересы перед работодателем	25
Возможность отстаивать свои интересы перед государством	19
Совместные мероприятия	19

Таблица 3. Что Вас отталкивает в идее профсоюза? (%)

Не хочу уделять время профсоюзной деятельности	50
Мы привыкли индивидуально и самостоятельно решать проблемы	28
Не хочу платить взнос	27,5
Наши интересы защищает работодатель	14
Мы защищены государством	8

Таким образом, мы получаем следующую картину.

1. Очевидно, что малый и средний бизнес сегодня остается в стороне от профсоюзного движения. Профсоюз здесь больше не является представителем работников. (Более ранние наши исследования, связанные с изучением роли профсоюзов на крупных промышленных предприятиях, указывают, что там профсоюзная деятельность достаточно развита и в наши дни.) [4] Следовательно, направление взаимодействия «работодатель – профсоюз», свойственное классической схеме социально-трудовых взаимодействий, можно исключить из модели социально-трудовых отношений в малом и среднем бизнесе.

2. Одна из основных причин отсутствия данного взаимодействия состоит в том, что работники малого и среднего бизнеса не являются членами профсоюзов и не испытывают желания ими стать.

3. Однако около 40% считают, что у работников должно быть свое объединение, и более 50% высказывают положительное отношение к профсоюзам в случае, если могут рассчитывать на льготы и помощь с его стороны, однако сами в большинстве своем не хотят платить профсоюзные взносы и уделять время профсоюзной деятельности.

4. Работодатели не высказывают явного негатива к профсоюзной идее, даже находят в ней определенный плюсы, но не верят в них и считают, что выполнить функции профсоюза лучше всего может сам работодатель.

Мнение эксперта:

Вот как комментирует эту ситуацию наш эксперт – представитель профсоюзов:

«Одна из основных проблем – отсутствие первичной организации. Инициатива должна идти снизу. Работодатель не должен создавать профсоюз, это не входит в его обязанности. Для создания первичной организации необходимо всего три человека.

Я задаю вопрос предпринимателям самого незначительного малого бизнеса: «Есть ли у вас профсоюзные организации?» 90% отвечают, что нет. Я спрашиваю: «Почему?» и даю варианты ответа: «1) Потому что они мешают финансово-экономической деятельности, 2) потому что я сам создаю работникам все необходимые условия, 3) потому что я скоро создам профсоюз или 4) потому что работники сами не хотят». Максимальное количество ответов набирает последний пункт. Сами работники ничего не делают для того, чтобы создавался профсоюз. А то, что работодатель саботирует – это не так, я в этом убедился. Главное – что против сами работники. Почему? Они не верят в профсоюзы? Я допускаю. Но в большей степени это происходит потому, что «позвоночное право», которое обеспечивают органы контроля и надзора и которым пользуются работодатели, делает работников униженно-оскорбительными рабами. Большая часть молодых людей вообще не верит в стабильность пенсионного обеспечения, они живут сегодняшним днем и, в отличие от своих бабушек, дедушек, отцов и матерей, не сильно доверяют этой системе. Но можно попытаться побороться за свои элементарные права?»

Исходя из вышесказанного, добавим в наши выводы еще один пункт:

5. Причина отсутствия профсоюзов в малом и среднем бизнесе кроется, в первую очередь, в нежелании самих работников объединяться в подобные организации, а не в саботаже или сопротивлении работодателей таким процессам.

2. Взаимодействие Ассоциацией промышленников и предпринимателей

Мнение работодателей

Согласно Трудовому кодексу, объединения работодателей представляют интересы работодателей в социальном партнерстве [3. Ст. 33].

При анализе транскриптов наших интервью в категории «отношения с АПП» мы не встретили ни одного высказывания, которое можно было отнести к коду «являемся членами АПП». Под кодом «ничего о ней не слышал и не знаю» оказалось 21 высказывание, код «что-то слышал» объединил 10 высказываний. Только два респондента отметили, что пытаются взаимодействовать с АПП по некоторым вопросам. По поводу причин отсутствия этого взаимодействия нашлось всего три высказывания: «наш бизнес слишком мелкий для членства», «не вижу необходимости», «нет доверия».

Дальнейший анализ показал наличие у ряда работодателей потенциального желания вступить в данную организацию и мнений о возможных выгодах от членства в ней: «хотели бы стать членами АПП», «хотели бы, но ничего о них не знаем», «хотели бы, но позже», «там можно приобрести нужные связи», «думаю, это полезно».

Таким образом,

1) взаимодействие «работодатель – Ассоциация промышленников и предпринимателей» также отсутствует в малом и среднем бизнесе;

2) у ряда работодателей малого и среднего бизнеса прослеживается желание вступить в Ассоциацию, однако они мало проинформированы о ней самой, ее деятельности и правилах вступления, а также считают, что членство в Ассоциации только для крупных предприятий.

Мнение эксперта

Наш эксперт, представитель Ассоциации промышленников и предпринимателей, по поводу данной ситуации высказывает следующее мнение:

«В цивилизованных странах практически все организации состоят в ассоциациях. У нас с этим сложнее. Чаще всего это обусловлено тем, что экономика у нас достаточно нецивилизованная, мягко говоря, поэтому многие предприятия просто не хотят «светиться», потому что работают, прижились к налоговой, к пожарникам, ко всем и живут так. Выплачивают потихонечку, живут сами по себе. На западе прозрачный бизнес, поэтому там предприятие всегда ищет способы, чтобы сплотиться, и, прозрачно работая, оно может отстаивать свои интересы, и ему помогает в этом ассоциация.

Сейчас есть такое выражение: «Нужно, чтобы малый бизнес ощутил полезность сотрудничества с ассоциацией». Я думаю, что только на примере конкретных дел. Любой предприниматель, даже самого маленького бизнеса, может к нам обратиться и выразить желание вступить в ряды Ассоциации. Такие прецеденты есть, но их немного».

И здесь приходится сделать вывод об отсутствии инициативы от самих потенциальных членов – работодателей из малого и среднего бизнеса – как основной причине, по которой взаимодействие «работодатель – Ассоциация» исключается из общей картины социально-трудовых взаимодействий малого и среднего бизнеса.

В целом, причин, по которым работники малого и среднего бизнеса не хотят быть членами профсоюза, а работодатели – членами Ассоциации, множество, и они требуют дальнейшего изучения. Но, на наш взгляд, прослеживается и обратная ситуация, а именно незаинтересованность в сотрудничестве с малым и средним бизнесом как крупных профсоюзных объединений, так и ассоциаций, которых больше привлекают работники и работодатели из крупного бизнеса.

3. Взаимодействие со службами занятости и кадровыми агентствами

Службы занятости и кадровые агентства, с одной стороны, являются посредниками в отношениях между работниками и работодателями в поиске работы первыми и поиске сотрудников вторыми, с другой стороны, служба занятости – это представитель государства, выполняющий еще ряд значимых функций (например, назначение пособий по безработице), а кадровые агентства – это независимые посредники, коммерческие организации, преследующие собственные коммерческие цели.

Мнение работодателя о службе занятости

При анализе категории «отношения со службами занятости» большинство высказываний объединились под кодом «не обращаемся» (n=36). Четверть высказываний подтверждают опыт общения (постоянный или время от времени) (n=16).

Мнения об эффективности этого взаимодействия расходятся: от «часто обращаемся и нам нравится», «нет никаких проблем» до «обращались, но нет смысла», «служба занятости у нас не работает». Есть и такой вариант: «нам не нужны люди, которые обращаются в службу занятости».

Мнение работодателя о кадровых агентствах

В категории «частота обращений» имеющиеся высказывания разделились следующим образом: «часто» (n=5), «редко» (n=18), «никогда» (n=13). Категория «причины обращений» включает несколько кодов: «отсутствие времени на самостоятельный поиск» (n=9), «у агентства большая база» (n=7), «когда нужно найти работников на новых территориях» (n=5), «нет своей кадровой службы» (n=4) и т.д. В категории «причины необращений» также определилось несколько кодов: «нет на них денег» (n=9), «низкое качество работы» (n=6) и наиболее многочисленный – «их заменил Интернет» (n=16).

В категории «эффективность взаимодействия» отрицательных высказываний (n=13) оказалось вдвое больше, чем положительных (n=6). Ряд высказываний оценивают эффективность взаимодействия как «нормально» (n=9). И только в шести высказываниях работодателей отмечено, что у них нет проблем с кадровыми агентствами, их все устраивает и «агентства находят персонал быстрее».

Под кодом «проблемы с кадровыми агентствами» отмечены: «дорого» (n=10), «низкое качество» (n=7), «не могут найти обычных работников» (n=3), «люди, которых они предлагают, ненадежны» (n=3), «имеют смысл только в больших городах» (n=3). Есть и претензии другого рода: «для них люди – товар» (n=2), «главная их задача – заработать деньги» (n=4), «формальный подбор» (n=1), «среди них много аферистов» (n=1).

Мнение работников о службе занятости и кадровых агентствах

80% наших респондентов никогда не обращались в службу занятости, а 85% – в кадровые агентства. На вопрос о причинах этого были получены следующие ответы (можно было выбрать все необходимые варианты ответов) (табл. 4).

Таблица 4. Причины необращений (%)

	СЗ	КА
Не приходилось специально искать работу	25	25
Помогали друзья и знакомые	23	23
Они не вызывают доверия	19	21
Это неподходящий способ в моей сфере (профессии)	23	14
Мне не известно, как это сделать	15	14
Это дорого		13
Я привык обращаться в службу занятости		8
Другое	5	3

То есть около половины работников обходят такие стратегии поиска работы, обращаясь к неинституциональным формам решения этого вопроса.

Причины обращений наши респонденты называют следующие (в обоих случаях можно было выбрать все необходимые варианты ответов) (табл. 5).

Таблица 5. Причины обращений в службу занятости (%)

Получить статус безработного и оформить пособие	55
Изучить вакансии	42
Получить направление на работу	38
Проконсультироваться со специалистами	31
Получить направление на переобучение	14,5
Другое	2

Таблица 6. Причины обращений в кадровые агентства (%)

Агентство может предложить те варианты вакансий, которые сам не найдешь	43
С помощью агентства можно найти работу быстрее, чем самостоятельно	26
Не знаю, как искать работу	17
Лень самому искать работу	14
Другое	14

При этом на вопрос: *Готовы Вы ли Вы платить за услуги кадрового агентства?* – только 16% ответили утвердительно, 57% – платить не готовы, а 27% затруднились ответить.

Заключительный вопрос касался проблем, которые возникают при взаимодействии с указанными организациями:

Таблица 7. Проблемы взаимодействия работников со службами занятости и кадровыми агентствами (%)

	СЗ	КА
Предлагают не то, что может подойти	22,5	22
Дают недостоверную информацию, говорят не все	11	20
Медленно работают	16	13
Предлагают то, что я и сам могу найти в Интернете	13	17
Высокая стоимость услуг		26
Пытаются навязать дополнительные услуги		20
Трудности с получением пособия по безработице	6	

Таким образом:

1. Направления взаимодействия «работодатель – службы занятости», «работник – служба занятости», «работодатель – кадровое агентство», «работник – кадровое агентство» не являются определяющими в общей схеме социально-трудовых взаимодействий в малом и среднем бизнесе.

2. Те немногочисленные контакты, которые осуществляются в этих направлениях, нельзя однозначно определить как положительные или отрицательные.

3. Вовлеченность работодателей во взаимодействия с кадровыми агентствами, видимо, выше, чем в отношении со службами занятости, а работникам, наоборот, несколько ближе службы занятости, чем кадровые агентства.

Мнение экспертов:

По мнению нашего эксперта – представителя службы занятости, *«со стороны работодателей к нам какое-то предвзятое отношение. Они почему-то считают, что на «бирже труда» можно найти только неумех и неудачников. Одно слово – «биржа» отталкивающе действует. Хотя мы оказываем услуги на достаточно хорошем уровне, психологическом, профессиональном, переобучаем. И подбираем кадры, вакансии есть достаточно хорошие.*

А что касается малого и среднего бизнеса, то для них у нас есть специальные программы. Например, в программе оснащения рабочих мест для инвалидов крупный бизнес практически не участвует, только малый и средний. И самозанятость. Если человек хочет попробовать себя в бизнесе, они проходят обучение, защищают бизнес-план и получают деньги на организацию своего дела.

Ну, а главное наше преимущество для работников перед кадровыми агентствами – у нас все бесплатно!»

Наш эксперт, директор кадрового агентства, высказывает следующее мнение: *«Во-первых, мы сами – малый и средний бизнес. Как клиенты они нам не менее интересны, чем крупный. Конечно, крупный бизнес – это постоянное, существенное количество заявок на подбор, предоплата, четкая система взаимодействия. С малым бизнесом контакты нередко единичны, есть сложности с организацией взаимодействия и объемом ответственности за результат, но все выстраиваем и работаем. У нас достаточно много клиентов – работодателей малого и среднего бизнеса».*

В ситуации, когда ни профсоюзы, ни службы занятости, ни кадровые агентства не оказывают существенного влияния на трудовую жизнь современных работников малого и среднего бизнеса, мы решили выяснить, а кто же оказывает такое влияние, и задали нашим респондентам соответствующий вопрос. Результаты представлены в табл. 8.

Таблица 8. Кто оказывает наиболее заметное влияние на Вашу трудовую жизнь?(%)

Ваш непосредственный руководитель	72
Вы сами и Ваши коллеги являетесь главной определяющей силой в сфере трудовых отношений	46
Главы компаний, собственники	33
Семья, родственники, друзья, знакомые	31
Отдел кадров/служба управления персоналом	12
Налоговая служба	4
Службы занятости	3
Профсоюзы	3
Кадровые агентства	2,5
Пенсионные и страховые фонды	2
Миграционные службы	1

Таким образом, очевидна главенствующая роль непосредственного руководителя (менеджера) в трудовой жизни современного работника малого и среднего бизнеса, поэтому взаимодействие «работник – менеджер» и его место в современной системе социально-трудовых отношений в малом и среднем бизнесе требуют дальнейшего внимательного изучения.

Литература

1. *Российский статистический ежегодник*. 2014: Стат. сб. / Росстат. М., 2014. 693 с.
2. *Малое и среднее предпринимательство в России*. 2014: Стат.сб. / Росстат. М., 2014. 86 с.
3. *Трудовой кодекс Российской Федерации* / ред. от 31.12 2014
4. Орлов М.Б., Ключкова Т.Н., Чилипенко Ю.Ю. Молодежь и профсоюзы: проблемы и перспективы взаимодействия // Труд и социальные отношения. 2010. №6(72). С. 21–28.

Chilipenok Yulia Y. National Research University Higher School of Economics (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

E-mail: YuChil@rambler.ru

DOI: 10.17223/1998863X/33/14

TRADE UNIONS, THE ASSOCIATION OF INDUSTRIALISTS AND ENTREPRENEURS, EMPLOYMENT SERVICES AND RECRUITMENT AGENCIES: RELATIONS WITH SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES.

Keywords: social and labour relations, small and medium-sized business

The purpose of this study was to examine the specifics of the Russian model of interactions of social and labour relations actors in small and medium-sized businesses. The empirical research was considered on relationships of modern employees and employers of small and medium-sized businesses with trade unions, the Association of industrialists and entrepreneurs, the employment service and recruitment agencies. The following methods were used for the collection and analysis of empirical data: 1) questioning 500 employees of small and medium enterprises; 2) content analysis of semi-structured interviews with owners of 68

owners of enterprises small and medium-sized businesses; 3) expert interviews with representatives of trade unions, the Association of industrialists and entrepreneurs, services employment and recruitment agency.

The analysis of questionnaires and interview research focus was directed on the general nature and assessment of relations between workers and employers with target us agents. We cleared out the fact of the existence of this interaction, reasons why it occurs or is missing, the nature and methods of these interactions, its effectiveness and the problems.

Exploring the unique set of empirical data, the author concludes that in the modern model of social and labour relations in small and medium business is almost completely absent of such classic lines of communication as "worker- trade union" and «employer-association of industrialists and entrepreneurs». The interaction of the two main actors: workers and employers with the employment services and recruitment agencies are not decisive in the overall scheme of social and labour interactions (although for workers is probably closer to the employment services and for employers - recruitment agencies).

The research results are of interest as one of the stages of exploring common models of modern social and labour relations in small and medium business, which will generate the optimal strategy of joint action actors, which in turn will contribute to social stability in the society as a whole.

References

1. Russian statistics Committee. (2014a) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik* [Russian Statistical Yearbook]. Moscow: [s.n.].
2. Russian statistics Committee. (2014b) *Maloe i srednee predprinimatel'stvo v Rossii* [Small and medium businesses in Russia]. Moscow: [s.n.].
3. Russian Federation. (2014) *Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [The Labour Code of the Russian Federation].
4. Orlov, M.B., Klochkova, T.N. & Chilipenok, Yu.Yu. (2010) Youth and trade unions: interaction prospects. *Trud i sotsial'nye otnosheniya – Labour and Social Relations*. 6(72). pp. 21–28. (In Russian).

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

УДК 316.77

DOI: 10.17223/1998863X/33/15

А.М. Антонюк

ВИРТУАЛЬНАЯ ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА: ПОТЕНЦИАЛ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Рассмотрены неоднозначные тенденции в развитии Интернета, которые могут препятствовать осуществлению его потенциала как публичной сферы. Рассмотрение проблем использования Интернета в демократических государствах в социологической перспективе помогает выявить новые основания для оценки коммуникации. Предложенное понимание проблем виртуальных коммуникаций может стимулировать рефлексию по поводу условий общения и их регулирования.

Ключевые слова: публичная сфера, виртуальная коммуникация, Интернет, критическая теория, Юрген Хабермас.

Использование Интернета для привлечения людей к политическому участию представляет общий интерес для гражданских активистов, политиков и исследователей. Начиная с массового распространения доступа в Интернет в 1990-е гг. и появления онлайн-площадок для общения, ведутся дискуссии о новых возможностях и формах участия граждан в обсуждении общезначимых проблем, развития альтернатив доминирующим дискурсам, влияния на общественное мнение и принятия решений при помощи новых технологий. В то же время возникают проблемы киберпреступности, нарушения права на тайну частной жизни, масштабной государственной слежки. Фактическое использование Интернета может быть далеким от идеала, предлагаемого сторонниками демократического использования сети. Общее понимание проблем, связанных с Интернетом, формируется преимущественно в правовой, политической, экономической или технологической перспективе, что приводит к поиску односторонних решений, которые не учитывают факторов, выходящих за пределы указанных подходов. В условиях соперничества разносторонних и плохо координированных точек зрения на проблемы и способы регулирования сети маргинальным оказывается демократический дискурс, подчеркивающий политическое значение и характеристики виртуального публичного пространства. Под влиянием разносторонних интересов, представленных коммерческими компаниями, рекламными агентствами, государственными организациями, политическими партиями и традиционными СМИ, площадки для общения и инфраструктура Интернета подвергаются неявным трансформациям, затрагивающим роль и потенциал их применения в демократическом обществе. Цель данной статьи – предложить обзор некоторых проблемных черт виртуальных пространств для коммуникаций в перспективе теории публичной сферы. Данная точка зрения позволяет сформулировать критерии для оценки положения Интернета в более широком социальном контексте, а также представить альтернативную нормативную критику условий для фактического осуществления публичной коммуникации.

Публичная сфера и жизненный мир

Возникновение обособленной сферы общения граждан, способных влиять на экономику и политику, Хабермас представил в своей книге «Структурная трансформация публичной сферы» [1] на основе исторического исследования публичных пространств в буржуазных европейских государствах. Характерной чертой исторически сложившихся условий для общения являлась свобода от ограничений политической, экономической, религиозной систем общества, позволяющая высказывать, аргументировать и отстаивать различные точки зрения, а также приходить к согласию по поводу общезначимых проблем. Совокупность таких условий привела к возникновению нового типа публичности, формирующей взвешенное общественное мнение по поводу общезначимых тем. Нормативной основой буржуазной публичности выступали принципы этики дискурса, отражающие сущностные характеристики общения в повседневной жизни: принятие последствий, следующих из соблюдения обсуждаемых норм; участие в практическом дискурсе всех, затрагиваемых обсуждаемым вопросом; отсутствие принуждения к согласию [2]. В реальных условиях существование такого рода публичности подрывается систематически искаженной коммуникацией – инструментальными, стратегическими действиями сторон, отстаивающих узкие интересы.

Несмотря на то, что возникновение публичной сферы было обусловлено конкретными историческими условиями, по мнению Хабермаса, именно выстроенная по ее образцу публичная коммуникация предоставляет единственную возможность для принятия политических решений в современных обществах [3. С. 202]. Таким образом, идеально-типические черты публичной сферы могут выступать основанием для оценки фактически осуществляемой коммуникации.

Возможность воплощения идеала публичной сферы через соблюдение принципов этики дискурса основана на осуществлении коммуникативных действий, направленных на достижение понимания. Коммуникативное действие определяется как «та форма социального взаимодействия, в которой планы действий различных акторов координируются посредством обмена коммуникативными актами, то есть путем использования языка, направленного на достижение понимания» [4]. Коммуникативное действие характеризует взаимодействие в жизненном мире – сфере само собой разумеющихся повседневных действий и правил. Для нее характерны типы взаимодействия и рациональности, отличные от действующих в экономических и политических институтах. Коммуникативное действие и коммуникативная рациональность противостоят инструментальному действию и формальной рациональности, которую характеризует ориентированное на эффективность вычисление соотношения средств и целей. Коммуникативная рациональность предполагает принятие перспектив других людей. Открытое общение равных участников, осуществляемое в жизненном мире согласно его правилам, делает возможными реализацию силы наилучшего аргумента и достижение взаимного согласия. Именно этика дискурса закрепляет имплицитно присутствующие в публичном дискурсе императивы жизненного мира [3. С. 199–200].

Принципы этики дискурса могут быть нарушены стратегическими интересами участников. В отношении нарушений коммуникативного действия

Хабермас говорит о «систематических искажениях коммуникации», утверждая, что подобные искажения возникают из-за расширяющегося господства инструментального типа рациональности, характерного для экономической и политической систем общества. Эта тенденция ставит под угрозу легитимность решений, принимаемых в условиях подверженной систематическим искажениям коммуникации. Столкновение с целями и правилами жизненного мира приводит к разрушению контекста для принятия точек зрения других и достижения согласия. Договоренность подменяется поверхностным согласием, отражающим неравенство сторон. Исключение коммуникативной рациональности закрепляется и воспроизводится за счет затруднения рефлексии по поводу сложившегося положения, поскольку навязанные цели и правила ведения дискуссии принимают статус само собой разумеющихся.

В условиях коммерциализации традиционных СМИ публичные пространства Интернета обладают рядом черт (анонимностью, децентрализацией и др.), которые предположительно позволяют избежать неравенства статусов и интересов в общении. В то же время эти свойства не являются фиксированными и подвергаются ограничениям и изменениям. Их вклад в реализацию демократического идеала публичной коммуникации оценивается неоднозначно.

Так или иначе, целесообразно задать ряд вопросов в отношении изменяющихся характеристик пространств для общения в сети, руководствуясь названными характеристиками публичной сферы. Как в них проявляются императивы экономической и политической систем общества? Какие черты жизненного мира воплощаются в виртуальном пространстве или, иначе говоря, опосредованной компьютером коммуникации? Возможны ли в ней осуществление коммуникативного действия и взаимное принятие перспектив? Для приближения к ответам на эти вопросы обратимся к сформировавшемуся пониманию связи технологий и социального контекста.

Интернет в социальном контексте

Оценка общественной и политической значимости конкретной технологии начинается с вопроса о нейтральном характере ее сущности. Распространено представление о подчиненности технологий целям, которые определяют конечные пользователи. Технология при этом играет роль пассивного посредника. В этой перспективе формы ее повседневного использования во многом определяются ранее сложившимися практиками и утилитарными потребностями, которые служат ориентирами для разработчиков и производителей. Зачастую производитель определяет предпочтительные формы использования технологии при помощи инструкций или пользовательских соглашений, что, однако, не исключает их творческого переосмысления, переработки и применения в иных целях и контекстах. В качестве иллюстрации этого тезиса можно заметить, что Интернет изначально предназначался для передачи формальной информации в рамках бюрократических процессов, но неформальная коммуникация, осуществлявшаяся во все большем объеме, потребовала разработки нового, изначально не запланированного оборудования и ПО. Далее, в период коммерциализации Интернет принимает черты пространства торговли и элемента финансовой инфраструктуры [5. С. 135]. В этой перспективе технология только предоставляет возможности для реализации сущест-

вующих практик и потребностей целевой аудитории, которые могут быть поддержаны и закреплены на институциональном уровне. Нейтральное понимание сущности технологии, таким образом, обращает внимание на действия пользователей и институты, в которые встраивается конкретная технология. Их особенностями и объясняются конкретные формы использования технологии.

Альтернативный взгляд утверждает, что именно по причине встроенности технологии в институты, ее нейтральность изначально невозможна. Коммуникационные технологии не нейтральны в двух отношениях: во-первых, они сформированы под воздействием интересов государства и бизнеса, являясь результатом их соперничества (что подтверждается историей развития Интернета); во-вторых, они поощряют определенные формы взаимодействия и могут служить закреплению существующих форм неравенства, а не их преодолению [6. С. 10]. Согласно Фуко, технологии служат неявному распространению власти в пределах, описанных как «сфера, в которой капитал стремится влиять не на идеи или прибыли, а на ритмы, паттерны, скорости, фактуры и порядки повседневной жизни ... – поле функционирования систем микро-власти» [7. С. 46]. Действительно, опосредование общения, нарастание объемов информации и скорости ее передачи, стирание эффектов географической и временной дистанций могут быть рассмотрены именно как такие изменения в ритмах, паттернах и порядках повседневности, которые оказываются неподконтрольными регуляции и публичной рефлексии. Пессимистическая оценка отрицает нейтральность технологии и потенциал ее демократического использования, указывая на закреплённость институциональных интересов в самой технологии и инструментализацию общения. В отличие от представления о нейтральности эта точка зрения подчеркивает асимметрию в отношениях институционализированных интересов и конечных пользователей, при которой неравенства сохраняются, а не преодолеваются. Нормы использования, таким образом, оказываются вписанными в саму технологию и отражают интересы производителя [8]. Подобное одностороннее влияние продолжается в конструировании роли пользователя, находящегося в ограниченных условиях лицензионных соглашений отношениях с производителем оборудования, поставщиком услуг или владельцем сайта. Все это приводит к неспособности производить независимый от частных коммерческих и политических интересов мета-дискурс, описывающий и при необходимости критикующий сложившиеся правила и формы использования Интернета.

Оба понимания технологии смешиваются в концепциях, связанных с демократическим использованием Интернета и его регуляцией. В концепции публичной сферы изначально подразумевается нейтральность технологии. Появление пространства для общения, свободного от влияния политики и экономики, обусловлено социальными и историческими условиями. Принимая эту точку зрения, мы должны признать коммуникативный ресурс Интернета не более свободным или же затрудняющим взаимодействие, чем традиционные медиа. Публичное пространство Интернета определяется конкретными формами использования и преобладающими институционализированными интересами, а также регулирующими коммуникативную практику

нормами и правилами. Отказ от нейтральности наблюдается в крайне оптимистичных и пессимистичных оценках функционирования Интернета. В рамках первых децентрализованная сетевая инфраструктура выступает гарантом свободы высказываний и снижения влияния политических и экономических интересов. Пессимистические оценки, наоборот, указывают на возникновение негативных последствий тех же самых технологических черт, в которых закрепляется текущий баланс сил и интересов.

Государство также смешивает оба подхода к нейтральности сети. Оно подразумевает не-нейтральную организацию Интернета, обвиняя, по крайней мере на уровне риторики, в провоцировании экстремизма и политической нестабильности. В то же время нейтральность и подконтрольность технологии задаваемым извне целям подразумеваются при попытках осуществления централизованной регуляции технологической основы сети либо контроля за распространяемой информацией. Так, правительство Китая управляет трансграничными потоками информации, фактически создавая закрытый от остального мира сегмент Интернета. Кроме того, оно применяет масштабную цензуру сообщений и материалов, задействуя для этой цели, предположительно, десятки или сотни тысяч цензоров [9. С. 330].

Противоречие между оценками, обусловленными двумя различными понятиями о нейтральности Интернета, заостряется следующими вопросами. Если Интернет свободен и независим, то почему нарастает его коммерциализация? Если он способствует свободному общению и доступу к источникам объективной информации, чем объясняется нарастающая фрагментация аудиторий и поляризация мнений?

Существует оправданное возражение против резко критической оценки коммерциализации Интернета, указывающее на вклад рынка и частных инвестиций в распространение технологии и повышение ее доступности. В ситуации ограниченного доступа к Интернету его потенциальные возможности не могут быть реализованы большинством граждан, и потому разработка доступных технологий частными компаниями должна внести позитивный вклад в осуществление предлагаемых технологией возможностей. Критическая теория общества подчеркивает, что предлагаемые экономической или политической системой новые возможности могут использоваться в проектах эмансипации. Но отказ от этих возможностей оборачивается колонизацией и заменой коммуникативной рациональности на инструментальную [4]. Сама возможность достижения взаимопонимания в условиях колонизации коммуникативной системы нарушается систематическими искажениями коммуникации. Фактически влияние коммерческих интересов на публичную сферу приводит к маргинализации ее основного компонента — критического дискурса. Развитие инфраструктуры публичной сферы после коммерциализации определяется не потребностями граждан, а потребностями экономической системы, входящими в противоречие со способами использования технологии, возникающими в повседневности. Новые способы использования могут служить достижению таких неартикулированных целей, как сбор информации об интересах и потребительских предпочтениях пользователей.

Исключительная роль, которую играют ИТ-компании в управлении технологиями, объясняется их сложностью и недостатком экспертного знания

среди пользователей и государственных регулирующих органов. Некоторые примеры законодательных инициатив показывают, что технологические особенности организации Интернета далеко не всегда учитываются в государственной практике регулирования [10. С. 53–58]. Недостаток информации о сфере, подвергаемой регулированию, приводит к компромиссному варианту партнерства государства и частных ИТ-компаний. В настоящее время во многих странах регулирование информационного пространства и инфраструктуры Интернета осуществляется путем передачи части полномочий компаниям, обладающим экспертным знанием в этой области. В результате ИТ-компании концентрируют в своих руках значительные возможности для определения направления развития технологии, формирования ее образа и правил использования.

Некоторые критики приходят к радикальному выводу, что закрепившееся представление о демократическом потенциале Интернета является специально сконструированным коммерческими компаниями. Воплощение центральных ценностей демократии в материальной форме сетевых коммуникационных технологий только внешним образом поощряет независимость публики, скрыто усиливая власть капитала. Декларируемые идеалы доступности, включения, обсуждения и участия проявляются как физические характеристики машины или программного обеспечения, а не как результат человеческих отношений. В реальности индивидуальные действия, ставшие возможными благодаря новым технологиям, не имеют политического эффекта. Характеристики участия и взаимодействия в Интернете оказываются так же далеки от идеала публичности, как и инструментальные формы его использования.

Характеристики публичности в Интернете

Критики демократического потенциала Интернета не раз подчеркивали, что отсутствие взаимодействия в ситуации лицом-к-лицу затрудняет подробное обсуждение каких-либо тем и фактически может снизить уровень политического участия граждан [12]. Выполнение принципа коммуникативной рациональности и возможность осуществления подлинного диалога среди равных участников оказываются ограниченными структурой презентации себя и восприятия других, характеризующей виртуальное взаимодействие. В феноменологической перспективе формирование публичного пространства в опосредованной коммуникации составляет проблему в силу отсутствия условий конструирования сообщества как совместного соприсутствия в пространстве и времени. Статус intersubjectивности – восприятия других – в виртуальном пространстве также затрудняет принятие перспективы другого, необходимое для ведения дискуссии. Только непосредственное восприятие партнера позволяет соотносить себя с ним и конструировать субъективный смысл его высказываний. Непосредственное переживание заменяется опосредованными представлениями, затрудняющими подлинное принятие перспектив участников публичного взаимодействия.

Другие в виртуальном пространстве не только бестелесны, но и анонимны. Неопределенность виртуальной идентичности, с одной стороны, в значительной степени предотвращает исключение из публичного пространства целых групп на основе сложившихся представлений о легитимных участниках публичной коммуникации. За счет стирания статусных и ролевых различий

в публичном пространстве Интернета влияние закрепленных идентичностей приостанавливается, а неравенства могут быть преодолены. Сохранение анонимности участников позволяет приблизиться к реализации принципа принудительной силы наилучшего аргумента, выделенного Хабермасом в качестве одного из определяющих признаков коммуникации в публичной сфере. С другой стороны, из анонимности следует неопределенность аудитории, которая означает невозможность поддержки нормативных ожиданий. Неопределенность аудитории затрудняет формулировку обращений и в то же время не гарантирует принудительный эффект речи и достигнутой договоренности [5. С. 253–254]. Кроме того, в качестве альтернативы анонимности развились механизмы поддержания идентичности посредством самопрезентации, поощряемые, в первую очередь, социальными сетями. Их влияние на характер высказываний, предположительно, также является двойственным: с одной стороны, участники становятся более ответственными за счет указания авторства сообщений и ожидания возможных санкций со стороны других (как потенциальной аудитории, так и реального окружения); с другой стороны, речь теперь может опираться на статусные различия и служить их поддержке.

Изменения в роли, которую играет идентичность, приводят к трансформации соотношения публичного и частного: «Роль частного электронного пространства увеличивается и меняет структуру публичного» [5. С. 256]. Закрепление за частным содержанием статуса публичного приводит к вытеснению публичных форм общения [12. С. 54]. Зафиксированные в различных формах события частной жизни, составляющие значительную часть так называемого «user-generated content» — пользовательского содержания, конкурируют за внимание аудитории наравне с традиционными видами публичной информации. Вместе с тем поддержание многообразия индивидуальных различий приводит к фрагментации публичного пространства, в котором участники испытывают недостаток стимулов для обращения к другим на основании общих интересов или разделяемых проблем. Более того, монологическая форма коммуникации поощряется на уровне структуры многих веб-сайтов, частным примером которой является раздел комментариев без функции создания веток сообщений, адресованных конкретным участникам. По мнению ряда исследователей, фрагментация публичного пространства создает эффект эхо-камеры, негативным выражением которого является воспроизводство идеологий и вытеснение критических высказываний [13]. Таким образом, в виртуальном общении становится значительно труднее не только сформировать единую позицию по проблеме, но и определить сам круг обсуждаемых вопросов.

Заключение

Указанные проблемы ставят под сомнение возможность осуществления успешного публичного взаимодействия в Интернете, которое было бы свободно от влияния экономической и политической систем общества. Степень осознания данных проблем пока недостаточна для начала дискуссии и поиска решений. По мнению критиков, причины такого положения лежат в господстве коммерческих интересов в сфере создания и регулирования технологий, сетевой инфраструктуры и онлайн-сервисов. Может ли Интернет освободить-

ся от стандартов использования и развития, не затрагиваемых публичным обсуждением? Оптимисты полагают, что возможность влияния на правила, регулирующие использование сетевой инфраструктуры, возникает из переосмысления предлагаемых правил и творческого использования технологии. Скептическая точка зрения указывает на определяющую роль интересов коммерческих компаний. Вне зависимости от выбора способа оценки критически важным должно стать публичное обсуждение, которое позволит оспорить или дополнить те или иные точки зрения, касающиеся принципов регулирования сети. Это особенно актуально в условиях, когда сложившиеся способы использования Интернета находятся в противоречии с защитой базовых прав на свободу выражения, собрания, тайну частной жизни. Осуществляемый в публичной сфере мета-дискурс об условиях общения должен начинаться с критической оценки декларируемых свойств открытости, нейтральности и демократичности Интернета. Под вопрос должны быть поставлены существующие практики, их последствия и желательность. Хабермас предполагает, что толчок публичному принятию решений в соответствии с его теорией могут дать заинтересованные граждане и активисты, работающие над созданием небольших коммуникативно-ассоциативных институтов, которые будут принимать участие в практическом дискурсе и со временем объединятся в большие институты. Вопрос заключается в том, какое из существующих публичных пространств поможет реализовать такой проект: Интернет, масс-медиа или же традиционное общественное собрание, свободное от ограничений опосредованного общения.

Литература

1. *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. – MIT press, 1991.
2. *Cavalier R., Ess C.* Introduction to Habermas's Discourse Ethics. URL: <http://www.phil.cmu.edu/cavalier/Forum/meta/background/HaberIntro.html> (дата обращения: 22.01.2016).
3. *Oyen S. A.* Intersubjectivity – an existentialistic, phenomenological and discourse ethical approach // *Phenomenology and Existentialism in the Twentieth Century: Book III. Heralding the New Enlightenment* / ed. by Tymieniecka A–T. Springer Netherlands, 2010.
4. *Powell J. L., Moody H. R.* The Challenge of Modernity: Habermas and Critical Theory // *Theory and Science*. Vol. 4, Iss. 1. 2003. URL: http://theoryandscience.icaap.org/content/vol4.1/01_powell.html (Accessed: 20.08.2015).
5. *Bohman J.* Expanding dialogue: the Internet, the public sphere, and prospects for transnational democracy // *The Sociological Review*. 2004. Vol. 52, № 51.
6. *Fuchs C.* Social media: A critical introduction. London: Sage, 2014.
7. *Robins K., Webster F.* Cybernetic capitalism: Information, technology, everyday life // *The political economy of information* / ed. by Mosco V., Wasko J. – University of Wisconsin Press, 1988.
8. *Boyle J.* Foucault in Cyberspace: Surveillance, Sovereignty, and Hardwired Censors // *University of Cincinnati Law Review*. 1997. Vol. 66.
9. *King G., Pan J., Roberts M.E.* How censorship in China allows government criticism but silences collective expression // *American Political Science Review*. 2013. Vol. 107, No. 2.
10. *Claffy K.C., Meinrath S.D., Bradner S.O.* The (un)Economic Internet? // *Internet Computing*, IEEE. 2007. Vol. 11, No. 3.
11. *Williams R.W.* Democracy, Cyberspace, and the Body // *Cultural Logic*. 2006. Vol. 9. URL: <http://clogic.eserver.org/2006/williams.html> (дата обращения: 20.08.2015).
12. *Ludes P.* Globalising Network Public Spheres. The Dissolution of the Public Sphere into Private Attention Markets // *Javnost – The Public*. 2009. Vol. 16, No. 1.

13. Smith M.A. et al. Mapping twitter topic networks: From polarized crowds to community clusters // Pew Research Internet Project. 2014. URL: http://www.pewinternet.org/files/2014/02/PIP_Mapping-Twitter-networks_022014.pdf (дата обращения: 19.09.2015).

Antonyuk Artem M., St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

E-mail: artiom.a000@gmail.com

DOI: 10.17223/1998863X/33/15

VIRTUAL PUBLIC SPHERE: THE POTENTIAL OF DEMOCRATIZATION

Keywords: public sphere, virtual communication, Internet, critical theory, Jürgen Habermas.

The article discusses some features of the Internet, which are inhibiting its use as a public sphere. A sociological perspective as an alternative to legal, political, and economic views helps develop new criteria for determining quality of virtual communications. Novel understanding of the problems may stimulate reflection on the existing conditions of communication and influence their regulation.

References

1. Habermas, J. (1991) *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Boston: MIT press.
2. Cavalier, R. & Ess, C. (n.d.) *Introduction to Habermas's Discourse Ethics*. [Online] Available from: <http://www.phil.cmu.edu/cavalier/Forum/meta/background/HaberIntro.html>. (Accessed: 22nd January 2016).
3. Øyen, S.A. (2010) Intersubjectivity – an existentialistic, phenomenological and discourse ethical approach. In: Tymieniecka, A.-T. (ed.) *Phenomenology and Existentialism in the Twentieth Century. Book III. Heralding the New Enlightenment*. Springer Netherlands.
4. Powell, J.L. & Moody, H.R. (2003) The Challenge of Modernity: Habermas and Critical Theory. *Theory and Science*. 4(1).
5. Bohman, J. (2004) Expanding dialogue: the Internet, the public sphere, and prospects for transnational democracy. *The Sociological Review*. 52(1). DOI: 10.1111/j.1467-954X.2004.00477.x.
6. Fuchs, C. (2014) *Social media: A critical introduction*. London: Sage.
7. Robins, K. & Webster, F. (1988) Cybernetic capitalism: Information, technology, everyday life. In: Mosco, V. & Wasko, J. (eds) *The political economy of information*. University of Wisconsin Press.
8. Boyle, J. (1997) Foucault in Syberspace: Surveillance, Sovereignty, and Hardwired Censors. *University of Cincinnati Law Review*. 66.
9. King, G., Pan, J. & Roberts, M.E. (2013) How censorship in China allows government criticism but silences collective expression. *American Political Science Review*. 107(2). DOI: 10.1017/S0003055413000014
10. Claffy, K.C., Meinrath, S.D. & Bradner, S.O. (2007) The (un)Economic Internet? *Internet Computing, IEEE*. 11(3). DOI: 10.1109/MIC.2007.72
11. Williams, R.W. (2006) Democracy, Cyberspace, and the Body. *Cultural Logic*. 9.
12. Ludes, P. (2009) Globalising Network Public Spheres. The Dissolution of the Public Sphere into Private Attention Markets. *Javnost – The Public*. 16(1). DOI: 10.1080/13183222.2009.11008997
13. Smith, M.A. et al. (2014) *Mapping twitter topic networks: From polarized crowds to community clusters*. [Online] Available from: http://www.pewinternet.org/files/2014/02/PIP_Mapping-Twitter-networks_022014.pdf. (Accessed: 19th September 2015).

УДК 321.022

DOI: 10.17223/1998863X/33/16

Д.Г. Балувев, Д.И. Каминченко

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ «НОВЫХ СМИ» И СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКТОРОВ¹

Исследуются понятия «новых» и социальных средств массовой информации. Автор приводит наиболее распространенные определения данных феноменов. На основе исторического, структурно-функционального, ценностного и социально-политических критериев проводится разграничение данных понятий. Предпринимается попытка выйти на авторские определения социальных медиа и «новых СМИ». Согласно одному из выводов данной статьи, «новые СМИ» – более широкое понятие в функциональном плане в сравнении с социальными медиа.

Ключевые слова: социальные СМИ, «новые СМИ», коммуникация, понятие, интерактивность.

Исследование феномена «новых средств массовой информации» в последнее время приобрело значительную популярность в научных кругах. Активно изучается влияние «новых СМИ» на различные социальные и политические процессы, происходящие в мире. Вместе с тем довольно часто можно встретить и понятие «социальные медиа», причем применительно к тем же социально-политическим изменениям, которые исследуются в связи с «новыми СМИ». Зачастую в силу особенностей переводов трудов зарубежных авторов на русский язык понятия «массмедиа», «медиа», «средства массовой информации», «новые СМИ» используются в качестве синонимов, хотя каждый из них на самом деле несет свою собственную смысловую нагрузку и должен иметь самостоятельную эвристическую ценность. Подобная терминологическая путаница по мере развития в отечественной политологии исследований этой сферы политической жизни становится серьезным методологическим препятствием для дальнейшего научного поиска. Устранение ее становится насущным условием исследований в этой сфере. В чем же отличие понятий «новые СМИ» и «социальные медиа», и существует ли оно вообще? Цель данного исследования заключается в том, чтобы уточнить два отмеченных понятия и провести разграничение между ними, найдя в них важные в эвристическом плане отличия. Для выполнения поставленной цели логичным выглядит использование сравнительного анализа данных феноменов.

Начать работу необходимо с соотнесения таких понятий, как «медиа» и «СМИ». Медиа представляется весьма широким понятием, под которым подразумевают как институты и технические средства/технологии, так и вербальный язык и язык тела [1. С. 63–64]. СМИ зачастую понимаются как институты, которые действуют посредством каналов массовой коммуникации и обладают рядом специфических свойств, которые выделяют их из других

¹ Данная статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда 15-33-01002.

видов массовой коммуникации [1. С. 66]. Согласно Закону РФ «О средствах массовой информации», «под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)» [2]. И.Д. Фомичева пишет: «Судя по практике словоупотребления на том языке, где образовались интересующие нас понятия, ряд явлений, относящихся к медиа, шире ряда массмедиа, а ряд массмедиа шире, чем то, что мы называем СМИ» [1. С. 64]. Таким образом, понятие «медиа» можно считать более обширным, нежели «СМИ», и включающим в себя совокупность огромного количества различных средств, механизмов и возможностей передачи сообщения. «СМИ», в свою очередь, по сравнению с «медиа» включает в себе более ограниченный набор средств и способов распространения информации. Проиллюстрируем это на конкретном примере – с позиций политико-правового подхода. Любой блог в Интернете, безусловно, считается медиа. Вместе с тем к некоторой части блогов, согласно российскому законодательству (Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») применяются такие же меры регулирования и ограничения, как и к средствам массовой информации [3], что, по сути, приравнивает такие блоги к СМИ. Более того, согласно недавним законодательным новациям, блоггеры с количеством посещений своих страниц более 3 тысяч в сутки обязаны регистрировать свои ресурсы как средства массовой информации. Однако подчеркнем, далеко не все блоги в данном случае могут быть приравнены к СМИ, зато все они являются медиа. СМИ представляется более формализованным явлением, чем медиа, так как для причисления того или иного субъекта к СМИ требуется наличие у этого субъекта более упорядоченного и ограниченного набора признаков и характеристик, чем в случае отнесения того или иного субъекта к медиа.

Введение в научный оборот и дальнейшая разработка нового понятия – «новые СМИ», – связанного со средствами массовой информации были обусловлены быстрой компьютеризацией и интернетизацией общества в последние несколько десятилетий. Среди причин, которые объясняют необходимость внедрения нового понятия, можно отметить следующие: стремительное распространение новых технологий в информационной сфере, качественные изменения отношений производителя и потребителя контента в современных СМИ, изменение специфики самого контента СМИ и др. Всё это обусловило появление нового термина, связанного со СМИ, – «новые СМИ». Употребление слова «новые» в этом понятии связано, прежде всего, с совершенно новыми возможностями, которые получили потребители контента для участия в производстве и генерировании этого контента и, соответственно, с новой ролью участников работы с информацией, а также с новшествами самого контента. Появление же понятия «социальные медиа», вероятно, было вызвано необходимостью отразить значимость различных инструментов и средств медиа в ходе тех или иных общественных процессов и отношений. Этим, вероятно, и объясняется слово «социальные» для выделения отдельного пласта субъектов медиа.

Необходимо привести несколько наиболее распространенных определений «новых СМИ» и социальных медиа. Очевидно, что эти определения не исчерпывают всех особенностей обозначенных понятий, но они вполне могут быть использованы в рамках данной работы. Так, «новые СМИ» можно обозначить в качестве современного всеохватывающего термина, который используется для определения всего, что связано с Интернет и взаимодействием между технологией, изображениями и звуком [4]. В одной из наших работ мы понимали под «новыми СМИ» электронные средства массовой информации, которые позволяют аудитории взаимодействовать с производителями информации [5. Т. 16. С. 611]. Согласно ещё одному определению, «новые СМИ» – это, прежде всего, средства массовой информации, которые обладают следующими устойчивыми признаками: функционирование в системе Интернет, функционирование не только в социальной среде, но и на определенных программно-аппаратных платформах; функционирование, главным образом, на основе технологий Веб 2.0; участие пользователей в создании контента (так называемый генерируемый пользователем контент); отличный от традиционных СМИ коннективный (от англ. connective – связующий, соединительный) принцип распространения информации» [6. С. 36–37]. На основании указанных определений следует отметить ряд аспектов, связанных с особенностями этих дефиниций. Во-первых, в данных определениях указан всеобъемлющий характер такого явления, как «новые СМИ». Во-вторых, подразумеваемая в этих дефинициях основная цель «новых СМИ» есть передача и распространение информации. В-третьих, во всех определениях имеются указания на технологические аспекты «новых СМИ» (такие, например, как функционирование на базе технологий Веб 2.0). В-четвертых, обращается внимание и на взаимодействие участников процесса распространения информации и создания контента в «новых СМИ», на механизмы и результаты подобного взаимодействия.

Теперь необходимо перейти к наиболее распространенным трактовкам социальных медиа. Ким Хонг отмечает, что социальные медиа включают в себя онлайн средства и сайты, которые позволяют людям взаимодействовать с компаниями, другими людьми (включая знаменитостей и журналистов), а также формировать сообщества, создавая, публикуя и распространяя контент [7]. Кроме того, социальные медиа стоит рассматривать в качестве социального инструмента коммуникации [8]. Учитывая этимологию слова «социальный», вполне логичным выглядит, что подобные медиа, прежде всего, должны выполнять общественную функцию. Это подразумевает под собой, в первую очередь, взаимодействие человека с обществом, с другими людьми. Социальные медиа позволяют «устанавливать связи между людьми, группами и организациями и формировать сети» [5. Т. 16. С. 611]. На основе указанных определений выделим важнейшие аспекты социальных медиа. Во-первых, из отмеченных определений можно сделать вывод о том, что изначальная и главная цель социальных медиа заключается в общественном взаимодействии граждан и его определенной структуризации (чаще всего, в форме сетей). Во-вторых, в этих определениях, так же как в случае с дефинициями «новых СМИ», присутствует указание на технологический инструментарий.

Отметив ряд существующих определений «новых СМИ» и социальных медиа, можно сравнить их основные детали. В существующих дефинициях «новых СМИ» и социальных медиа имеется указание на технологический аспект, в частности, подчеркивается, что указанные явления включают в себя онлайн ресурсы. В приведенных определениях делается акцент и на взаимодействии пользователей «новых СМИ» и социальных медиа. Причем, если в случае с «новыми СМИ» речь идет скорее о взаимодействии как участии в работе с контентом традиционных потребителей и производителей информации и об изменении ролей в этом процессе, то в случае с социальными медиа говорится о социальном взаимодействии в целом и о структуризации подобного взаимодействия. Отталкиваясь от обозначенных дефиниций, можно сделать выводы о различных изначальных целях «новых СМИ» и социальных медиа: в случае с «новыми СМИ» речь идет о распространении информации и передаче данных, а относительно социальных медиа следует говорить о социальной коммуникации в целом.

Таким образом, рассмотрение существующих, хотя и не совершенных, определений «новых СМИ» и социальных медиа приводит к необходимости более четкого разграничения этих понятий. Полезным в рамках рассматриваемой проблемы выглядит обращение к идеям конвергенции и интеграции СМИ, которые весьма популярны в исследованиях медиа [9, 10, 11, 12, 13]. Обычно под конвергенцией в СМИ подразумевают «слияние технологий различных традиционных информационных каналов на цифровой основе, что позволяет создавать мультимедийные продукты» [12]. В свою очередь, интеграция «при преобразовании медийных структур свидетельствует об их углубленно-целостном взаимопроникновении на всех направлениях деятельности, включая отлаженность функционирования новой сложившейся системы, достижение оптимальных результатов» [13]. Зачастую говорят о конвергенции традиционных средств массовой информации и Интернета. Однако вполне допустимым выглядит и рассмотрение конвергенции, сближения и тесного взаимодействия «новых СМИ» и социальных медиа. Более того, если есть свидетельства конвергенции «новых СМИ» и социальных медиа, значит, логично выглядит и утверждение о том, что это изначально два самостоятельных (пусть и обладающих многими общими признаками) субъекта, которые имеют право на обладание собственными дефинициями. Иными словами, если бы не имели место конвергенция и интеграция «новых СМИ» и социальных медиа, то, вероятно, не имело бы смысла, в данном случае, говорить об их отличиях, а целесообразным выглядело бы утверждение о том, что это есть синонимы, выражающие одно и то же явление. Существует немало свидетельств конвергенции и интеграции «новых СМИ» и современных социальных медиа. Например, сообщения информационных лент крупнейших агрегаторов новостей в Интернете (которые можно отнести к «новым СМИ») распространяются пользователями современных систем поддержки социальных сетей в Интернете (которые могут считаться социальными медиа).

В рамках сравнения двух феноменов целесообразно обратиться к историческому критерию. Понятие «новых СМИ», вероятно, принадлежит концу XX столетия и имеет непосредственную связь с процессом быстрой компьютеризации. В любом случае, речь должна идти о сравнительно недавнем по-

явлении данного понятия. А что же социальные медиа? Роже Брюсси и Эрик Хекман отмечают, что социальные медиа имеют длинную историю и не связаны исключительно с возникновением и функционированием Интернета. В частности, в качестве примеров социальных медиа авторы указывают памфлеты, брошюры, которые с помощью устройств трафаретной печати активисты готовили и распространяли (причем по каналам существующих социальных сетей, то есть сетей единомышленников, объединенных схожими убеждениями, что, собственно, и позволяет причислять эти медиа к социальным медиа) в ходе общественных митингов во Франции в мае 1968 г. Именно их, а не какие-либо иные медиа решили задействовать участники манифестаций в ходе организации и проведения самих мероприятий. Ещё одним из примеров социальных медиа, приводимых авторами указанного исследования, является так называемый «Самиздат», подразумевающий распространение запрещенной литературы и периодики внутри стран Советского блока, изготавливаемых с помощью копировальной бумаги [14]. В пользу того, что в указанных примерах речь идет именно о социальных медиа, говорит то, что, действительно, те же брошюры и памфлеты представляют собой средства и возможности передачи сообщения, т.е. медиа. А учитывая огромное социально-политическое значение этих брошюр (например, в деле социальной мобилизации общества на решение определенных целей и задач, изменения общественных и политических отношений, влияния на политический процесс), можно с определенной долей уверенности говорить о них именно как о социальных медиа.

Кроме исторического критерия, целесообразно подробнее остановиться и на функциях «новых СМИ» и социальных медиа. Социальная коммуникация – это основная функция социальных медиа. В свою очередь, «новые СМИ» также могут быть использованы в качестве инструмента социальной коммуникации. В то же время «новые СМИ» способствуют укреплению в современном обществе такого явления, как индивидуализация. Феномен индивидуализации подразумевает под собой, своего рода, высвобождение человека от сложившихся в обществе в предыдущие периоды традиционных отношений между людьми. Индивидуализация создает ситуацию, при которой могут возникать определенные сложности для социальной коммуникации. Индивидуализация во многом происходит под влиянием «новых СМИ», так как последние изменяют основы тех принципов, которые раньше выступали в качестве важнейших для определения собственной идентичности (например, изменяется роль фактора пространства). Прежнее территориальное значение пространства, под влиянием которого зачастую и формировалась раньше идентичность человека, приобретает надлокальный и глобальный смысл. В этом не последнюю роль сыграли современные информационно-коммуникационные технологии, положенные в основу «новых СМИ». Таким образом, «новые СМИ», помимо социальной коммуникации, коннективности (объединению людей), активно способствуют и процессу индивидуализации людей, высвобождению и установлению автономности индивида от общества. Социальные же медиа в этом отношении направлены, прежде всего, на социальную коммуникацию и коннективность. В этом может заключаться существенное различие двух рассматриваемых феноменов.

Сравнение на основе исторических и структурно-функциональных критериев продемонстрировало отличия «новых» средств массовой информации и социальных медиа. Вместе с тем необходимо выделить ещё один критерий сравнения – ценностный. Данный критерий также способен прояснить некоторые отличия между «новыми СМИ» и социальными медиа. «Новые СМИ» и социальные медиа как институты современной коммуникации способствуют развитию определенных ценностей, например ценности коллективного действия. Коллективные формы политического участия, организованного посредством «новых СМИ», в ходе недавних политических событий в разных государствах, приведших к смене политического руководства в этих странах, во многом подтверждает выдвинутую гипотезу о ценностном аспекте «новых СМИ». Вместе с тем уже отмечалось влияние «новых СМИ» на ускорение процессов индивидуализации, автономизации человека от общества, разобщение, что никак не способствует усилению ценности коллективного действия. Кроме того, благодаря открытости различных источников информации в Интернете «новые СМИ» способствуют более критичному восприятию действительности индивидом, что также далеко не всегда ведет к коллективным действиям. Какой же вывод на основе ценностного критерия следует выдвинуть касательно сравнения «новых СМИ» и социальных медиа? Логично предположить, что социальные медиа, как инструмент социальной коммуникации и взаимодействия внутри общества, действительно, способствуют развитию ценности коллективного действия. «Новые» же СМИ помимо коллективного действия способствуют развитию и других ценностей, подчас противоречащих ценности коллективного действия. Таким образом, если социальные медиа однозначно способствуют развитию ценности коллективного действия, в том числе и политического, то «новые СМИ» помимо отмеченной ценности способствуют развитию и других, подчас противоречащих ей ценностей.

Для сравнительного анализа «новых СМИ» и социальных медиа необходимо использовать ещё один критерий, а именно: социально-политический. Социальные медиа направлены, в первую очередь, на интенсификацию коллективных и групповых форм социально-политической активности. Они способствуют усилению социально-политического взаимодействия между индивидами. «Новые СМИ», в свою очередь, способны как усилить, так и ослабить коллективную политическую активность. Так, например, излишний критицизм, который может возникнуть при получении и изучении различных данных о том или ином событии, может способствовать ослаблению коллективного действия и даже препятствовать его осуществлению. Кроме того, и индивидуализационные процессы, происходящие в современном обществе, в том числе и благодаря «новым СМИ», не способствуют активизации коллективных форм политического участия. В целом, если социальные медиа, прежде всего, ориентированы на осуществление, поддержание и сохранение коллективной политической активности, то «новые СМИ» способны как усилить подобную активность, так и ослабить её.

Исходя из обозначенных определений и свойств «новых СМИ» и социальных медиа, а также принимая во внимание их составные части (например, системы поддержки социальных сетей, блоги, микроблоги, видеохостинги,

вики и т.д.), необходимо сделать ряд промежуточных выводов. Во-первых, «новые» средства массовой информации и «социальные медиа» являются довольно близкими понятиями. Более того, целесообразно говорить о конвергенции «новых СМИ» и социальных медиа. Однако, во-вторых, необходимо отметить и имеющиеся отличия. «Новые СМИ» – это весьма широкое понятие, включающее в себя все современные цифровые средства передачи данных, в том числе и те, которые полезны для выполнения социальных функций, но и не только их. «Социальные медиа» – это более узкое понятие в функциональном отношении. Если функция социальной коммуникации – это всего лишь одна из всего списка функций «новых СМИ», то для социальных медиа – это главная функция. Изначально основная цель «новых СМИ» заключалась в распространении информации. А вот главная цель социальных медиа – это социальная коммуникация. В-третьих, исторически социальные медиа появились намного раньше, ещё до возникновения компьютеров и Интернета.

Подводя итог сравнительному анализу «новых средств массовой информации» и социальных медиа, можно сделать ряд выводов. Социальные медиа имеют более длинную историю в отличие от «новых СМИ», которые претендуют на то, чтобы вести свое происхождение с конца XX в. «Новые СМИ» представляются более широким понятием в функциональном отношении, нежели «социальные медиа». Социальные медиа – это, в первую очередь, инструмент социальной коммуникации. Их основная цель заключается в том, чтобы обеспечить взаимодействие внутри общества и поддержание социальных контактов. Подобную роль выполняют и «новые СМИ», однако они же, в свою очередь, активно способствуют процессам индивидуализации, а именно: высвобождению и установлению автономности индивида от общества. Очевидно, что процессы индивидуализации во многом противоречат социальному взаимодействию и поддержанию контактов. Таким образом, для «новых СМИ» функция социальной коммуникации отнюдь не является основной, в отличие от социальных медиа. Вполне логично, что социальные медиа в любом случае способствуют развитию и укреплению ценности коллективного действия (например, коллективное политическое участие), а «новые СМИ», в свою очередь, помимо вышеобозначенной ценности способствуют формированию других ценностей, подчас противоречащих коллективному действию и политическому участию. Изначальной целью «новых СМИ», как и традиционных СМИ, являются сбор, обработка и распространение информации. Главная же цель социальных медиа заключается в обеспечении социального взаимодействия людей. Социальные медиа нацелены, прежде всего, на усиление политической активности (преимущественно коллективных её форм) в обществе, а «новые СМИ» способны её как усилить, так и ослабить. Таким образом, в результате проведения сравнительного анализа на основе исторического, структурно-функционального, ценностного и социально-политического критериев удалось наглядно проследить отличия «новых средств массовой информации» и социальных медиа.

В результате, рассмотрев и сопоставив ряд существующих определений «новых средств массовой информации» и социальных медиа, кратко обратив внимание на идеи конвергенции и интеграции СМИ и осуществив на основе

ряда критериев сравнительный анализ «новых СМИ» и социальных медиа, можно сделать вывод о целесообразности их разделения. Те и другие заслуживают собственных дефиниций. Вместе с тем нельзя в очередной раз не подчеркнуть близость данных явлений и их тесное взаимодействие, что, однако, не отменяет необходимости по-разному их определять.

Литература

1. *Фомичева И.Д.* СМИ среди средств массовой коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2012. № 1. С. 60–72.
2. *О средствах массовой информации* (Закон о СМИ). Закон РФ от 29.12.1991 № 2124-1. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 28.01.15).
3. *Об информации*, информационных технологиях и о защите информации. Федеральный Закон № 149-ФЗ: принят Государственной Думой 8 июля 2006 года; одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 28.01.15).
4. *Socha B., Eber-Schmid B.* What is new media. [Электронный ресурс]. URL: <http://newmedia.org/what-is-new-media.html> (accessed: 20.05.13).
5. *Балугев Д.Г.* Политическая роль социальных медиа как поле научного исследования // Образовательные технологии и общество (Educational Technology & Society). 2013. Т. 16, № 2. С. 604–616.
6. *Балугев Д.Г., Каминченко Д.И.* «Новые» средства массовой информации как феномен современного общества: проблемы теоретического осмысления // Информационное общество. 2014. № 1. С. 31–37.
7. *Hong K.* What is social media? [Электронный ресурс]. URL: http://www.seniornet.org/index.php?option=com_content&view=article&id=713:what (accessed: 20.05.13)
8. *Nations D.* What is social media? [Электронный ресурс]. URL: <http://webtrends.about.com/od/web20/a/social-media.htm> (accessed: 20.05.13)
9. *Вартанова Е.Л.* К чему ведет конвергенция СМИ? // Информационное общество. 1999. № 5. С. 11–14.
10. *Костыгова Ю.В.* Сетевые или печатные СМИ: Конвергенция или антагонизм? // Информационное общество. 2001. № 1. С. 38–40.
11. *Петрова Е.И.* Интернет-СМИ и социальные сети: этапы конвергенции // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 128–133.
12. *Грabelьников А.А.* Особенности конвергентной журналистики // Вестник Университета Российской академии образования. 2013. № 3. С. 79–83.
13. *Уразова С.Л.* Конвергенция как фактор жизнеспособности масс-медиа в цифровой среде. Теоретический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5 (1). С. 287–293.
14. *Brussee R., Hekman E.* Social media are highly accessible media. [Электронный ресурс]. URL: http://crossmedialab.nl/files/Social_Media_are_highly_accessible_media.pdf (accessed: 20.05.13)

Balugev Dmitriy G., Kaminchenko Dmitriy I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Nizhni Novgorod, Russian Federation)

E-mail: dbalu@yandex.ru

E-mail: ert1fg2@rambler.ru

DOI: 10.17223/1998863X/33/16

COMPARATIVE ANALYSIS OF «NEW» AND SOCIAL MEDIA IN THE CONTEXT OF SOCIO-POLITICAL AND HISTORICAL FACTORS

Keywords: social media, «new media», communication, notion, interactivity.

There is rapidly growing impact of new information and communication technologies in the modern society. Different social spheres are felt it's impact. Serious changes have occurred in the sphere of distribution of mass information and in the field of public communication in general under the influ-

ence of these technologies. In recent years there have been attempts to give a new designation for the media, which would be taken into account occurring changes in them under the influence of modern ICT. One of such designations is the term "new media". Besides that researchers often use another definitions (for example "social media") with respect to the same phenomena that are implied by "new media". There is an attempt to clarify relatively "new media" and social media in this article. The authors apply the comparative analysis method in order to make it. They use as the main the following criteria: historical, functional, evaluative and socio-political. The introduction into scientific circulation of the notion of "new media" was caused by the rapid computerization and internetization of modern society. The emergence of "new media" is most probably happened in the end of the XX century while social media has long history. The appearance of social media is not connected exclusively with the emergence and spread of the Internet. The authors make a conclusion that the main and original purposes of "new media" and social media differ from one another. If the main purpose of "new media" is immediately information dissemination, the original goal of social media is social communication. The authors mark that apart from social communication and connectivity "new media" facilitate to personal autonomy from society. In the meantime modern social media focused foremost on social communication.

References

1. Fomicheva, I.D. (2012) Media Among the Mediums of Social Communication. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika – Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 10. Journalism*. 1. pp. 60–72. (In Russian).
2. Russian Federation. (1991) *On the Media (Media Law)*. RF Law № 2124-1 of December 29, 1991. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (Accessed: 28th January 2015). (In Russian).
3. Russian Federation. (2006) On information, information technologies and information protection. Federal Law № 149-FZ adopted by the State Duma on July 8, 2006: The Federation Council approved July 14, 2006. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (Accessed: 28th January 2015). (In Russian).
4. Socha, B. & Eber-Schmid, B. (n.d.) *What is new media*. [Online] Available from: <http://newmedia.org/what-is-new-media.html>. (Accessed: 20th May 2013).
5. Baluev, D.G. (2013) Politicheskaya rol' sotsial'nykh media kak pole nauchnogo issledovaniya [The political role of social media as a field of research]. *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo – Educational Technology & Society*. 16(2). pp. 604–616.
6. Baluev, D.G. & Kaminchenko, D.I. (2014) "Novye" sredstva massovoy informatsii kak fenomen sovremennogo obshchestva: problemy teoreticheskogo osmysleniya [The "new" media as a phenomenon of modern society: Problems of theoretical understanding]. *Informatsionnoe obshchestvo*. 1. pp. 31–37.
7. Hong, K. (n.d.) *What is social media?* [Online] Available from: http://www.seniornet.org/index.php?option=com_content&view=article&id=713:what. (Accessed: 20th May 2013).
8. Nations, D. (n.d.) *What is social media?* [Online] Available from: <http://webtrends.about.com/od/web20/a/social-media.htm>. (Accessed: 20th May 2013).
9. Vartanova, E.L. (1999) K chemu vedet konvergentsiya SMI? [What is the convergence of the media?]. *Informatsionnoe obshchestvo*. 5. pp. 11–14.
10. Kostygova, Yu.V. (2001) Setevye ili pechatnye SMI: Konvergentsiya ili antagonizm? [Network or print media: Convergence or antagonism?]. *Informatsionnoe obshchestvo*. 1. pp. 38–40.
11. Petrova, E.I. (2014) Web-based media and social networks: convergence periods. *Kommunikativnye issledovaniya*. 2. pp. 128–133. (In Russian).
12. Grabelnikov, A.A. (2013) Osobennosti konvergentnoy zhurnalistiki [Features of the convergent journalism]. *Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya – Herald of the University of the Russian Academy of Education*. 3. pp. 79–83.
13. Urazova, S.L. (2011) Convergence as a factor in the viability of mass media in the digital environment: a theoretical aspect. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 5(1). pp. 287–293. (In Russian).
14. Brussee, R. & Hekman, E. (n.d.) *Social media are highly accessible media*. [Online] Available from: http://crossmedialab.nl/files/Social_Media_are_highly_accessible_media.pdf. (Accessed: 20th May 2013).

УДК 364:94(37/38)
DOI: 10.17223/1998863X/33/17

А.А. Быков

РЕФОРМАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НАЧАЛЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Рассматривается трансформация христианской благотворительности в начале Нового времени. Автор исследования начинает с анализа ситуации, которая сложилась в экономике, культуре и в деятельности Римской католической церкви в позднем Средневековье. Предварительный экскурс в историю отнюдь не случаен. Он помогает понять причины Реформации и последующих событий. Однако «вначале было слово», поэтому в тексте изучаются идеи таких основоположников протестантизма, как Мартин Лютер, Жан Кальвин, Ульрих Цвингли. Новая идеология в сочетании с социокультурными и социально-экономическими факторами способствовали рождению принципиально иной, более креативной социальной системы, включая и благотворительную сферу, ставшую рациональнее, практичнее, жестче. Анализ изменений в этой сфере и является целью данной статьи.

Ключевые слова: Реформация, благотворительность, рационализация.

Реформация – так называется одно из крупнейших событий всемирной истории, именем которого обозначается целый период Нового времени, охватывающий XVI и первую половину XVII столетия («реформационный период» 1517–1648 гг.). Хотя весьма часто это событие называется более определенно религиозной или церковной реформацией, но в действительности оно имело гораздо более широкое значение, являясь важным моментом как в религиозной, так и в политической, культурной и социальной истории Западной Европы [1. С. 634].

В XV в., а возможно и в XIV в., происходит «латентная» подготовка реформационного периода. Наблюдается подъем в сфере экономики, торговли, культуре, но главной «точкой» роста, несомненно, стало развитие городов. Ф. Бродель называл города электрическими трансформаторами: они повышают напряжение, ускоряют обмен, они беспрестанно вершат жизнь людей. Разве не родились они из самого древнего, самого революционного из всех разделений труда: полей, с одной стороны, и так называемых городских видов деятельности – с другой [2. С. 509]. В самом деле, все радикальные изменения мировой истории, так или иначе, связаны с ростом городов: это и города-государства Шумера, города-полисы в Древней Греции и Италии, просто города средневековой Италии как экономическая и ментальная основа Возрождения.

Именно в городах рождаются инновационные виды деятельности, новые организационные формы, технологии, методы управления. В городах появились такие прогрессивные типы закрытых благотворительных заведений, как богадельни, странноприимные дома, дома призрения, позднее госпитали и др. Город всегда креативен, даже в самые ритуальные, застойные эпохи. Причина в особенностях городской коммуникации между индивидами. Взаимодействие происходит между достаточно дифференцированными по

роду деятельности, образованию, культуре, языку (хотя всегда есть единый язык общения) людьми. В городах сталкиваются и разные социальные практики, поэтому город в эпоху Возрождения и Реформации – это уникальная целостность, особый мир, обязанный себя защищать. Горожане всегда занимаются конструированием своей социальной реальности, своего ойкаса.

Итак, в эпоху, предшествующую Реформации в Западной Европе, усиливается процесс урбанизации, несомненно, повлиявший на все сферы жизни общества, в том числе и на социальную, опирающуюся, прежде всего, на благотворительные начала.

Начиная с V в. н.э. (Падения Западной Римской империи) церковь становится главным субъектом поддержки наиболее уязвимых слоев населения, организатором и вдохновителем благотворительной деятельности. Однако в конце Средневековья католическая церковь находилась в состоянии кризиса, цели церкви и общества стали сильно расходиться. Об этом писала Б.Д. Порозовская, русский историк второй половины XIX в.: «С одной стороны крайнее вырождение римской церкви, нравственный упадок и невежество духовенства, сопровождавшиеся полнейшей утратой его прежнего обаяния в глазах народа, с другой – громадные успехи и распространение знания, благодаря возрождению наук и искусств, благодаря изобретению книгопечатания и целому ряду замечательных открытий в области географии и астрономии – вот те причины, которые вызвали недовольство всем средневековым строем» [3. С. 5].

Меняются ценностно-нормативная система, этический облик эпохи, наблюдается дальнейший отход от принципов раннего христианства. Об этом писал И. Хейзинга: «Именно сочетание с примитивной гордостью придает алчности в период позднего Средневековья нечто непосредственное, пылкое и неистовое, что в более поздние времена, по-видимому, безвозвратно утрачивается. Ренессанс и протестантизм наполнили корыстолюбие этическим содержанием, узаконив его как необходимое условие благоденствия. Клеймо на нем бледнело по мере того, как отказ от земных благ признавался все менее похвальным и убедительным. Но позднее Средневековье между порочной алчностью и щедростью или добровольной бедностью было в состоянии видеть лишь неразрешимое противоречие.» [4. С. 30].

В начале XVI в. Европа вступила в достаточно сложную контрастную эпоху, в которой предстояло измениться и благотворительности как социокультурному феномену. Получили дальнейшее развитие такие тенденции, как усиление светскости и этатизация в сфере регулирования и контроля. Однако «вначале было слово».

Реформаторы церкви – Лютер, Кальвин, У. Цвингли – были не только теоретиками изменений, но и практиками, особенно двое последних.

Жан Кальвин в работе «Наставление в христианской вере» обосновывает связь между религией и милосердием: «Верно сказано, что различие не только главная составная часть всякой праведности и добродетели – она их животворящая душа. Без страха Божия в отношениях между людьми никогда не будет ни справедливости, ни милосердия» [5. С. 375].

В учении Ж. Кальвина достаточно сильны морально-этические мотивы. Он подчеркивает, что «господь запрещает нам унижать ближнего и вредить

ему, так как Он желает, чтобы жизнь ближнего была для нас драгоценна. Поэтому Он требует от нас также дел милосердия, благодаря которым эта жизнь может быть сохранена» [5. С. 374].

Люди обязаны делать добро ближнему, поскольку милосердные дела есть аргумент в пользу благочестия, а «любовь, которая вследствие нашей природной испорченности обращена нами на нас самих, должна распространяться во вне, дабы мы были готовы делать добро другим не в меньшей степени, чем самим себе» [5. С. 417].

Ж. Кальвин был хорошо знаком с трудами античных авторов, в частности с философскими работами Цицерона и Сенеки, и, подобно им, он вводит некоторые моральные ограничения в сфере благотворения. Добродетель, помощь другим при подаче милостыни не должны мотивироваться исключительно тщеславием. Ссылаясь на авторитет Евангелия от Матфея, французский теоретик протестантизма пишет, что «тщеславные люди, то есть ищущие мирской славы, или люди, распираемые самодовольством, не могут быть угодны Богу. Он объявляет, что первые уже получили награду свою в этом мире», а вторые дальше от Царства Божьего, чем мытыри и блудницы [5. С. 156].

Еще одним моральным ограничением благотворения является отсутствие всяких намеков на унижение нуждающегося в помощи «своим гордым видом, либо надменной речью». Просящий человек может не нравиться милосердному человеку, может казаться не достойным милостыни, но «образ Божий», который мы созерцаем в этом человеке, вполне достоин того, чтобы мы отдали ему все, что у нас есть» [5. С. 160]. Эта идея восприятия образа Бога в облике нищего не нова. Об этом писал и Иоанн Златоуст: «Христа одеваешь ты, одевая бедного» [6. С. 660] ...в бедности скрывается Бог; бедняк протягивает руку, а принимает Бог. Когда случится с тобою какое-нибудь горе, подай скорее милостыню; возблаговари за то, что оно случилось, и ты увидишь, какая найдет на тебя радость [6. С. 665]. Основные идеи и установки теологии Ж. Кальвина вполне соответствуют общехристианскому семантическому полю. Об этом свидетельствует и социально-психологическая установка – поставь себя на место страдающего бедняка, глубоко проникни в заботы того, кто нуждается в помощи. Милосердные люди должны были сжалиться над его судьбой, «как будто они сами испытывают ее удары, чтобы ощутили к нуждающимся тоже сострадание и милосердие, которое способны испытывать к себе» [5. С.161]. Способность к эмпатии – важнейшее качество благотворителя, и если оно отсутствует, то перед нами холодное, бездушное соблюдение христианских «формальностей». Тем более, если об унижении бедных некоторыми «милостивцами» пишет сам Ж. Кальвин, значит, такие факты имели место в повседневной жизни.

Другой теоретик и практик протестантизма Ульрих Цвингли явно пытался вернуться к нормам раннего христианства, во всяком случае, как он себе их представлял. Перед собой он ставил достаточно сложную цель – религиозно-нравственного перевоспитания пока еще католического общества. Индивиды, входящие в общину, должны были сами определяться со своей религиозной идентичностью и создавать свою систему внутреннего управления, включая и помощь нуждающимся.

На практике это значило содействие усилению нравственной дисциплины в народе, в частности, учреждались суды по брачным делам, а за грехи – отлучение от церкви. Изданы законы против чрезмерной расточительности, пьянства, азартных игр и тому подобных проступков. Последний устав 1530 г. отличался особой строгостью. Число трактиров было ограничено, а содержатели их обязывались не отпускать по праздникам вина до обедни, запирать свои заведения не позже 9 часов вечера и никому не давать вина в долг более чем на 10 шиллингов [3. С. 53].

Суровость действий новой церкви напоминает порядки в ранних христианских общинах, опирающихся на указания Апостольских Постановлений.

У. Цвингли, развивая дисциплинированность, ответственность, индивидуализм членов новой общины, допускал и существование людей, нуждающихся в помощи, а такие всегда есть – сироты, старики, нищие, инвалиды, больные. Поэтому развивается благотворительность, но на новых основах, хотя, возможно, забытых старых.

Средства для благодеяний имелись, прежде всего, за счет секуляризации церковных имуществ. В Цюрихе устроена была целая сеть благотворительных учреждений. Нищенство и бестолковая раздача милостыни запрещены. Как считал Ж. Кальвин, «нищих в городе не полагалось». Все жители города обязаны были работать. Вместо подкармливания нищих для помощи нуждающемуся населению устроены запасные магазины, из которых особые служащие раздавали и даже разносили на дом съестные припасы бедным и больным; учреждены богадельни, гостиницы для бедных проезжих, больницы и особые чумные госпитали [3. С. 53].

Рационализация благотворительных практик в ходе и после Реформации стала основной чертой развития данного социокультурного феномена. Прагматизация благотворительности генетически связана с базовым принципом протестантизма – замена авторитета церкви, папства на авторитет текстов Священного Писания. Реализация этого принципа позволила раскрепостить энергию и инициативность членов протестантских общин и сделать помощь нуждающимся более адресной.

Реформация оказала влияние на благотворительность в целом в Европе, в том числе и в католических регионах. Новые социально-экономические и политические реалии привели к реформированию форм помощи населению. Как считают Боргман и Смит: «Одно мы знаем точно: за сравнительно короткое время реформы резко продвинулись сразу в нескольких городах: в 1522 г. – в Нюрнберге, в 1523 г. – в Страсбурге, в 1525 г. – в Монсе, в 1525 г. – в Ипре, в 1527 г. – в Лилле. Кульминацией стал долгожданный указ об имперской реформе, изданный Карлом V в 1531 г. Этот указ освящал реформы, которые уже были проведены во многих городах Священной Римской империи, и придавал им законодательный характер» [8].

Централизация на уровне, прежде всего, муниципальной власти стала главным фактором развития благотворительности в Западной Европе.

В течение XVI в. многие крупные города добились централизации помощи бедным слоям населения и взяли под свой контроль разношерстные благотворительные учреждения, зачастую устаревшие и неэффективные. Пришлый люд и бродяги были выселены из городов, а трудоспособных побиру-

шек заставили работать. Во многих городах были созданы централизованные фонды раздачи милостыни, опиравшиеся на частные пожертвования и введенные специальные налоги. Такие города северной Европы, как Ипр, Нюрнберг, Париж, Лион, послужили примером для 60–70 других – и католических, и протестантских городов, где были проведены аналогичные реформы. [8].

Верховная светская власть в лице монархов особого внимания делам благотворительности не уделяла. Император Карл V и король Франции Франциск I в своих указах наметили общие интенции вмешательства государства в социальную сферу своего времени. В 1520 г. Франциск I (1494–1547 гг.) поручил реформировать больницы и королевские приюты Главному подателю королевской милостыни: ему было приказано назначать в каждый приход двух проверяющих – одного из клириков, другого из мирян, которые должны были совместно осуществлять надзор за ходом реформ [8]. Однако это был максимум воздействия высшей государственной власти на благотворительность, основную роль в реформировании «богоугодных» учреждений по-прежнему играли муниципалитеты.

Интересен опыт развития благотворительности в Англии. Эта страна, в отличие от многих государств Европы, после нормандского завоевания, управлялась более централизованно. Это сказалось на реформировании всех сфер социальной поддержки населения в сторону более серьезного вмешательства со стороны королевской власти и городов. Этому способствовали и некоторые установки англиканства, изложенные в XXXIX членах англиканского вероучения (1563 г.) В XXXVIII части сказано: «Богатство и имения христиан по отношению к праву и владению не общи, как ошибочно утверждают анабаптисты; тем не менее каждый человек обязан из своего имущества, по мере сил, уделять милостыню бедному» [7. С. 100].

Религиозные установки англиканства, несомненно, влияли на практическую деятельность властей. Так, «в течение 1540–1550 гг. стройную систему приютов создали лондонские власти: в некоторых из них ухаживали за больными и немощными, один был предназначен для приема найденышей, а еще в один насильно помещали праздношатающихся и лиц без определенных занятий. В общем и целом, однако, ослабление монастырей и других средневековых богоугодных заведений побуждало англичан сосредоточить усилия на приходской благотворительности и пытаться упорядочить раздачу милостыни. Генрих VIII (1491–1547 гг.) издал указ, согласно которому каждый город был обязан учредить фонд для помощи бедным. Все добровольные пожертвования (о принудительном налогообложении речи не шло) следовало передавать распорядителям этих фондов, а не попрошайкам на улицах, за исключением тех случаев, когда последние явно принадлежали к некоторым особым разрядам – например, слепцы или матросы с потерпевшего крушение судна [8]

В 1601 г. в Англии был принят «Статут о благотворительном пользовании», который отражал как общехристианские традиции благотворения, так и новые социально-экономические реалии. В преамбуле перечисляются следующие благотворительные цели: помощь бедным, немощным, престарелым, больным и увечным солдатам и матросам; школам, колледжам и университетам; починка мостов, пристаней, гаваней, дамб, храмов, парапетов и проез-

жих дорог; обучение и материальная поддержка сирот; поддержка исправительных учреждений; содействие бракам неимущих девиц; помощь и поддержка молодых купцов, ремесленников, в том числе и в случае их финансового краха; выкуп военнопленных и уплата штрафов за осужденных [8]. Однако поощрялась, прежде всего, частная благотворительность.

Система благотворительности в Англии была одной из самых развитых в Европе, но и она была далека от совершенства. В европейских городах все чаще наблюдается нарушение евангельских установок по оказанию помощи бедным. В некоторых городах могли накормить бедного, а потом выгнать. Это становится обычной практикой. Как писал Ф. Бродель, проблемой было лишить бедняков возможности причинить вред. В Париже больных и инвалидов всегда помещали в госпитали, здоровых же использовали на тяжелых и изнурительных работах по бесконечной очистке городских рвов и канав, притом скованными по два. В Англии в конце правления Елизаветы появляются «законы о бедных (poor laws)», фактически законы против бедных. Мало-помалу по всему Западу умножается число домов для бедняков и нежелательных лиц, где помещенный туда человек был осужден на принудительный труд в работных домах (work houses), как и в немецких «воспитательных домах» или во французских «смирительных домах» (maisons de force), вроде, например, того комплекса полутюрем, который объединяла под своим управлением администрация парижского Большого госпиталя, основанного в 1656 г. Это «великое заточение» бедняков, душевно больных, правонарушителей, сыновей, которых их родители таким способом помещали под надзор, – один из психологических аспектов общества XVII в., общества благоразумного, но беспощадного в своем благоразумии [2. С. 89].

Разложение традиционного общества сопровождалось размытием базовых ценностей и норм поведения, нарушением привычных социальных связей, в том числе и поддерживающих наиболее уязвимые слои населения. Ситуация аномии начинает формироваться в XVI в., но пока как локальное явление. Капиталистическая система формируется постепенно и неравномерно, не затрагивая или затрагивая в малой степени значительные регионы. Однако в наиболее продвинутых регионах происходит дифференциация населения и увеличение количества бедных людей. Поэтому ужесточение благотворительности – реакция вполне рациональная, но не очень гуманная, на пауперизацию населения.

Ф. Бродель приводит многозначительный факт: «В Дижоне в 1656 г. городские власти пошли даже на то, чтобы запретить горожанам оказывать частную благотворительность и давать приют беднякам. В XVI в. чужака-нищего лечат или кормят перед тем, как выгнать. В начале XVII в. ему обрезают голову. Позднее его бьют кнутом, а в конце века последним словом наказания стала ссылка его в каторжные работы. Такая картина в Европе» [2. С. 90].

Итак, с началом Реформации и последующими изменениями во всех сферах жизни во многих регионах Европы меняется отношение к бедным, как и формы благотворительной помощи. «Благоразумная», рациональная поддержка, но жесткая и пока еще не адресная, стала основной тенденцией развития благотворительности в XVI – первой половине XVII в. Рост городов

и усиление централизованной власти привели к обмирщению и централизации благотворительности, что нашло отражение в формировании правовой базы изучаемого феномена.

Литература

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедия. СПб., 1899. Т. 52. 963 с.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. М., 1986. Т. 1. 509 с.
3. Порозовская Б.Д. Ульрих Цвингли, его жизнь и реформаторская деятельность. СПб., 1892. 96 с.
4. Хейзинга И. Осень Средневековья. М., 1988. 540 с.
5. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. М., 1997. Т. 2, кн. 2. 480 с.
6. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского. СПб., 1906. Т. 12, кн. 1, 2. 468 с.
7. Бондарь С.Д. Англиканская епископальная церковь. Записка. СПб., 1911. 100 с.
8. Борзман К., Смит Д. Благотворительные учреждения в европейских странах: исторический контекст. //Отечественные записки. 2006. № 4. <http://strana-oz.ru/2006/4/blagotvoritelnye-uchrezhdeniya-v-evropeyskih-stranah-istoricheskiy-kontekst>

Bykov Alexander A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: aab56@sibmail.com

DOI: 10.17223/1998863X/33/17

REFORMATION AND TRANSFORMATION OF CHARITY WORK AT THE BEGINNING OF THE NEW TIME

Keywords: Reformation, charity, rationalization.

Studying the phenomenon of charity is of particular interest for philosophers, historians, and leaders of society. However, in the Soviet period, this issue was not examined at all, for political reasons. Nonetheless, charity has always reflected the level of socio-economic development of society and the state of moral culture and civilizational maturity of society. Therefore analysis must take into account three elements of charity in Russia: the historical background (context), the concept, and the practice of charity.

This article is aimed at studying the transformation of Christian charity at the beginning of the New Time and the analysis of changes ongoing in this sphere. The authors of this research start with the analysis of the situation that had been formed in the economy, culture and activity of the Roman Catholic Church in the late Middle Ages. Such a preliminary excursion into the historical domain is not coincidental. It assists understanding the reasons for the Reformation and later events. However, “in the beginning was the Word”, therefore, the text analyzes the ideas of such founding fathers of Protestantism as Martin Luther, John Calvin, Huldrych Zwingli. The new ideology along with the sociocultural and socioeconomic factors promoted the formation of a radically different and more creative social system, also including the charity sphere that became more rational, practical and rough. The purpose of the article is the analysis of changes in this area.

In the XV century there was a latent preparation of the reformation period of European history. Cities played the large role in this process. The French historian F. Braudel called the cities the electrical transformers that increase the voltage, increase exchange, change people's lives. In the cities there was a very different kind of communication between individuals based on social differentiation of the inhabitants. The reflection of changes in the late Middle ages begins just in cities and there were born innovative activities, new organizational forms, technologies, management practices. In the cities there were such progressive types of private charitable institutions such as almshouses, hospices, houses of mercy, and later hospitals, etc. The City is always creative, even in the ritual, stagnant era. The attitude towards charity was also changed. The main trend of the charity development in the period under review became the rational support, but hard and not yet targeted.

References

1. Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. (1899) *Entsiklopediya* [Encyclopedia]. Vol. 52. St. Petersburg: [s.n.].

2. Braudel, F. (1986) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm* [Material civilization, economy and capitalism]. Vol. 1. Moscow: Progress.
3. Porozovskaya, B.D. (1892) *Ul'rikh Tsvingli, ego zhizn' i reformatorskaya deyatel'nost'* [Ulrich Zwingli, his life and reform activities]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
4. Huizinga, J. (1988) *Osen' Srednevekov'ya* [The Autumn of the Middle Ages]. Translated from Dutch by D.V. Silverstov. Moscow: Nauka.
5. Calvin, J. (1997) *Nastavlenie v khristianskoy vere* [Institutes of the Christian Faith]. Translated from French by A.D. Bakulov. Vol. 2(2). Moscow: Aslan.
6. John Chrysostom, Archbishop of Constantinople. (1906) *Tvoreniya svyatogo ottsa nashego Io-anna Zlatousto, Arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo* [Works of our Holy Father John Chrysostom, Archbishop of Constantinople]. Vol. 12. St. Petersburg: Theological Academy.
7. Bondar, S.D. (1911) *Anglikanskaya episkopal'naya tserkov'. Zapiska* [The Anglican Church. A Note]. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.
8. Borgman, K. & Smith, D. (2006) *Blagotvoritel'nye uchrezhdeniya v evropeyskikh stranakh: istoricheskiy kontekst* [Charity institutions in Europe: A historical context]. *Otechestvennye zapiski*. 4. [Online] Available from: <http://strana-oz.ru/2006/4/blagotvoritelnye-uchrezhdeniya-v-evropeyskih-stranah-istoricheskiy-kontekst>.

УДК 316.334:61

DOI: 10.17223/1998863X/33/18

Н.А. Вялых

ПОТРЕБЛЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МНОГОМЕРНЫЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматриваются теоретико-методологические проблемы категоризации потребления медицинской помощи как предмета социологического исследования. Обосновывается необходимость многомерного методологического конструкта изучения потребления медицинской помощи на основе синтеза когнитивных практик классической и неклассической моделей научной рациональности. Сделан вывод о том, что оптимальным метапарадигмальным основанием исследования социальных факторов потребления медицинской помощи являются стратегия социологического конструктивизма и неоклассическая модель социологического познания.

Ключевые слова: потребление медицинской помощи, социологический дискурс, многомерный методологический конструкт, доступность медицинской помощи, трансформация здравоохранения, метапарадигма.

Введение

Отношение человека к своему здоровью, практики его сбережения и упорочения – индикатор отношения человека к социальному окружению и обществу, маркер культурного развития личности, а социальная политика государства в сфере здравоохранения – показатель степени участия и заботы власти о здоровье населения. Однако противоречие между институциональными механизмами, регулирующими порядок оказания медицинской помощи, и реальными потребностями и возможностями российского общества приводит к формированию и воспроизводству практик потребления медицинской помощи, которые едва ли можно назвать позитивными, то есть способствующими положительной динамике здоровья отдельного человека, большинства социальных групп и социума в целом. В результате возникает новый тип социального неравенства – неравенство пациентов и потенциальных потребителей медицинской помощи.

Таким образом, актуальность заявленной темы статьи, в прикладном аспекте, заключается в объективной необходимости разработки новых подходов и инструментов социологической диагностики дисфункциональных явлений и процессов в сфере потребления медицинской помощи. Но внедрение результатов социологических изысканий в повседневную практику общественного здравоохранения лишено перспектив без глубокой теоретической рефлексии, должного методологического обеспечения и надежных метапарадигмальных оснований. Следовательно, потребность в социологическом решении существующих разногласий в понимании социальной обусловленности потребления медицинской помощи отражает научное значение предметной области настоящего исследования.

Цель статьи состоит в научном обосновании методологической стратегии социологического изучения потребления медицинской помощи. Научная новизна работы определяется раскрытием содержания категории потребления медицинской помощи в социологической предметности. Авторское видение отличается от устоявшихся научных представлений тем, что потребление медицинской помощи интерпретируется как разновидность самосохранительного социального действия, детерминированного культурной программой социума, комплексом институциональных барьеров и поведенческих практик их преодоления, а не просто как процесс ситуативного взаимодействия провайдера и потребителя в системе правовых, экономических и культурных координат.

Теоретико-методологические проблемы категоризации потребления медицинской помощи в социологическом дискурсе

В современной науке накоплено немало теорий и эмпирических данных о самосохранительной активности населения, отношении различных социальных групп к здоровью, моделях поведения в ситуации заболевания, барьерах доступности медицинской помощи. Однако в социологии до сих пор отсутствуют специальные интегративные концепции, способные объяснить социальную логику потребления медицинской помощи и механизмы формирования неравенства ее потребителей. По мнению Д.О. Михайловой и Н.Н. Седовой, вся медицинская помощь может быть дефрагментирована как система оказания услуг, однако такой подход является новым для отечественной науки и практики, потому что теория потребления медицинских услуг разрабатывалась преимущественно на Западе [1. С. 6].

Еще не стала предметом социологического дискурса методология исследования потребления медицинской помощи и социальных параметров ее доступности. Мозаичность имеющихся методологических проекций социологической рефлексии потребления медицинской помощи, в свою очередь, сужает прикладной потенциал методик конкретно-социологической диагностики доступности медицинской помощи в России и ее отдельных регионах. Широкий спектр эмпирической информации в виде статистики, инициативных всероссийских и региональных социологических опросов дает лишь очень общее представление о социальных детерминантах потребления медицинской помощи в контексте трансформации российского здравоохранения.

Потребление медицинской помощи – категория мультидисциплинарная, поскольку является объектом плодотворных когнитивных практик экономистов, правоведов, валеологов, психологов, антропологов и, конечно, самих медиков. Каждый из подходов обладает своими преимуществами и предметно-дисциплинарными ограничениями, но только социологическая перспектива помогает установить взаимосвязь между социальными факторами поведения потенциальных пациентов и внешними по отношению к ним институциональными условиями, задающими вектор и характер взаимодействий различных агентов по поводу производства и потребления медицинской помощи. Вместе с тем современная социологическая теория нуждается в создании такого методологического инструментария, с помощью которого воз-

можно исследование как социальной, так и индивидуальной реальности потребления медицинской помощи.

Интегративным фактором потребительского выбора в сфере медицинского обеспечения представляется доступность медицинской помощи. Теоретико-методологические традиции изучения доступности медицинской помощи и социального неравенства в данной сфере условно делятся на две группы – субъективистские и объективистские. В субъективистских концепциях подчеркивается роль поведения потребителя, зависящего от индивидуальных характеристик (пол, возраст, образование, профессиональный статус, ресурсный потенциал). В рамках объективистской методологической проекции преимущественно рассматриваются экономические, географические, организационные, культурные и иные барьеры, определяющие степень контекстуальной доступности конкретной системы медицинского обеспечения.

В российской социологии субъективистский подход наиболее отчетливо изложен в трудах И.Б. Назаровой (теория самосохранительной активности трудящихся), Л.В. Пановой и Н.Л. Русиновой (концепция «осознаваемой» индивидом доступности медицинской помощи), Л.С. Шиловой (концепция самосохранительного поведения пациентов в условиях модернизации российской первичной медицинской помощи). Объективистский подход представлен в работах таких ученых, как И.В. Подпорина (доступность как результат распределения ресурсов на макро- и микроуровнях здравоохранения), А.В. Решетников (анализ проблем и противоречий бюджетно-страховой модели здравоохранения в России), Г.Э. Улумбекова, Ю.Т. Шарабчиев, Т.В. Дудина (рационализация и стандартизация медицинской помощи как фактор ее потребления), А.С. Акопян, Ю.В. Шиленко, Т.В. Юрьева («зоны» доступности медицинской помощи в зависимости от величины спроса и цены) [2–9].

С учетом дуальности объективных и субъективных факторов на рис. 1 изображена генерализованная схема (модель) поведения потребителей медицинской помощи.

С одной стороны, потребитель конституирует доступ к медицинской помощи, исходя из своих представлений, ожиданий и ресурсов. С другой стороны, социальный институт здравоохранения оказывает влияние на распределение и конфигурацию медицинской помощи. По справедливому замечанию Е. А. Бороздиной, современная медицинская этика включает принцип индивидуализации врача и пациента, воспринимающихся «в качестве уникальных личностей, обладающих специфическим опытом, который не может быть сведен к медицинскому диагнозу (в случае пациента) или к профессиональным обязанностям (в случае врача)» [10. С. 19]. Следовательно, потребление медицинской помощи параметризуется не только наличием ресурсов для удовлетворения потребности в здоровье, но и сложным взаимодействием переменных системного и личностно-индивидуального уровней, которое приводит или не приводит к позитивной динамике индивидуального и общественного здоровья.

Разумеется, все сопутствующие потреблению факторы в одной схеме учесть нереально, но основные компоненты определить не составляет труда. Модель, изображенная на рис. 1, отражает как типичное пошаговое движение

потребителя к статусу пациента, так и факторы (экстернальные и интернальные), влияющие на характер этого движения. Во всех случаях потребление медицинской помощи опосредуется социокультурной средой – нормами, традициями, ценностями, которые конструируются людьми, социальными группами и ими же (людьми и группами) управляют. Не менее значимым является исход (результат) потребления медицинской помощи, формирующий социальный опыт человека, его мотивы и установки как пациента и детерминирующий в той или иной степени последующие практики потребления медицинской помощи.

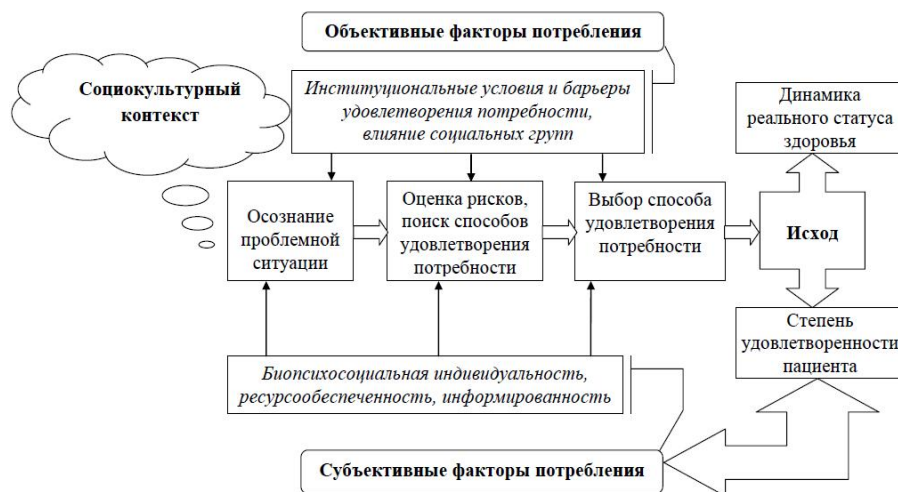

Рис. 1. Элементарная модель поведения потребителя медицинской помощи

Таким образом, преимущество социологического метода в изучении феномена потребления медицинской помощи состоит в том, что охватываются не только медико-социальные аспекты поведения потребителя в институциональном поле здравоохранения [11], но и способы ориентации личности на потребность, включая бездействие, отказ от медицинского вмешательства, а также мотивы внеинституциональных медицинских практик: самопомощь без участия врача, неформальная помощь знакомых врачей, обращение к представителям нетрадиционной медицины и т.п.

Метапарадигмальные основания социологического исследования потребления медицинской помощи в современном российском обществе

Трансформация института здравоохранения в современном российском обществе отличается существенным «отставанием» ценностно-нормативной перекодировки системы координат деятельности и сознания различных агентов, прежде всего пациентов и медицинских работников, от устанавливаемых властью новых правовых принципов взаимодействия. Государственное участие в организации и финансировании системы медицинского обеспечения сокращается, а свобода выбора обществом практик медицинской активности увеличивается, но вместе с тем расширяется и граница личной ответственности

сти за состояние здоровья. Трансформация института здравоохранения, идущая по пути либерализации, но не имеющая надежных парадигмальных оснований, приобретает кризисный характер из-за нечеткого видения на государственно-управленческом уровне оптимальной модели медицинского обеспечения, амбивалентности преобразований, перманентного пересмотра стратегии реформирования отрасли без опоры на законы логики общественного развития. Стихийно складывающиеся практики потребления медицинской помощи не в состоянии преодолеть несовершенства организации медицинского обеспечения из-за парадоксального и неоднозначного, заложенного в российской ментальности, восприятия здоровья и болезни, поскольку необходимость заботиться о здоровье, лечиться в случае заболевания имеет декларативный характер, несмотря на реальное осознание здоровья как ценности [12. С. 33].

Способом повышения достоверности и обоснованности теоретических выводов и практических рекомендаций по повышению эффективности института здравоохранения является социологическое изучение мнения заинтересованных социальных групп: потребителей, медицинских работников, представителей страховых медицинских организаций, чиновников от здравоохранения. Так, используя надежные эмпирические аналоги, можно даже методом стандартизованного анкетного опроса измерять финансовые, организационные, социокультурные факторы поведения потребителей медицинской помощи [13. С. 42], выявлять корреляции различных переменных как между собой, так и с социальными характеристиками респондентов, предлагать развернутую социологическую интерпретацию представлениям, мотивациям, ожиданиям социума в сфере потребления медицинской помощи. При этом значимым этапом, предваряющим конкретно-социологическое исследование, является ситуационный анализ проблемного фона процессов в системе здравоохранения на уровне страны, региона, города, облегчающий социологическую диагностику доступности медицинской помощи в интегрированном локалитете. Однако любые попытки реализации эмпирико-социологических исследований в сфере здравоохранения, как и в любой другой области, обречены на незавершенность и фрагментарность без заранее сконструированного единого методологического пространства.

Методологический конструкт любого научного исследования представляет собой когнитивную «модель рационально-проектного содержания предмета научного исследования и его парадигмальных оснований как способов решения научно-исследовательских задач. Методологический конструкт научного исследования является продуктом методологического сознания ученого, когда происходит осмысление оптимальной организации способов, путей и форм производства научных знаний и проектирование реальных исследовательских действий познающего, направленных на получение истинного знания о социальной реальности» [14. С. 104]. Соглашаясь с вышеизложенным суждением, определим социологическую метапарадигму (модель) научного исследования, в рамках которой целесообразно изучать особенности потребления медицинской помощи в современной России.

Сам термин «метапарадигма» в социологии полисемантичен, да и классификаций социологических метапарадигм тоже немало. Наиболее известны

классификации В.А. Ядова, Ж.Т. Тощенко, Г.Е. Зборовского, С.А. Кравченко, А.В. Лубского, Дж. Ритцера. Общепринятыми аналогами данного термина являются понятия «модель» и «стратегия» социологического познания (исследования). В нашу задачу не входят экспликация всех этих терминов и подсчет метапарадигм (моделей, стратегий), существующих в современной социологической науке, поэтому примем, пусть и с некоторой долей избирательности, уже разработанные в отечественной социологии понятия и классификации.

Г.Е. Зборовский под метапарадигмой понимает обобщающую теоретическую характеристику ряда близких, «родственных» парадигм как определенных совокупностей фундаментальных оснований научного знания, исходных концептуальных схем, крупных теорий и их групп, методов и признанных достижений в конкретной науке [15]. А.В. Лубский использует категорию модели социологического исследования, говоря о том, что это «когнитивные аналоги, методологические конструкции идеального типа, концептуально воспроизводящие в «чистом» виде наиболее типичные черты научно-исследовательских практик в социологии», и выделяет три альтернативных типа моделей социологического исследования: классический, неклассический и неоклассический [16].

Классическая модель научного исследования позволяет выявить общее, присущее определенному классу социальных явлений, установить взаимосвязи между ними и их повторяемость в социальном процессе, а неклассическая модель научного исследования открывает возможность изучения «взаимодействия индивидов как носителей определенной ментальности» [17]. Согласно А.В. Лубскому, предметом классической модели социологического исследования является надындивидуальная и каузальная социальная действительность, а предметом неклассической модели – индивидуальная социальная реальность.

Преодолеть методологическую односторонность различных направлений и парадигм, в которых допустимо социологическое изучение потребления медицинской помощи как особой сферы практической повседневной жизни, можно только синтезом познавательных практик классической и неклассической моделей научной рациональности. Если отталкиваться от типологии методологических стратегий Ж.Т. Тощенко, то оптимальным метапарадигмальным основанием социологического изучения потребления медицинской помощи видится социологический конструктивизм, в рамках которого «общественное сознание и поведение исследуется в условиях социальной среды» [18]. Методологическая стратегия социологического конструктивизма позволяет установить взаимосвязь между социальной реальностью (системой здравоохранения и процессом ее трансформации в России) и индивидуальной реальностью как сферой повседневной жизни «некомпетентных» акторов – потенциальных потребителей медицинской помощи с их мотивами, ценностями, установками, эмоциями и ожиданиями.

Для того чтобы показать, каким образом «работает» неоклассическая модель рациональности и методологическая стратегия социологического конструктивизма в исследовании феномена потребления медицинской помощи, необходимо, прежде всего, операционализировать саму категорию «потреб-

ление медицинской помощи». В ракурсе неоклассической модели социологического познания и стратегии социологического конструктивизма потребление медицинской помощи представляет собой процесс удовлетворения потребности в восстановлении, сохранении, поддержании и укреплении здоровья как психофизиологической нормы, индивидуальной для каждого человека, посредством взаимодействия потенциальных и «состоявшихся» пациентов с профессиональными агентами института здравоохранения (квалифицированным персоналом медицинских организаций). Важно отметить, что потребление медицинской помощи является формой экономико-правового поведения, поскольку предполагает диалектику потребления и производства медицинской помощи как общественного блага, юридическую фиксацию прав и обязанностей всех агентов. Также потребление медицинской помощи представляет собой культурно детерминированную форму самосохранительного поведения человека и подразумевает отношение к состоянию индивидуального здоровья как базовой жизненной ценности.

Потребление медицинской помощи характеризуют следующие особенности: 1) необходимость принятия решения в условиях неопределенности и риска; 2) выраженная эмоциональная окраска в результате физического, психического и душевного дискомфорта, вызванного манифестацией симптомов заболевания или подозрением возникновения болезни; 3) внезапность возникновения потребности и невозможность ее сиюминутного удовлетворения; 4) альтернативность и гибкость стратегии и тактики поведения; 5) социальная детерминированность; 6) адаптивность, проявляющаяся в необходимости активного преодоления экстернатальных и интернатальных барьеров либо пассивного приспособления к ним.

Проблема потребления медицинской помощи анализируется нами в социологическом ракурсе, однако она носит не только мультидисциплинарный, но и полипарадигмальный характер, поскольку, теоретически, может быть исследована в рамках любой парадигмы.

Так, с позиции структурно-функционального подхода потребление медицинской помощи рассматривается в качестве системы отношений между различными агентами, складывающейся как в структурах института здравоохранения (в медицинских организациях), так и за их пределами в любой точке социального пространства. Однако осознание потребности в медицинском вмешательстве не всегда сопряжено с его объективной необходимостью или возможностью. Подобный диссонанс может быть вызван разнообразными факторами, но ведущей причиной представляется разнонаправленность интересов личности, различных социальных групп, государства, общества и медицинских корпораций, явно или латентно институционализированных в медицинской культуре.

Конфликт интересов расшатывает стабильное функционирование здравоохранения как социального института, интегральной функцией которого является удовлетворение потребности человека и общества в здоровье посредством рациональной организации потребления медицинской помощи, оказываемой профессиональными и квалифицированными субъектами. Поэтому структурно-функционального подхода (пусть и признающего дисфункции и аномии) с его «солидаристским пафосом» недостаточно для комплексной

диагностики факторов, препятствующих своевременному и эффективному удовлетворению медицинских потребностей всех социальных групп российского общества. В связи с этим появляется необходимость интеграции функционалистской и конфликтологической парадигм.

Для того чтобы социологически измерить социальные изменения потребления медицинской помощи на современном этапе развития российского здравоохранения не только в статике, но и в динамике, должна быть привлечена неoinституциональная методология. В дискурсе неoinституциональной теории становится возможным анализ трансформации института здравоохранения в качестве фактора, влияющего на поведенческие практики (формальные и неформальные) и стратегии потребления медицинской помощи.

Наконец, методологический корпус был бы недостаточно надежен без конструктивистских теорий («мягких» и «радикальных») современной западной социологии (например, концепции габитуса П. Бурдьё и теории структуры Э. Гидденса). Интегративное социологическое познание требует, с одной стороны, определения закономерностей трансформации институциональных практик потребления медицинской помощи, структурно-функциональных ограничений удовлетворения медицинских потребностей, индивидуальных факторов социального неравенства потребителей, с другой стороны, интерпретации смысла практик потребления медицинской помощи, их символической и коммуникативной природы «посредством аксиологического в нее «вживания» и понимания» [16. С. 48].

При первом приближении подобный исследовательский ракурс может вызвать привкус методологического анархизма и калейдоскопичности. Однако речь идет о синтезе успешных когнитивных установок и коррекции слабых сторон того или иного подхода. Подробнее ознакомиться с познавательными возможностями и ограничениями вышеперечисленных подходов, а также с тем, как они конвергируются в программу конкретно-социологического исследования, можно в монографии автора [19. С. 26–49].

Заключение

Итак, мы выяснили, что гносеологический потенциал социологического метода заключается в способности не только количественного измерения «общественного мнения», но и в способности социального моделирования поведения агентов (например, врачей и потребителей медицинской помощи). При этом социология исследует именно типические практики – паттерны потребления медицинской помощи, а не уникальные поведенческие комплексы отдельных людей, какими бы они выдающимися не были. Специфика потребления медицинской помощи заключается, во-первых, в необходимости преодоления объективных и субъективных барьеров доступности медицинской помощи, во-вторых, в осознанной человеком альтернативности выбора, в-третьих, субъективно «устанавливаемой» силе потребности.

Социологическое видение исходит из того, что потребление медицинской помощи предполагает социальное действие, опосредованное нормативно-символическим пространством (культурой общества). При этом социально-статусные и социокультурные различия, институциональные и индивидуальные ограничения доступности медицинской помощи дифференцируют

потребителей и практики потребления медицинской помощи. Практики потребления медицинской помощи формируются в социальном контексте, так как соотносятся с ожиданиями других людей (членов семьи, друзей, коллег, знакомых, медицинского персонала) и с общественным мнением (если допустить его существование). Качественная социологическая методология, во многом родственная медико-антропологическим описаниям, позволяет понять, каким образом люди как представители различных культур и социальных групп интерпретируют состояние нездоровья, в какие виды лечения они верят и что предпринимают в ситуации заболевания [20. Р. 1080].

Интегративная модель социологического познания позволяет выявить поведенческие, культурные, социальные основания потребления медицинской помощи в их целостности и взаимосвязи для объяснения дисфункциональных процессов в российской системе здравоохранения, а также открывает путь к исследованию практик потребления медицинской помощи в качестве типических повторяющихся образцов поведения в ситуации заболевания, формирующихся в результате интернализации институционально заданных формальных и неформальных норм, базовых элементов культуры российского общества в контексте трансформации института здравоохранения.

Таким образом, многомерный методологический конструкт, метапарадигмальным базисом которого являются социологический конструктивизм и неоклассическая модель научной рациональности, допускает исследование потребления медицинской помощи как многопланового, конструируемого индивидом в социальном контексте эмоционально окрашенного типа адаптивного поведения, направленного на удовлетворение потребности в здоровье посредством взаимодействия с агентами «профессионального сектора медицины» [21].

Литература

1. Михайлова Д.О., Седова Н.Н. Социологический анализ культуры потребления медицинских услуг в крупном промышленном городе // Социология города. 2010. № 1. С. 3–9.
2. Назарова И.Б. Здоровье занятого населения. М.: МАКС Пресс, 2007.
3. Панова Л.В., Руссинова Н.Л. Неравенства в доступе к первичной медицинской помощи // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 127–136.
4. Шилова Л.С. Самоохранительное поведение пациентов в условиях модернизации российской первичной медицинской помощи : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2012.
5. Подпорина И.В. Методологические подходы к оценке результатов функционирования системы здравоохранения // Информационно-аналитический вестник «Социальные аспекты здоровья населения». 2008. Т. 7, № 3. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/80/30/>.
6. Решетников А.В. Медико-социологический мониторинг. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2013.
7. Улумбекова Г.Э. Здравоохранение России. Что надо делать: научное обоснование «Стратегии развития здравоохранения РФ до 2020 года». М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010.
8. Шарабчиев Ю.Т., Дудина Т.В. Доступность и качество медицинской помощи: слагаемые успеха // Медицинские новости. 2009. № 12. С. 6–12.
9. Акопян А.С., Шилленко Ю.В., Юрьева Т.В. Индустрия здоровья: экономика и управление. М.: Дрофа, 2003.
10. Бороздина Е.А. Трансформации профессиональной этики российского врача: социологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. №1 (13). С. 12–20.
11. Ефименко С.А. Социология пациента: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Волгоград, 2007.
12. Шилова Л.С. Российские пациенты в условиях модернизации здравоохранения. Стратегии поведения. Saarbruken, LAMBERT Academic Publishing, 2012. 143 с.

13. Вялых Н.А. Социологическая диагностика доступности медицинской помощи в современной России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1 (29). С. 40–50.
14. Лубский А.В. Государственность как матрица российской цивилизации // Гуманитарный ежегодник. 2005. № 4. С. 86–113.
15. Зборовский Г.Е. Метапарадигмальная модель теоретической социологии // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 3–15.
16. Лубский А.В. Модели социологических исследований: от классики до современности // Социальная политика и социология. 2014. № 3 (104). С. 47–48.
17. Лубский А.В. Когнитивная ситуация в социально-гуманитарном познании // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. № 8. С. 14–19.
18. Тоценко Ж.Т. Парадигмы, структуры и уровни социологического анализа // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 5–16.
19. Вялых Н.А. Стратегии потребления медицинской помощи: социологический анализ. Ростов н/Д: Издательство Южного федерального университета, 2015.
20. Helman C.G. Medicine and Culture: Limits of Biomedical Explanation // The Lancet. 1991. № 337 (8749). P. 1080–1083.
21. Kleinman A. Patients and Healers in the Context of Culture: An Exploration of the Borderland Between Anthropology, Medicine, and Psychiatry. Berkeley: University of California Press, 1980. 427 p.

Vyalykh Nikita A. Institute of Sociology and Regional Studies at Southern Federal University (Rostov-na-Donu, Russian Federation)

E-mail: sociology4.1@yandex.ru

DOI: 10.17223/1998863X/33/18

MEDICAL CARE CONSUMPTION IN MODERN RUSSIA: MULTIDIMENSIONAL METHODOLOGICAL CONSTRUCT OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Keywords: medical care consumption, sociological discourse, multidimensional methodological construct, medical care accessibility, transformation of healthcare, metaparadigm

The topicality of the article is conditioned by a need for a special sociological theory that explains the patterns of medical care consumption. So, the present paper is devoted to the methodological problems of medical care consumption' categorization in sociological discourse. The purpose of article is to create a uniform methodological space of sociological study in the sphere of medical care consumption. The novelty of the work is expressed in the applying of metaparadigmality constructing to this phenomenon study. The concept of medical care consumption is analyzed as multidimensional, emotionally directed type of adaptive behavior designed by the individual in a wide social context. It's stressed that specificity of medical care consumption consists, first, in need of overcoming of objective and subjective accessibility barriers, secondly, in the alternativeness of a personal choice, thirdly, in subjectively «installable» strength of medical need. On one hand, sociological perspective views medical care consumption as a stage of individual disease career in the social relation system. On the other hand, sociological tradition is concerned with how institutional limitations and cultural program of society influence medical activity. It's argued that medical care accessibility is an integrative factor of consumer choice in the healthcare sphere. Thus, there is necessity to create a theoretical model which includes behavioral and structural factors of medical care accessibility. Particular attention is given to the possibility of integrating the cognitive installations of classical and nonclassical models of scientific rationality for better sociological understanding of medical care consumption dimensions. The task of modern sociology in Russia, in the opinion of the author, is to link the representations of various social groups about «optimal» help-seeking strategies with process of healthcare institute transformation on the national and regional levels. At the end of article the author emphasizes that sociological approach allows to reveal the hidden subjective and objective factors of medical care consumption, as well as to define the reasons and effects of obvious limitations in Russian healthcare system.

References

1. Mihajlova, D.O. & Sedova, N.N. (2010) Sociologicheskij analiz kul'tury potreblenija medicinskih uslug v krupnom promyshlennom gorode [The sociological analysis of medical services consumption' culture in the large industrial city]. *Sociologija goroda – City sociology*. 1. pp. 3–9.
2. Nazarova, I.B. (2007) Zdorov'e zanjatogo naselenija [*Health of the worker population*]. Moscow: MAKSS Press.
3. Panova, L.V., Rusinova, N.L. (2005) Neravenstva v dostupe k pervichnoj medicinskoj pomoshhi [Inequalities in access to primary medical care]. *Sotciologicheskie issledovanija – Sociological research*. 6. pp. 127–136.
4. Shilova, L.S. (2012) *Samosohranitel'noe povedenie pacientov v uslovijah modernizacii rossijskoj pervichnoj medicinskoj pomoshhi: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk* [Self-preservation behavior of patients in the conditions of modernization of the Russian primary medical care: abstract of the thesis ... PhD in Sociology]. Moscow.
5. Podporina, I.V. (2008) Metodologicheskie podhody k ocenke rezul'tatov funkcionirovanija sistemy zdravoohraneniya [Methodological approaches to an assessment of results of functioning of health system]. *Informacionno-analiticheskij vestnik «Social'nye aspekty zdorov'ja naselenija» – Information analytical bulletin «Social aspects of population health»*. Vol. 7. 3. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/80/30/>.
6. Reshetnikov, A.V. (2013) Mediko-sociologicheskij monitoring [*Medico-sociological monitoring*]. Moscow: GEOTAR-Media.
7. Ulumbekova, G.E. (2010) Zdravoohranenie Rossii. Chto nado delat': nauchnoe obosnovanie «Strategii razvitiya zdravoohraneniya RF do 2020 goda» [*Health care of Russia. What should be done: scientific justification of «Strategy of development of health care of the Russian Federation till 2020»*]. Moscow: GEOTAR-Media.
8. Sharabchiev, Ju.T., Dudina, T.V. (2009) Dostupnost' i kachestvo medicinskoj pomoshhi: sla-gaemye uspeha [Availability and quality of medical care: composed success]. *Medicinskie novosti – Medical news*. 12. pp. 6–12.
9. Akopjan, A.S., Shilenko, Ju.V., Jur'eva, T.V. (2003) Industrija zdorov'ja: jekonomika i upravlenie [*Industry of health: economy and management*]. Moscow: Drofa.
10. Borozdina, E.A. (2011) Transformacii professional'noj jetiki rossijskogo vracha: sociologicheskij analiz [Transformations of professional ethics of the Russian doctor: sociological analysis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija – Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 1 (13). pp. 12–20.
11. Efimenko, S.A. (2007) *Sociologija pacienta: avtoref. dis. ... d-ra sociol. nauk* [Sociology of the patient: abstract of the thesis ... PhD in Sociology]. Volgograd.
12. Shilova, L.S. (2012) *Rossijskie pacienty v uslovijah modernizacii zdravoohraneniya. Strategii povedeniya* [The Russian patients in the conditions of healthcare modernization. Strategy of behavior]. Saarbruken, LAMBERT Academic Publishing.
13. Vyalykh, N.A. (2015) Sociologicheskaja diagnostika dostupnosti medicinskoj pomoshhi v sovremennoj Rossii [Sociological Diagnosis of The Accessibility of Medical Care In Russia Today] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija – Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 1 (29). pp. 40–50.
14. Lubsky, A.V. (2005) Gosudarstvennost' kak matrica rossijskoj civilizacii [Statehood as a matrix of the Russian civilization]. *Gumanitarnyj ezhegodnik – Humanitarian year-book*. 4. pp. 86–113.
15. Zborovsky G.E. (2008) Metaparadigmal'naja model' teoreticheskoy sociologii [Metapara-digmal model of theoretical sociology]. *Sotciologicheskie issledovanija – Sociological research*. 4. pp. 3–15.
16. Lubsky, A.V. (2014) Modeli sociologicheskikh issledovanij: ot klassiki do sovremennosti [Models of sociological researches: from classics to the present]. *Social'naja politika i sociologija – Social policy and sociology*. 3 (104). pp. 47–48.
17. Lubsky, A.V. (2008) Kognitivnaja situacija v social'no-gumanitarnom poznanii [Cognitive situation in social and humanitarian knowledge]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1: Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija – Bulletin of the Adygei State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural science*. 8. pp. 14–19.

18. Toshhenko, Zh.T. (2007) Paradigmy, struktury i urovni sociologicheskogo analiza [Paradigms, structures and levels of the sociological analysis]. *Sotciologicheskie issledovaniya – Sociological research*. 9. pp. 5–16.
19. Vyalykh, N.A. (2015) Strategii potreblenija medicinskoj pomoshhi: sociologicheskij analiz [Strategy of medical care consumption: sociological analysis]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Juzhnogo federal'nogo universiteta.
20. Helman, C.G. (1991) Medicine and Culture: Limits of Biomedical Explanation. *The Lancet*. 337 (8749). pp. 1080–1083.
21. Kleinman, A. (1980) *Patients and Healers in the Context of Culture: An Exploration of the Borderland Between Anthropology, Medicine, and Psychiatry*. Berkeley: University of California Press.

УДК.316.354:351/354

DOI: 10.17223/1998863X/33/19

М.В. Удальцова, Е.А. Абрамова

СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Рассматриваются вопросы социального благополучия, которое понимается как социальный прогресс. Обосновывается необходимость разработки и реализации высоких гуманитарных технологий, основным содержанием которых представлены культура и образование. Предлагаются такие индикаторы социального благополучия, как подлинный патриотизм, достойный уровень благосостояния, свобода как осознанная возможность человека осуществить свое достоинство, доверие, отсутствие агрессии и продуктивные семейные отношения.

Ключевые слова: благополучие, культура, образование, высокие гуманитарные технологии, подлинный патриотизм, благосостояние, достоинство, доверие, агрессия, семья.

*Войны выигрывают не генералы,
а учителя и приходские священники.*

О. фон Бисмарк

Под социальным благополучием, как известно, понимается *социальный прогресс*. Какие же критерии определяют социальный прогресс? И есть ли среди них главный, основополагающий? П.А. Сорокин исходил из того, что критериями социального могут быть и солидарность, и знания. При этом он отмечал: «Как бы ни были ценны сами по себе любовь к ближнему, солидарность, знания (истина) и т.д., но раз они не сопровождаются параллельным развитием счастья или даже ведут к уменьшению его, они становятся полупценностями» [8. С. 510]. И далее он продолжает: «Все критерии прогресса, какими бы разнообразными они ни были, так или иначе подразумевают и должны включать в себя принцип счастья» [8. С. 511]. Очевидно, следует исходить из того, что социальный прогресс в обязательном порядке подразумевает *счастье человека*.

В XXI в. важными направлениями исследования становятся проектирование социального прогресса и высокие гуманитарные технологии. Гуманитарные технологии входят в структуру шестого технологического уклада, они могут принимать и разрушительные формы, способствуя изменению сознания человека, создавая своеобразный «социоцирк» (что достаточно ярко продемонстрировано за последние годы в Украине). Именно поэтому сегодня особенно возрастают *смысл и ценности*, которые формируются в душе каждого человека, ассоциируясь с пониманием счастья. Гуманитарные технологии направлены на обеспечение социального благополучия (а в личном плане – счастья), должны исходить из осознания того, что главным богатством в третьем тысячелетии станет поколение талантливых, образованных, ответственных, патриотичных и счастливых людей. В данном случае под поколением понимается «не горсть одиночек и не просто масса: это как бы новое, целостное социальное тело,

обладающее и своим избранным меньшинством и своей толпой, заброшенное на орбиту существования с определенной жизненной траекторией» [6. С. 5]. «Для каждого поколения жизнь есть работа в двух измерениях: в одном оно получает пережитое предшествующими поколениями – идеи, оценки, институты и т.д.; в другом – отдается спонтанному потоку собственной жизни» [6. С. 6]. Важно, чтобы этот «поток собственной жизни» вмещал в себя те критерии социального прогресса (благополучия), которые были отмечены выше. В то же время сам социальный прогресс определяется базовыми характеристиками человеческой личности, такими как достоинство, свобода, ответственность, патриотизм и др. «Общество не является и не может быть ничем иным, кроме как посредником, с помощью которого отдельные люди взаимодействуют между собой. Личность, а не общество создает человеческую историю» [9. С. 254]. Действительно, «что истинно в жизни людей, то истинно и в жизни общества» [9. С. 301]. В этом смысле для каждого человека объективная всеобщая история, отражающая тот или иной социальный прогресс, является и его личной историей.

Социальный опыт показывает, что существует значимая связь человеческого достоинства с миром ценностей: духовных, социальных, нравственных, поведенческих, интеллектуальных, эстетических. Но механически эти ценности тиражироваться не могут. Необходимы определенные гуманитарные технологии, основным содержанием которых должны быть *культура* и *образование*.

Культурные ценности создаются посредством приложения тех или иных знаний к тем или иным практическим потребностям. Другими словами, речь идет о воспитании в человеке определённых личностных качеств, которые упоминались выше. «Воспитание человека представляет то или иное изменение его свойств и поведения, сообразное с поставленной целью или идеалом» [7. С. 254]. «Личность должна выработать в себе преимущественную установку на плодотворную деятельность, преодолев зависимость, самолюбование, склонность к накопительству и к помыканию другими; человек должен поверить в собственные силы, должен отважиться полагаться на себя в достижении целей» [10. С. 194].

Еще К. Маркс доказал, что «какое-нибудь существо является в своих глазах самостоятельным лишь тогда, когда оно стоит на собственных ногах, а на своих собственных ногах оно стоит лишь тогда, когда оно обязано своим существованием самому себе» [5. С. 125]. В этом состоит суть идеи о независимом, активном, продуктивном человеке. Нравственной установкой такого человека должны быть: забота, ответственность, уважение, знание, стремление к счастью, к свободе, к принадлежности к какой-то общности. При этом, на наш взгляд, это не только осознанная необходимость, но и *осознанная возможность* человека осуществить свое достоинство.

Именно культура и образование выступают технологической составляющей социального благополучия (социального прогресса), причем «действовать» они должны одновременно, в одной связке, так как, по сути, человек не очень глубоко защищен культурой: этот «слой» быстро слетает и должен быть усилен образованием и, конечно, определенным *уровнем благосостояния*. Культура через воспитание, развитие творческих способностей и т.д. оп-

ределяет уровень *духовного развития* человека, позволяет «сторожить в себе человека».

Культура развивается не путем простого приращения духовных сокровищ. В ней постоянно происходят парадигмальные сдвиги, обусловленные стремлением найти новое ценностное ядро. Процессы трансформации культуры часто воспринимаются как разрушение основ человеческого бытия, как дегуманизация общества и утрата перспектив духовности. Так, в XX в. весьма распространенной стала массовая культура, поп-культура. Это же происходит и сегодня, в XXI в. В принципе духовные итоги XX в. парадоксальны для человека: с одной стороны, его обостренное чувство собственной индивидуальности и свободы, с другой – все большее отсутствие этой индивидуальности, самоотрицание собственной свободы, бегство от самого себя.

В русской традиции понятия «свобода» и «воля» – разные. *Свобода* – это правовое поле, но она должна *воспитываться*. Ее нельзя обеспечить законом. Разве может быть свободная страна, где каждый занят только своим, где ослабевает чувство общности и патриотизма? При этом под патриотизмом понимаются не временные порывы, основанные на эмоциях: такой патриотизм быстро проходит, а порой и перерождается в свою противоположность. *Подлинный патриотизм* предполагает выстраивание действий и в целом политики, *направленных на благополучие общества*. Он несовместим с героизмом, когда человек, не задумываясь, отдает свою жизнь за Родину, когда он с лопатой поднимается на крышу взорвавшегося реактора (Чернобыль), бросается на танк и т.д. Конечно, такие люди – герои, но какое же это варварство – так дешево ценить человека! Истинный патриотизм должен быть *связан* не с героизмом, а с *благополучием*. В таком понимании *патриотизм* есть условие и индикатор благополучия, и именно он должен быть «*инструментом*» современных высоких гуманитарных технологий. В известном смысле такие технологии должны обеспечивать соответствие формационного качества цивилизационному контексту. При этом это требование распространяется не только на российское общество, но и на весь современный мир. Если раньше вопрос «Что делать?» был генетически характерен только для России, то сегодня он распространяется на весь мир.

Тем не менее для российского общества данный вопрос особенно актуален, так как в нем возрастают социальная неудовлетворенность, тревожность, неуверенность в завтрашнем дне и как следствие – растет агрессивность населения, его раздражительность, даже некоторая неуправляемость, низкий порог реакции на конфликтные ситуации. Деньги стали главным мерилем благополучия, образованность снижается. Конечно, по сравнению с советскими и ельцинскими временами сегодня у населения создается иллюзия более высокого качества жизни (во всяком случае в целом по России ВВП на душу населения значительно вырос: если в 1999 г. он составлял 7473 долл., то в 2013 году – 19674 долл.) [4. С. 150] [3. С. 82]. Но одновременно возросла неопределенность будущего, о чем свидетельствуют характеристики социального благополучия, приведенные в таблице [11. С. 196, 200, 204, 220].

Таблица

Характеристика социального благополучия в некоторых странах в 2013 г.

Показатели	Россия	Норвегия	США	Германия	Великобритания	Франция
Удовлетворенность качеством образования (% удовлетворенных)	39	78	64	60	73	67
Удовлетворенность качеством здравоохранения (% удовлетворенных)	27	82	73	86	86	78
Молодежная безработица (% в населении 15–24 лет)	14,8	8,6	16,2	8,1	21,0	23,8
Число самоубийств (на 100 тыс. чел), в т. ч. семейных одиноких	9,5 53,8	6,5 17,3	4,5 17,7	6,0 17,9	3,0 10,9	8,5 24,7
Удовлетворенность уровнем жизни (% удовлетворенных)	42	90	72	90	80	83
Удовлетворенность работой (% удовлетворенных)	70	91	85	91	88	76
Удовлетворенность свободой выбора (% удовлетворенных)	51	92	82	90	88	83
Число заключенных (на 100 тыс. человек)	475	72	72	79	148	98
Доверие (% ответивших «да»): другим людям правительству	24 45	... 66	37 35	31 94	35 42	20 44
ВВП на душу населения (в долл. по ППС)	19674	62858	50859	41966	34694	36074

Из данных таблицы становится очевидным, что без опережающих вложений в человека (в образование, здравоохранение, культуру и т.д.) Россия не сможет обеспечить свое благополучие и благополучие населения. Необходимо, чтобы уже через 5–10 лет выросло поколение людей, готовых ответить на вызовы времени. Через воспитание и разностороннюю образованность возрастет эрудиция, разовьются подлинный патриотизм, гражданственность, широкий подход к жизни, что само по себе является залогом достижения максимального успеха в жизни. И это тем более необходимо делать сейчас, так как в обществе возрастают индивидуалистические тенденции, низкий уровень доверия к людям и правительству, распространена беспринципная, массовая культура с деградацией норм и ценностей.

Начиная с 1917 г. в России шел процесс потери культуры нашего Серебряного века. И сегодня нарастает *внутренняя агрессия* и на *бытовом уровне*, в семье, о чем свидетельствуют драки, жестокое обращение с детьми, бытовые убийства. По числу убийств мы занимаем второе место в Европе, по количеству разводов – первое место, по самоубийствам – 3-е место. От жестокости родителей ежегодно страдают 2 миллиона детей, 50 000 подростков убегают из дома [2. С. 6]. Возросла агрессия в *подростковой среде*: девочки избивают друг друга, ученики избивают учителей. Нравственной деградации способствуют жажда обогащения, безнаказанность бюрократии, незащитность обыкновенного (рядового) человека, и в целом население все сильнее чувствует неблагополучие, так как реальное благополучие зависит от наличия работы, от уровня заработной платы, от доступа к бесплатному образованию и лечению, от благополучия в семье.

Отмеченные негативные тенденции, наблюдаемые сегодня в российском обществе, убедительно доказывают необходимость развития, наряду с культурой и образованием, и *семейных отношений* как индикатора благополучия в обществе. Семья отражает нормы того типа культуры, в котором она функционирует, т.е. отражает не только ценности, но и солидарность в обществе и его конфликты. Сегодня особенно важна воспроизводственная функция семьи, учитывающая повышение ответственности и родителей, и детей, расширение их участия в посильном труде. Преобладающей же формой общения должны быть любовь и взаимоуважение, причем взаимоуважение внутри важнее внешних признаний. Последнее в значительной степени зависит от уровня культуры родителей, их образования, традиций и обычаев в семье и т.д. Конечно, очень важен и жизненный уровень семьи, в том числе обеспеченность жильем, в котором могли бы жить без излишней напряженности три поколения: супруги, их дети и их родители.

Формирование нравственных основ должно происходить и в семье, и в обществе, и в государстве на основе соблюдения нравственных законов, выработанных человечеством.

Литература

1. *Аргументы и факты*. 2014. № 51.
2. *Аргументы и факты*. 2015. № 9 (1790).
3. *Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации*. М.: Весь мир, 2001. 119 с.
4. *Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации*. М.: Весь мир, 2013. 200 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Издательство политической литературы, 1974. Т. 42. 511 с.
6. Х. Ортега-и-Гассет. Что такое философия? М.: Наука, 1991. 405 с.
7. Сорокин П.А. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. 560 с.
8. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Изд-во политической литературы, 1992. 543 с.
9. Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 729 с.
10. Фромм Э. Душа человека. М.: АСТ, 1998. 761 с.
11. *Human Development Report 2014*. UNDP, 2014. 222 с.

Udaltsova Mariy V., Abramova Elena A. dr. econ. of sciences, professor Novosibirsk State University of economy and management «NINH»

E-mail: merrymary999@mail.ru

E-mail: elabr@ngs.ru

DOI: 10.17223/1998863X/33/19

CULTURE AND EDUCATION TECHNOLOGY AS SOCIAL WELFARE

Keywords: *welfare, culture, education, high humanitarian technologies, genuine patriotism, prosperity, dignity, trust, aggression, family.*

The article examines the social well-being understood as social progress. The necessity of the development and implementation of high humanitarian technologies, which represented the main content of culture and education. Offered such as indicators of social well-being of true patriotism, a decent level of well-being, freedom as a conscious opportunity to exercise their human dignity, confidence, lack of aggression and productive family relationships.

References

1. *Argumenty i fakty*. (2014) 51.
2. *Argumenty i fakty*. (2015) 9(1790).

3. Russian Federation. (2001) *Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Rossiyskoy Federatsii* [Report on Human Development in the Russian Federation]. Moscow: Ves' mir.
4. Russian Federation. (2013) *Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Rossiyskoy Federatsii* [Report on Human Development in the Russian Federation]. Moscow: Ves' mir.
5. Marx, K. & Engels, F. (1974) *Sochineniya* [Works]. Vol. 42. Translated from German. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
6. Ortega y Gasset, J. (1991) *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?] Translated from Spanish by O.V. Zhuravlev. Moscow: Nauka.
7. Sorokin, P.A. (1994) *Stat'i raznykh let* [Articles in different years]. Moscow: Nauka.
8. Sorokin, P.A. (1992) *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury.
9. Toynbee, A.J. (1991) *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Translated from English. Moscow: Progress.
10. Fromm, E. (1998) *Dusha cheloveka* [Human soul]. Translated from German. Moscow: AST.
11. UNO. (2014) *Human Development Report 2014*.

УДК 130.122, 2-762

DOI: 10.17223/1998863X/33/20

Е.В. Щетинина

МИССИОНЕРСКИЙ ПРОЕКТ КАК ПРОДУКТ ЧЕЛОВЕКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ПОСТСЕКУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЫ

На основании применения экономического подхода в философско-антропологических и культурфилософских исследованиях анализируется миссионерский проект в качестве специфического продукта человека как производителя религии. Раскрываются философско-антропологические особенности миссионерского проекта.

Ключевые слова: постсекулярная культура, постсекулярность, человек экономического, религиозный рынок, человек – производитель религии, человек – потребитель религии, миссионерский проект.

В сложной взаимосвязи с процессами современной постсекулярной¹ трансформации статуса религии протекают и процессы трансформации самого человека. Всё более возрастает удельная доля в человеческом экономическом², что позволяет говорить о завершении перехода от *homo religious* к *homo economicus* [3. С. 14], когда все антропологические феномены, включая религиозные, оказываются пропитанными экономикой.

В таких условиях становится необходимым применение экономического подхода в русле философско-антропологических и культурфилософских исследований, что делает актуальным изучение религиозных феноменов в рамках концепции человека экономического³. К данным феноменам относится миссионерская деятельность религиозных организаций, а именно анализ миссионерского проекта в качестве продукта человека экономического.

Практическая значимость подобных исследований определяется возможностью использования их результатов для формирования, с одной стороны, практической ориентации человека в сложных процессах постсекулярной культуры (и соответствующего выбора мировоззренческих установок), с дру-

¹ «Постсекулярная эпоха представляет собой новый этап развития общества, характеризующийся кардинальным изменением аксиоматики культуры, связанным с актуализацией ее сакральных оснований. В постсекулярном обществе религии вновь начинают занимать значительное положение. Постсекулярный мир можно определить как новое пространство, в котором уже не действуют прежние правила модерна, в том числе в связи с окончанием доминирования секулярных идеологий XX в., трансформацией религиозности и ее упрощением до образа жизни, а также заменой антирелигиозной светскости конструктивной» [1. С. 17]. Сейчас тема постсекулярного активно дискутируется в работах таких авторов, как С. Дюринг, Х. Казанова, Г. Макленон, М. Ратти, Ч. Тейлор и др., среди отечественных исследователей это А.И. Кырлезов, Д.А. Узланер, С.С. Хорунжий и др.

² «Такой тип человека и его деятельность, сформированные спонтанно на основе товарно-денежных отношений, превратились в доминирующие факторы всей общественной жизни в условиях экономической эпохи, стали главными движущими силами той цивилизации, при которой экономические связи между людьми укрепились, взаимообусловленность же их деятельности и ее результатов оказалась до тех пор невиданной» [2. С. 283–284].

³ При этом необходимо отметить, что «экономический подход применим ко всякому человеческому поведению» [4. С. 180].

гой стороны, возможностью реализации на уровне социума рациональной и обоснованной религиозной политики.

В современном обществе религия может выступать не только средством сплочения, духовного развития и инструментом психологической поддержки людей, но и важнейшим фактором, влияющим на геополитические события. На этом сказались как процессы десекуляризации общества, например, либерализация конфессиональной политики постсоветского пространства в начале 90-х гг. XX в., так и процессы глобализации, связанные с развитием интернет-технологий, позволяющих использовать новые подходы в миссионерской деятельности (реклама через социальные сети, создание собственных сайтов и др.) и реализации религиозных практик (онлайн-трансляции духовных собраний, проповеди через программу скайпа и др.).

Новое видение происходящих постсекулярных процессов предлагает так называемая новая парадигма в социальной теории. В ней классические вопросы о религиозном осмысляются с помощью серии экономических концептов, таких как теория рационального выбора¹ и социального обмена. В работах Р.С. Уорнера, Л. Яннаконе, Ч. Глока, Р. Старк, У. Байнбриджа, Р. Финке, М. Гест и др. описываются модели «религиозной экономики», «религиозных рынков»² и «религиозных фирм». Отдельные работы зарубежных авторов – Р. Белла, А. Баркер, Д. Ричардсона и др. – посвящены исследованию новых религиозных движений как субъекта рыночных отношений, причем в них подчеркивается тот факт, что значительное разнообразие религиозной жизни в современную эпоху религиозного плюрализма требует и новой адекватной формы методологии, способной схватывать специфику и сущность данного разнообразия.

Согласно экономическому подходу, религиозное пространство современной России представляет собой сложившийся и активно функционирующий рынок религий, где религиозные организации можно рассматривать в качестве фирм, открыто конкурирующих друг с другом. В подобных условиях человеку отводятся две ключевые роли: роль «производителя религии», которую реализуют священнослужители (пасторы, духовные лидеры организации, духовные учителя и др.) и роль «потребителя религии» – интересующиеся той или иной религиозной традицией люди, а также члены религиозных организаций (прихожане, неофиты, участники религиозных практик и др.).

Условия как рыночной культуры в целом, так и религиозного рынка в частности превращают человека «потребляющего» в некую «машину жела-

¹ Так, социологи религии Р. Старк и Л. Яннаконе рассмотрели проблему выбора религии в рамках базовой теории поведения потребителя, основной постулат которой состоит в том, что потребители стремятся максимизировать полезность или удовлетворение, получаемое от расходования фиксированного дохода.

² Концепция «религиозного рынка» была сформулирована и разработана западными исследователями Г. Беккером и П. Бергером. Из отечественной историографии в рамках экономического подхода к религии можно выделить исследование Н.М. Розановой. Автор рассматривает взаимодействие религиозных организаций и населения (потенциальных и реальных членов организации) как особый рынок, где в зависимости от цели и характеристик экономических агентов – продавца и покупателя религиозных услуг – формируется то или иное равновесие кривых спроса и предложения. Отдельные аспекты «религиозного рынка» рассматриваются также в работах С.В. Голикова, Н.Г. Привалова, С.Е. Гречишниковой и др.

ний»¹, удовлетворение которых становится одной из функций «производящего» человека. Именно от «производителя религии» зависит ее качество (доступное изложение догматических установок, сочетание теоретических основ учения с психофизическими практиками и др.), форма (литургические службы, неформальные встречи и др.), формат подачи материала покупателям (молитвенные марафоны, лекции, онлайн-проповеди и др.). Таким образом, «производители религии» становятся фундаментом укрепления позиций религиозных организаций.

«Производители религии» влияют и на укрепление и рост религиозных организаций: в современных условиях жесткой конкуренции между религиозными «фирмами» немаловажным аспектом в религиозном управлении становится развитие и поддержка миссионерских проектов – стратегий развития, укрепления собственного движения как в росте сторонников движения, так и в росте его дочерних организаций.

Миссионерский проект в религиозной организации становится одним из важных «продуктов» экономического человека, так как разрабатывается исключительно для получения «прибыли» как организации, так и лидера организации. В качестве прибыли можно рассматривать увеличение численности последователей, финансовых поступлений, расширение территориального влияния.

Таким образом, миссионерский проект является и продуктом производителя религии, и средством производства, используемым для развития религиозной организации и получения больших возможностей влияния на реальность.

Концепцией миссионерского проекта занимается лидер организации или отдел миссионерской работы, затем проект обсуждается и дорабатывается на собрании членов организации (приближенных к руководству пасторов, лидеров групп) и впоследствии распространяется по организациям в форме письменных инструкций или лекций со стороны руководства, находя свое воплощение за счет членов организации. В подобных условиях лидеры организаций реализуют себя не только в качестве посредников Бога на земле (что характерно для последователей христианской традиции), но и как менеджеры, маркетологи, экономисты, создающие свой собственный проект и разрабатывающие стратегию его распространения.

Наибольший количественный и качественный рост миссионерских проектов разрабатывается у представителей новых религиозных движений. Это связано с догматическим развитием данных учений, где роль человека не подчиняется строгой идеологической иерархии, тем самым позволяя ему свободно реализовываться в миссионерской деятельности религиозной организации.

Отметим, что в практику миссионерских проектов менеджеры религиозных организаций включают стратегию увеличения церковей, увеличение численности прихожан и увеличение влияния организации как в стране в целом, так и в отдельных городах.

Важнейшей задачей в разработке миссионерского проекта является определение территориальных районов для его успешного развития, а также определение социальных групп и работа с ними.

Представители религиозных организаций, разрабатывая миссионерские стратегии, основываются на следующих видах деятельности:

¹ Согласно терминологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари [5].

1. Проекты, направленные на работу с молодыми людьми. Работа с молодежью проходит в рамках организации уличных проповедей (уличная евангелизация, организация харинамы и др.), досугово-развлекательных мероприятий (проведение фестивалей российско-индийской культуры, выставок картин духовных учителей и др.) и специализированных программ в образовательных учреждениях (молитвенные марафоны в университетах, лекции по профилактике наркозависимых в школах и колледжах и др.). «П. Джонстоун, рассматривая студентов мира в качестве особого объекта внимания миссий, следующим образом характеризует объем работы и перспективы: «Во всем мире 37 млн студентов в университетах и колледжах. Многие из них займут руководящие должности через 20 лет»» [6. С. 163].

2. Проекты, направленные на социально не защищенные слои общества, – организация реабилитационных центров, фондов и движений для лечения алко- и наркозависимых (например, благотворительные фонды «Фарес», «Наркокон» и др.). Привлечение в свои круги участников реабилитационных центров позволяет новым религиозным движениям набрать большую количественную «массу» как из числа «пациентов» данных центров, так и из числа их родственников.

3. Проекты, направленные на повышение уровня образования членов организации, – организация библейских курсов, групп бхакти-врикша, лидерских групп, регритов. Высокий уровень знаний в богословских аспектах позволяет представителям организации эффективнее осуществлять миссионерскую деятельность.

4. Проекты, направленные на увеличение количества церквей, – развитие церковных ячеек, например, использование стратегий «Нового мирового порядка» А. Ледяева или стратегия «G12» С. Кастельяноса.

5. Проекты по развитию издательской деятельности, направленной на создание и распространение религиозной литературы (например, издательства «Виссон», «Лонгфелло» и др.).

6. Проекты, направленные на самопрезентацию и утверждение себя в административных структурах, – работа с муниципальными и ведомственными организациями, тесное сотрудничество с представителями администрации (участие в городских благотворительных акциях, реализация социальных проектов и др.).

7. Проекты, направленные на воспитание как лидеров, так и миссионеров организации, – развитие миссионерских центров, проведение конференций, посвященных проблемам миссионерской деятельности (например, молодежная миссионерская конференция «Посвящение в нестабильности», конференция «Миссия прихода – 2014» и др.).

Развитие направлений миссионерской деятельности зависит исключительно от стратегии, разработанной представителями религиозной организации: правильно выбранные территориальные границы, распределение подходов к социальным группам, учет экономических и политических особенностей региона, правильно подготовленная миссионерская группа – все это влияет на качество миссионерского продукта.

Так, в 2013–2014 гг. на территории г. Челябинска активно реализовывались миссионерские проекты международных неохристианских движений

«Содружество студентов христиан» и «Мое поколение», чья деятельность была направлена на евангелизацию молодых людей (от первоклассников до выпускников вузов). Для реализации своего миссионерского проекта данные организации использовали несколько базовых площадок.

Одной из подобных площадок стали челябинские религиозные организации неохристианского характера – «Церковь Божия», «Слово Жизни», «Новая жизнь», где данные движения проводили активную работу с религиозной молодежью, обучая их навыкам лидерства через миссионерские конференции, школы, тренинги. Целью работы на данной площадке стала подготовка лидеров для миссионерской работы в образовательных учреждениях, где, согласно законодательству РФ, запрещается осуществление миссионерской деятельности представителями религиозных организаций (но, как оказалось, возможно ее осуществление за счет неформальной миссионерской работы со стороны учащихся). Юные миссионеры получали задание проповедовать среди своих одноклассников (например, рассказать о Новом Завете соседу по парте), приглашать свои классы и группы на встречи библейского общения, что делалось как напрямую (вербально или с помощью пригласительных листовок), так и с помощью небольших подарков (киндер-сюрпризы, конфеты, баночки с соком с прикрепленными к ним приглашениями).

Другой миссионерской площадкой стали образовательные учреждения города, а именно университеты (ЧелГУ, ЧГПУ), где организовывались кино клубы, встречи с христианской молодежью, молитвенные марафоны за вузы города (их религиозное пробуждение), приглашения на концерты, спортивные мероприятия и др. Целью работы представителей данных организаций в образовательных учреждениях стало привлечение активно интересующейся молодежи вначале к деятельности внерелигиозного характера (участие в диспутах на духовные темы, кино клубы), с последующим вовлечением их в деятельность религиозную.

Еще одной площадкой для реализации данных миссионерских проектов стала интернет-сфера, а именно социальные сети (например, социальная сеть «ВКонтакте»), где создавались одноименные движения группы «ССХ г. Челябинск» («Содружество студентов христиан г. Челябинска»), «Мое поколение, Челябинск», а также отдельные группы по разным направлениям работы, посвященные кино клубу или выездным мероприятиям (например, такие группы, как «Молодежный сплав», «Молодежная конференция ReLoad #re2015» и др.). Через участие в данных группах также активно осуществляется миссионерская деятельность, посредством распространения информации через участников групп, публикующих информацию о данных сообществах на своих страницах в социальных сетях (например, девиз «Моего поколения» – «Моя школа моя ответственность»). Обратим внимание, что интернет-группы обоих проектов по Челябинску были организованы в 2013 г. и за год своего существования достигли значительных показателей по числу активных участников. Группа «Мое поколение, Челябинск» насчитывает 166 человек (также значительное число участников имеют и другие группы, образованные по территориальному признаку «Мое Поколение, Нижний Новгород» – 109 человек, «Мое Поколение, Томск» – 129 человек и др., при этом в общероссийской группе «Мое поколение» состоит 6 668 человек (этот по-

казатель достигнут всего за несколько лет активной миссионерской деятельности). Группа «ССХ, г. Челябинск» насчитывает 69 человек (также имеются отдельные территориальные и тематические группы последователей, такие как «ССХ-выпускники» – 248 человек, «ССХ – Нижний-Новгород» – 448 человек и др., в общероссийскую группу «ССХ» входят 456 человек).

Выбранная стратегия данных неохристианских движений позволила им, во-первых, заручиться поддержкой и авторитетом со стороны религиозных организаций, во-вторых, реализовывать свои проекты на «светских площадках» – в образовательных учреждениях, в-третьих, самостоятельно выбирать и воспитывать лидеров молодежных направлений движений, следовательно, укреплять свою позицию за счет их миссионерской деятельности как в настоящем (например, в школе), так и в будущем (в университете, на рабочем месте и др.).

Таким образом, применение экономического подхода к исследованию миссионерского проекта в русле философско-антропологического и культур-философского анализа позволяет по-новому раскрыть особенности современной миссионерской деятельности, где на первое место выходит не идея «истинности Бога» – догматические нормы и традиции религиозной организации, а правильно составленная и реализуемая стратегия, авторство которой принадлежит конкретному человеку. Это в полной мере соответствует как тенденциям постсекулярной культуры, так и особому антропологическому типу – человеку экономическому, для которого религиозная сфера из сакральной преобразуется в экономическую, где господствуют законы производств, обмена и потребления.

Литература

1. Минчинко Т.П. Проблема свободы совести в эпоху постсекулярности: истоки и перспективы: дис. ... д-ра филос. наук. Томск: НИТГУ, 2011.
2. Малашиха Г. От человека экономического к человеческому: критический взгляд на современную экономическую систему // Перспективы человека в глобализирующемся мире. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 278–318.
3. Левандина И.А. «Экономический человек»: концептуальные версии: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д: Южный федеральный университет, 2008.
4. Ложкина Н.В. Философско-антропологические основания экономического подхода к изучению поведения человека: дис. ... канд. филос. наук. Пермь: ПТГУ, 2005. С. 180.
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения: Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
6. Трофимчук Н.А., Свищев М.П. Экспансия. М.: Изд-во РАГС, 2000.

Schetinina Elizabeth, Chelyabinsk State. Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russian Federation)

E-mail: schetininaev@ya.ru

DOI: 10.17223/1998863X/33/20

MISSIONARY PROJECT AS A PRODUCT OF ECONOMIC HUMAN IN THE CRISIS OF POST-SECULAR CULTURE

Keywords: post-secular culture, post-secular, economic human, religious market, man as a manufacturer of religion, man as a consumer of religion, missionary project.

In the article based on the application of the economic approach to the philosophical and anthropological and cultural-philosophical studies analyzed the missionary project as a specific product of man as a manufacturer of religion. Describes the peculiarities of missionary project.

In the first part of the article the author examines the relationship between processes of transformation of the status of religion in the culture and processes of transformation of the human. With the development of material and technical aspects of human existence is an increasingly growing share of economic factors in human existence, which is indicative of the completion of the modern transition from homo religious to homo economicus, when all anthropological phenomena, including religious, are determined by economic structure. On this basis, it is concluded on the need for an economic approach in line with the philosophical-anthropological and cultural-philosophical research that makes it relevant to the study of religious phenomena through the concept of economic human.

In the second part of the article examines the changing nature of religion in modern society, to which the author's opinion, was influenced by two key processes: the process of de-secularization of society, such as the liberalization of religious policy the former Soviet Union in the early 90s of the twentieth century and the process of globalization.

In the next part of the article discusses the conceptual provisions problem of religious market and the concept of economic man. The author notes that, according to economic approach religious space of modern Russia is an established and actively functioning market religions where religious organizations can be considered as firms openly competing with each other. In these conditions, man performs the following key roles: the role of "manufacturer of religion" and the role of "consumer religion".

Further, the author goes on to direct analysis of missionary project. Shows that the missionary project is not just a product manufacturer of religion, but also a means of production used them to expand the organization and gain greater opportunities for influence on reality.

In the last part of the article discusses the various types of missionary project based on the analysis of empirical sources, and are the factors that determine its content and quality.

At the end of the article concludes on the need for economic-anthropological approach to the study of missionary activity, allowing for a new open features religious space post-secular cultures where the first place there is not "the truth of God" - the dogmatic rules and traditions of the religious organization, - but correctly made and implemented strategy of missionary project, the authorship of which belongs to a specific person.

References

1. Minchinko, T.P. (2011) *Problema svobody sovesti v epokhu postsekulyarnosti: istoki i perspektivy* [The problem of freedom of conscience in the post-secular era: Origins and Prospects]. Philosophy Doc. Diss. Tomsk: NITGU.
2. Malashkhiya, G. (2003) Ot cheloveka ekonomicheskogo k chelovechnomu: kriticheskiy vzglyad na sovremennuyu ekonomicheskuyu sistemu [From economic human to humanity: A critical look at the current economic system]. In: Partsvaniya, V.V. (ed.) *Perspektivy cheloveka v globaliziruyushchetsya mire* [Human prospects in a globalized world]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe Philosophical Society. pp. 278–318.
3. Levandina, I.A. (2008) *"Ekonomicheskiy chelovek": kontseptual'nye versii: sotsial'no-filosofskiy analiz* ["Economic Man": Conceptual version. Social-philosophical analysis]. Philosophy Cand. Diss. Rostov n/D: Southern Federal University.
4. Lozhkina, N.V. (2005) *Filosofsko-antropologicheskie osnovaniya ekonomicheskogo podkhoda k izucheniyu povedeniya cheloveka* [Philosophical-anthropological bases of the economic approach to the study of human behavior]. Philosophy Cand. Diss. Perm: PTGU.
5. Deleuze, G. & Guattari, F. (2007) *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. Translated from French by D. Kralechkin. Ekaterinburg: U-Faktoriya.
6. Trofimchuk, N.A. & Svishchev, M.P. (2000) *Ekspansiya* [Expansion]. Moscow: RAGS.

УДК 316

DOI: 10.17223/1998863X/33/21

Н.Н. Мещерякова, А.Ю. Карпова

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Рецензия на книгу:

Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота: монография / С.А. Кравченко; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. социологии; Ин-т социологии РАН. – М.: МГИМО-Университет, 2015 – 342 с.

Представлена рецензия на монографию С.А. Кравченко, посвященную исследованию идеи гуманистического поворота в социологии. Монография примечательна тем, что вводит читателей в круг наиболее перспективных научных дискурсов современности. Через призму гуманизации человеческих отношений автор проводит анализ наиболее заметных, продуктивных концепций не только прошлого, но и настоящего, в том числе тех, которые еще не получили широкого освещения в переводной литературе. Ключевые слова: гуманизация, социология, научное знание, нормальная аномия, сложное общество.

Новая работа С.А. Кравченко, посвященная исследованию идеи гуманистического поворота в социологии, может стать чрезвычайно интересной и полезной для ученых, аспирантов, студентов, занимающихся теоретической социологией и историей социологии, поскольку в ней через призму гуманизации человеческих отношений проводится анализ наиболее заметных, продуктивных концепций не только прошлого, но и настоящего, в том числе тех, которые еще не получили широкого освещения в переводной литературе [4]. Особо подчеркнем, книга вводит читателей в круг наиболее перспективных научных дискурсов современности, получивших освещение на всемирных и европейских конгрессах, в которых автор принимал личное участие.

С. Кравченко давно и плодотворно продвигает идею о необходимости переоткрытия социологического знания, к чему подталкивает сам характер ускользящей и усложняющейся социальной реальности. Потребность переосмыслить реальность связана с постоянно возникающими аномалиями, вызванными неожиданными нелинейными эффектами турбулентности, разрывами, травмами в обществе и природе, которые появляются на глобальном и локальном уровне [4. С. 258]. Книга раскрывает нам рефлексию социологии на вызовы человеку и обществу через призму ее полипарадигмального характера, над обоснованием чего автор работает уже почти два десятка лет [5].

Для познания общества, в котором изменяются, казалось бы, фундаментальные характеристики времени и пространства, необходимы качественно иные парадигмы, основанные на синтезе социологических теорий с другими науками. В постижении реалий такой сложности более преуспевают ученые, которые полагают, что у социологии и естественных наук может быть общее предметное поле. Поэтому автор заявляет о необходимости синтеза научного

знания, который привел бы нас к новой междисциплинарной науке. Это предполагает более широкую интеграцию научного знания, обусловленную сложными изменениями в социальном и природном мирах, на что им ранее указывалось [2. С. 11–18]. Неизбежность широкой междисциплинарной интеграции знания вытекает из того, что сама реальность сегодня неразделима даже аналитически, и риски и уязвимости в ней пронизывают как социальную, так и технологическую, и экологическую сферы [3. С. 14–25].

Во-первых, автор в данной работе еще раз обращается к одной из принципиальных идей своего творчества о необходимости гуманистического поворота не только в социологии, но во всех науках, за что он ратует уже более 10 лет [1. С. 2006]. Новая парадигма мышления имеет дело с ускорением динамики, дисперсией основных моральных принципов, обеспечивавших ранее целостность социального бытия, «нормальной аномией» и предполагает поиск новых форм гуманизма, что должно вести к гуманистически ориентированному знанию на основе синтеза социальных, естественных и гуманитарных наук, их развитию в направлении поиска новых форм интегрированного научного знания, которое было бы валидно для анализа нелинейной динамики и основывалось на гуманизме и экзистенциальных потребностях человека [4. С. 17].

С. Кравченко проводит в своей работе широкий анализ истории развития социологического знания на всех этапах его становления, отказавшись от традиционной классификации по критериям историко-культурного и локально-национального контекстов, и предлагает вместо описательного аналитический подход к изучению, сформулировав критерий «способность теории более адекватно отражать увеличение динамической сложности общества» [4. С. 9]. Смещение акцентов со статического на динамический аспект социологического знания непосредственно связывается автором монографии с феноменом «стрела времени», предложенным И. Пригожиным для объяснения парадокса времени [6].

Концепция «стрела времени» предполагает отказ от детерминистских законов, олицетворявших объективное знание, заменяя их для большинства физических систем вероятностными законами, необходимыми для эволюционного описания, основанными на событии и вероятности, где события являются следствием неустойчивости хаоса. «Стрела времени» создает парадокс времени, различие между прошлым и будущим, начальными условиями и последствиями, нарушая один из главных принципов детерминистского мира – обратимость, когда по последствиям можно вычислить начальные условия, а по начальным условиям спрогнозировать последствия.

Акцент на динамике позволяет автору прийти к выводу, что смена поколений социологических теорий связана с преодолением обществом очередного порога динамической сложности и является теоретико-методологическим инструментарием анализа ускоряющейся динамики социокультурных изменений.

Во-вторых, нелинейный характер современного общества, асинхронность развития отдельных регионов и общностей приводят автора монографии к выводу, что все пять поколений социологических теорий, которые он выделяет: позитивистская метапарадигма, интерпретивная, интегральная, рефлексивная, нелинейная, – современны, так как, во-первых, позволяют проводить систематизацию знания, а во-вторых, позволяют объяснять отдельные феномены социальной реальности. Любая социологическая теория внутренне ак-

тивна, связана с саморазвитием социума, с социокультурной динамикой общества. В каждой по-новому решаются субъект-объектные отношения между социальной реальностью и ее отражением, это отражение столь же изменчиво, что и сам объект познания. Современное знание, как считает П. Штомпка, принимает форму «становления» [7].

Аналитическое осмысление, предпринятое в рецензируемой работе, представляет собой систему отражения идей, существующих в нелинейной парадигме мышления, через теорию динамической сложности общества, позволяет взглянуть на, казалось бы, устоявшееся знание под новым ракурсом, освежить и обогатить концептуальный аппарат социологии.

Литература

1. Кравченко С.А. Гуманистическая концепция Т. Лукмана и нелинейные реалии российского общества // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 3–13.
2. Кравченко С.А. Социология в движении к взаимодействию теоретико-методологических подходов // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 11–18.
3. Кравченко С.А. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 14–25.
4. Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота. М.: МГИМО-Университет, 2015. 342 с.
5. Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология: парадигмы и темы. М., 1998. 507 с.
6. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 296 с.
7. Sztompka P. *Society in Action: A Theory of Social Becoming*. Cambridge, 1991.

Meshcheryakova Nataliya N. National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation)

Karpova Anna Yu. National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: sreda@email.ru

DOI: 10.17223/1998863X/33/21

SOCIOLOGY HUMANISTIC PROSPECTS IN MODERN SOCIETY

Keywords: humanization, sociology, scientific knowledge, normal anomy, difficult societ.

This work represents the review to the monograph of S. A. Kravchenko on researching the idea of humanistic turn in sociology. The monograph is remarkable for its entering readers into a circle of the most perspective scientific discourses of the present. The author carries out the analysis of the most noticeable, productive concepts not only of the past but the present as well including those that have not received an extended coverage in translated literature yet in terms of humanizing people relations.

References

1. Kravchenko, S.A. (2006) *Gumanitarnaya kontseptsiya T. Lukmana i nelineynye realii rossiyskogo obshchestva* [The humanitarian concept by T. Luqman and nonlinear realities of the Russian society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 8. pp. 3–13.
2. Kravchenko, S.A. (2011) *Sotsiologiya v dvizhenii k vzaimodeystviyu teoretiko-metodologicheskikh podkhodov* [Sociology on the move to the interaction of the theoretical and methodological approaches]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 11–18.
3. Kravchenko, S.A. (2010) *Dinamika sovremennykh sotsial'nykh reali: innovatsionnye podkhody* [The dynamics of contemporary social realities: innovative approaches]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 10. pp. 14–25.
4. Kravchenko, S.A. (2015) *Sotsiologicheskoe znanie cherez prizmu "strely vremeni": vostrebovanost' humanisticheskogo povorota* [Sociological knowledge through the prism of the "arrow of time": The relevance of the humanistic turn]. Moscow: MGIMO-Universitet.
5. Kravchenko, S.A., Mnatsakanyan, M.O. & Pokrovskiy, N.E. (1988) *Sotsiologiya: paradigmy i temy* [Sociology: Paradigms and themes]. Moscow: MGIMO-Universitet.
6. Prigogine, I. & Stengers, I. (2000) *Poryadok iz khaosa: novyy dialog cheloveka s prirodoy* [Order out of chaos: A new dialogue of man with nature]. Moscow: Editorial URSS.
7. Sztompka, P. (1991) *Society in Action: A Theory of Social Becoming*. Cambridge.

Сведения об авторах

1. **Абрамова Елена Алексеевна** – канд. мед. наук, доцент, Новосибирский государственный медицинский университет. E-mail: elabr@ngs.ru
2. **Аверина Екатерина Александровна** – старший преподаватель кафедры социальной работы, Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: ea-averina@mail.ru
3. **Антонюк Артем Максимович** – аспирант кафедры социологии культуры и коммуникаций факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: artiom.a000@gmail.com
4. **Балуев Дмитрий Геннадьевич** – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладного политического анализа и моделирования, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. E-mail: dbalu@yandex.ru
5. **Банных Галина Алексеевна** – канд. социолог. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Уральского государственного экономического университета. E-mail: gbannykh@gmail.com
6. **Быков Александр Александрович** – канд. ист. наук, доцент кафедры социальной работы Томского государственного университета. E-mail: aab56@sibmail.com
7. **Васильева Елена Александровна** – канд. социолог. наук, ведущий научный сотрудник Центра социальных проблем труда Академии наук Республики Саха (Якутия). E-mail: vasilieva_ea@bk.ru
8. **Вялых Никита Андреевич** – канд. Социолог. наук, старший преподаватель кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону). E-mail: sociology4.1@yandex.ru
9. **Губайдуллина Анастасия Николаевна** – канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы XX века филологического факультета, Национальный исследовательский Томский государственный университет. E-mail: gubgub@ngs.ru
10. **Гусев Владимир Владимирович** – канд. экон. наук, доцент кафедры корпоративной экономики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ в городе Саратове, E-mail: vladgus2006@yandex.ru
11. **Жапарова Алия Каиргельдыевна** – канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Омский автобронетанковый инженерный институт. E-mail: alfil82@mail.ru
12. **Жидкевич Наталья Николаевна** – аналитик, проектно-учебная лаборатория муниципального управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: nzhidkevich@hse.ru
13. **Зернов Дмитрий Васильевич** – канд. полит. наук, доцент кафедры прикладной социологии факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород). E-mail: zervd@mail.ru.
14. **Каминченко Дмитрий Игоревич** – магистр политологии, младший научный сотрудник кафедры прикладного политического анализа и моделирования, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. E-mail: ert1fg2@rambler.ru.
15. **Карпова Анна Юрьевна** – канд. социол. наук, доцент кафедры социальной коммуникации Института социально-гуманитарных технологий Национального исследовательского Томского политехнического университета. sreda@email.ru
16. **Малый Вадим Игоревич** – доктор социол. наук, профессор, заведующий кафедрой корпоративной экономики Поволжского института управления им. П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ в городе Саратове. E-mail: sreda@email.ru

17. **Мещерякова Наталия Николаевна** – доктор социол. наук, доцент кафедры социальной коммуникации Института социально-гуманитарных технологий Национального исследовательского Томского политехнического университета.

18. **Никонова Анна Александровна** – выпускник аспирантуры Казанского государственного медицинского университета. E-mail: anna-nik89@mail.ru

19. **Погодаев Николай Петрович** – канд. Ист. наук, доцент кафедры социальной работы, Томский государственный университет. E-mail: nik-pogodaev@yandex.ru

20. **Подкладова Татьяна Дмитриевна** – старший преподаватель кафедры социальной работы философского факультета Томского государственного университета. E-mail: tanyatomsk@mail.ru

21. **Попова Анна Владимировна** – выпускница кафедры социальной работы Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Новосибирск). E-mail: anna.lya.popova@gmail.com

22. **Сингизов Тимур Ринатович** – аспирант кафедры социальной работы философского факультета ТГУ, главный специалист-эксперт отдела реализации социальных программ Управления социальной защиты населения по г. Мегиону Департамента социально-го развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. E-mail: meg@dtszhmao.ru

23. **Скрипник Алена Владимировна** – канд. филол. наук, магистр экономики, доцент кафедры литературы, Томский государственный педагогический университет, доцент кафедры экономики и менеджмента, Томский институт бизнеса. E-mail: blackstrawberry@mail.ru

24. **Удальцова Мария Васильевна** – доктор экон. наук, профессор, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ». E-mail: merrymary999@mail.ru

25. **Чилипенко Юлия Юрьевна** – канд. социол. наук, доцент кафедры общего и стратегического менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород. E-mail: YuChil@rambler.ru

26. **Щетинина Елизавета Витальевна** – аспирант кафедры философских наук, Челябинская государственная академия культуры и искусств. E-mail: schetininaev@ya.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY, POLITICAL SCIENCE**

2016. № 1 (33)

Редактор *В.С. Сумарокова*

Оригинал-макет *Т.В. Дьяковой*

Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано в печать 28.03.2016.

Формат 70х100 ¹/₁₆. Печ. л. 12,5; усл. печ. л. 17,5; уч.-изд. л. 18,5.

Тираж 100 экз. Заказ № 1715. .

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru